

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов

Всероссийской научно-практической конференции
г. Волгоград, 26 октября 2018 г.

ВЫПУСК 11

Волгоград
ВА МВД России
2019

УДК 340.1
ББК 67.022.155я43
А 43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

А 43 Актуальные проблемы частного и публичного права [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 26 октября 2018 г. / редкол. : А. Н. Садков, П. М. Филиппов, Н. В. Котельников, Н. И. Батурина. – Вып. 11. – Электрон. дан. (1,4 Мб). – Волгоград : ВА МВД России, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, 1 GHz; 512 Мб оперативной памяти ; 3 Мб ОЗУ ; CD/DVD-ROM дисковод ; операционная система Windows XP и выше ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-7899-1167-9

В сборник включены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы частного и публичного права» (октябрь 2018 г.).

Издание предназначено курсантам, слушателям, адъюнктам и педагогическим работникам образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340.1
ББК 67.022.155я43

Редакционная коллегия: А. Н. Садков (председатель), П. М. Филиппов (зам. председателя), Н. В. Котельников (отв. секретарь), Н. И. Батурина (член редколлегии).

ISBN 978-5-7899-1167-9

© Волгоградская академия МВД России, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамов О. А.</i> Задержание физических лиц сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования.....	8
<i>Азибалова Е. Н.</i> Справедливость как принцип гражданского права.....	12
<i>Андрющенко Т. И.</i> Специфика административного усмотрения в деятельности органов внутренних дел.....	17
<i>Алексеева А. П., Анисимов А. П., Мелихов А. И.</i> Противодействие экологической преступности как актуальная задача по обеспечению национальной безопасности России.....	21
<i>Батурина Н. И., Батурина Е. В.</i> Право частной собственности и его реализация в современной России.....	24
<i>Демичев А. А.</i> Институт наследования с позиции хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения.....	29
<i>Деревягин Е. В.</i> Средства и пути улучшения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел.....	34
<i>Ершов О. Г.</i> Проблемы правоприменения статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации сквозь призму теории деликтного обязательства.....	37
<i>Жуманбек З. К.</i> Ограничение свободы договора при заключении сделок несовершеннолетними как правовая форма защиты интересов молодежи в гражданском законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан	45
<i>Ильина Е. В.</i> Первоначальные и неотложные следственные действия в уголовном процессе.....	49

Илюхина В. А.	
Классификация принципов семейного права Республики Армения.....	54
Истратенков А. Ю.	
Перспективы совершенствования практики функционирования государственной службы в России.....	58
Кабанова Ю. С.	
Некоторые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации.....	64
Квасников Е. С.	
Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) сотрудников ОВД.....	68
Коломейцева А. Г.	
Проблемы оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг.....	73
Конюх Е. А.	
Доказательства надлежащего исполнения обязательства по оказанию услуг.....	78
Костюченко Н. И.	
Конституционный аспект управления социальными системами.....	82
Косяченко В. И., Пахомов М. Е.	
Вопросы взаимодействия нарядов полиции при проведении выборов в органы государственной власти.....	87
Котельников Н. В., Мородумов Р. Н.	
Исключительное право на секреты производства.....	91
Малахова К. В.	
Пробелы в законодательстве: теория и практика.....	95
Малютина О. А.	
Соотношение частных и публичных интересов в антимонопольном законодательстве.....	99
Мартиросян М. Г.	
Субсидиарная ответственность работодателей: трудовое законодательство о несостоятельности (банкротстве).....	103

Мелихов А. В.	
Проблемы обеспечения частных интересов в сфере биотехнологий.....	109
Мелихов А. И., Никитина Г. А., Працко Г. С.	
Интересы национальной безопасности в правовом порядке земельной собственности иностранных государств на территории Российской Федерации.....	115
Митрофанова И. А.	
Условное завещание: спорные вопросы теории и практики.....	121
Нарушкевич С. В.	
К вопросу о родовом поместье и едином недвижимом комплексе.....	125
Осадченко Э. О.	
Перемена лиц в обязательстве, вытекающая из государственного контракта.....	130
Пагава Т. Л.	
Правовое регулирование специальных способов защиты имущественных прав граждан.....	135
Перегудова Д. А.	
Ответственность за пользование чужими денежными средствами и имуществом в сфере неосновательного обогащения.....	139
Плешакова О. В.	
Актуальные проблемы исследования, доказывания и возмещения морального и материального ущерба, причиненного в результате преступных посягательств на сотрудников полиции.....	142
Пономарева Е. В., Иноземцева Ю. Ю.	
К вопросу о совершенствовании основных направлений по противодействию исламскому экстремизму в Российской Федерации.....	148
Попов М. Ю.	
Структура статуса личности. Место и роль правосубъектности.....	152

Репникова Ю. В.	
Особенности участия несовершеннолетнего в гражданском процессе.....	162
Ростов Д. В.	
Противодействие незаконному предпринимательству в современной России.....	166
Ростовцева А. М.	
Особенности отношений участия и управления частных лиц в деятельности коммерческих организаций.....	171
Рудьман Д. С.	
Учет пола и возраста ребенка при разрешении судом вопроса об определении места жительства несовершеннолетнего после развода родителей.....	175
Садков А. Н.	
Лицензирование предпринимательской деятельности как элемент социализации частного права.....	179
Садков В. А.	
Актуальные проблемы нормативно-правового регулирования оборота цифровых валют в Российской Федерации.....	183
Сат Д. Ш.	
Ограничение свободы родителей в выборе имени как инструмент защиты детства.....	186
Странцов А. А.	
Правовой статус лица, замещающего должность руководителя аффилированного акционерного общества: уголовно-правовой и гражданско-правовой аспекты.....	190
Строкина М. В.	
Проблемы применения законодательных норм о производственных кооперативах.....	194
Фазлиева Л. К.	
Правовое регулирование электронных средств платежей.....	199
Хужин А. М.	
Баланс интересов как основание распределения рисков гражданско-правовой ответственности.....	203

Цветков С. Б.	
Обеспечительный платеж, оформленный заключением договора эскроу.....	209
Чесноков А. А.	
К вопросу о правовой ценности требования публичной достоверности реестров.....	214
Ширяева Т. И.	
Реабилитация как основание возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного расследования.....	218
Шпак А. В., Пономарева Н. В.	
Современное состояние законности в сфере земельных правоотношений.....	224
Яловенко Т. В.	
Актуальные проблемы правового обеспечения качества предоставления бесплатной юридической помощи в России.....	229
Сведения об авторах	234

Задержание физических лиц сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования

Одной из наиболее распространенных мер государственного принуждения в деятельности ОВД является задержание. В самом широком смысле задержание представляет собой меру государственного принуждения, применяемую в ходе правоохранительной деятельности и заключающуюся в кратковременном лишении человека права на свободу. В отличие от иных мер принуждения, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, задержание носит исключительно внесудебный характер. Оно реализуется на основании собственного решения органа или должностного лица, осуществляющего или предварительное расследование по уголовному делу, или оперативно-разыскные мероприятия, или административную деятельность.

Так, согласно ст. 91 УПК РФ правом задержания подозреваемого по уголовному делу наделены орган дознания, дознаватель, следователь или руководитель следственного органа. В соответствии со ст. 27.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) административное задержание могут проводить органы исполнительной власти и их должностные лица, в частности полиция, пограничные органы, таможенные органы и т. д.

В части 2 ст. 14 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) приводится исчерпывающий перечень категорий лиц, которых имеют право задерживать сотрудники полиции. При этом нельзя не согласиться с мнением ряда авторов, указывающих на наличие существенных недостатков в содержании рассматриваемой статьи [1, с. 37]. Только для пяти из тринадцати категорий задерживаемых лиц, указанных в ч. 2 ст. 14 Закона о полиции, содержатся ссылки на федеральные законы, регламентирующие основания, порядок и сроки их задержания.

Основания, порядок и сроки задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, лиц, в отношении которых избрана

мера пресечения в виде заключения под стражу (п. 1) либо в отношении которых поступило требование о выдаче (п. 13), регламентируется уголовно-процессуальным законодательством.

Задержание лиц, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях (п. 5), осуществляется в соответствии с законодательством об административных правонарушениях.

При задержании лиц, нарушивших требования комендантского часа (п. 9), необходимо руководствоваться положениями Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении». Правда, в этом законе порядок задержания данной категории лиц отсутствует.

Задержание лица, уклоняющегося от следования в специализированное лечебное учреждение для исполнения назначенных ему судом принудительных мер медицинского характера (п. 8), осуществляется в соответствии с требованиями Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ, Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Уголовно-исполнительным кодексом РФ. Однако в вышеуказанных нормативных актах не содержатся ни порядок, ни сроки задержания.

Остается непонятным, почему законодатель выделил в отдельную категорию лиц, задерживаемых полицией за уклонение от исполнения административного наказания в виде административного ареста (п. 3), установив при этом срок задержания до момента передачи в места отбывания административного ареста. С учетом того, что данное деяние является самостоятельным административным правонарушением, предусмотренным ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ, задержание указанных лиц должно проводиться в соответствии с законодательством об административных правонарушениях. Протоколы по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 20.25 КоАП РФ, составляются сотрудниками полиции и рассматриваются судами. Наказание за данное правонарушение предусматривает административный арест до пятнадцати суток или обязательные работы до пятидесяти часов. После вынесения любого вида наказания правонарушитель должен быть передан в учреждение для отбывания административного ареста.

Аналогичная, хотя и более сложная ситуация с задержанием лиц, незаконно проникших либо пытавшихся проникнуть на охраняемые объекты. В соответствии с п. 10 ч. 2 ст. 14 Закона о полиции данных лиц сотрудники полиции могут задерживать до выяснения личности, но на срок не более трех часов. Законодательный перечень охраняемых объектов приведен в ст. 8 Федерального закона от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране» и ст. 1 Федерального закона от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране».

Самовольное проникновение на охраняемый в установленном порядке объект либо на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране, образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 или ч. 2 ст. 20.17 КоАП РФ. Причем за правонарушение, предусмотренное ч. 2 рассматриваемой статьи в качестве наказания, может быть вынесен административный арест, в таком случае срок административного задержания может составлять до 48 часов.

Если будет установлено, что лицо, незаконно проникшее или пытающееся проникнуть на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране, является на момент задержания подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, то в его действиях усматривается уже состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 215.4 УК РФ «Незаконное проникновение на охраняемый объект».

Запутанная ситуация и с задержанием сотрудниками полиции лиц, находящихся в розыске (п. 4 ч. 2 ст. 14 Закона о полиции). В соответствии с нормами какого закона должно осуществляться задержание указанных лиц: уголовно-процессуального или о полиции? В самой норме ссылки на УПК РФ нет, что позволяет сотрудникам полиции руководствоваться требованиями чч. 3–16 ст. 14 Закона о полиции. В то же время в соответствии с ч. 3 ст. 210 УПК РФ при обнаружении обвиняемого его задержание осуществляется в порядке, установленном гл. 12 УПК РФ. В приказе МВД России от 30.04.2012 № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» сотрудникам дежурной части при доставлении лица, задержанного

за совершение преступления, предписывается только уведомить инициатора розыска.

При этом, как справедливо отметили В. Н. Авдеев и А. С. Каманицын, если сотрудники полиции действуют по поручению следователя, в производстве которого находится уголовное дело, то проблем не возникает – лицо задерживается в соответствии с положениями гл. 12 УПК РФ, а если нет и на подтверждение факта нахождения лица в розыске требуется получение от следователя необходимых документов, то на практике довольно часто идут на нарушение закона, удерживая указанных лиц без документального оформления и внесения сведений в книгу задержанных либо составляя фиктивный протокол об административном правонарушении.

В части 2 рассматриваемой статьи содержится еще целый ряд пробелов и коллизий, на которые обращали внимание ряд авторов, в частности это касается оснований, порядка и сроков задержания военнослужащих, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок.

Причиной такой ситуации явилось объединение законодателем всех видов задержания, осуществляемых сотрудниками полиции, в одну статью закона без четкого разграничения между ними.

Решение указанной проблемы заключается в обособлении в Законе о полиции различных видов задержания, осуществляемых сотрудниками полиции, и детальной регламентации обстоятельств, когда применяется каждый из них.

Список библиографических ссылок

1. Авдеев В. Н., Каманицын А. С. Полицейское задержание: к вопросу о необходимости формирования понятия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3 (29). С. 36–39.

© Абрамов О. А., 2019

* * *

Справедливость как принцип гражданского права

О справедливости сегодня говорят много и часто применительно ко всем сферам человеческого бытия, и сфера правового регулирования не является исключением [1, с. 82]. Много раз поднималась в научных исследованиях и проблема принципов гражданского права [2]. Справедливость как принцип российского гражданского права стала предметом самостоятельного изучения в диссертационных исследованиях ряда авторов [3–5]. Однако в основном рассмотрение проблем принципа справедливости в гражданском праве носит фрагментарный характер в научных статьях периодических изданий. Представляется, что вопросы о месте и значении принципа справедливости в системе принципов отечественного гражданского права пока не являются достаточно изученными и окончательно решенными в цивилистической науке.

Понятие «принцип» происходит от латинского термина *principium*, означавшего «начало» или «основу» [6, с. 618]. Таким образом, принципы гражданского права, как и любой отрасли права, выступают в качестве его основных начал. Исходя из толкования норм пп. 1, 2 и 5 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в литературе принято выделять как минимум шесть принципов гражданского права: принцип равенства участников гражданско-правовых отношений, принцип неприкосновенности собственности, принцип свободы договора, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, принцип свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Российской Федерации, принцип диспозитивности (дозволительной направленности гражданско-правового регулирования) [7, с. 34–38].

Вместе с тем в п. 3 ст. 1 ГК РФ в редакции Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ [8] теперь прямо урегулировано, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Согласно п. 4 ст. 1

ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Это позволяет говорить о включении законодателем в систему принципов гражданского права еще одного принципа – принципа добросовестности [9, с. 98].

Принцип справедливости в ст. 1 ГК РФ не упоминается. По мнению А. Г. Чернявского, это означает, «что данный принцип следует отнести к числу общеправовых принципов, согласиться с тем, что справедливость как категория относится к праву в целом, а не к его отдельным отраслям, имеет фундаментальное значение» [10, с. 19].

Однако многие современные исследователи включают в систему принципов гражданского права принцип справедливости. Так, Е. В. Вавилин и А. А. Волос в перечне принципов гражданского права России выделяют принцип справедливости в числе одного из первых без каких-либо пояснений [11, с. 58]. Напротив, С. А. Иванова предложила следующее интересное обоснование наличия в гражданском праве принципа справедливости: «Основные начала гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) являются основными элементами принципа справедливости в гражданском праве. Соответственно, нарушение (неприменение или неправильное применение к конкретным гражданско-правовым отношениям) хотя бы одного из основных начал гражданского законодательства ведет к несоблюдению принципа справедливости в гражданском праве» [3, с. 17]. Аналогичным образом Б. М. Гонгало и Н. А. Новикова утверждают, что справедливость, будучи общеправовым принципом, одновременно является и принципом частного права, который находит отражение в частноправовых нормах через другие принципы и положения законодательства. По мнению авторов, принцип справедливости в гражданском законодательстве воплощается в принципах равенства, соразмерности, эквивалентности гражданского оборота. Авторы обращают внимание на то, что требования справедливости так или иначе можно найти в различных сферах действия норм частного права [1, с. 82–83, 86–87].

Действительно, анализ других норм ГК РФ, помимо ст. 1, приводит к выводу, что о справедливости в нем все-таки говорится, в том числе как о принципе. Например, о справедливости как «требовании» речь идет в ст. 6 ГК РФ; в ст. 308.3 и 393 ГК РФ прямо говорится о принципе справедливости; в ст. 451 ГК РФ упоминается справедливое распределение; в ст. 65.2 ГК РФ используется понятие

справедливой компенсации, определение которой отнесено к усмотрению суда; в ст. 1101 ГК РФ закреплена обязанность суда учитывать требование справедливости при определении размера компенсации морального вреда, а в ст. 1252 ГК РФ – при определении размера компенсации за нарушение исключительного права.

Кроме того, А. Г. Чернявский отмечает следующую важную деталь: ни в названии ст. 1 ГК РФ («Основные начала гражданского законодательства»), ни в ее тексте законодатель не использует понятие «принципы». Поэтому, по мнению автора, «логично считать принципами и «основные начала» гражданского права, и его «требования» [10, с. 19]. При таких обстоятельствах автор находит возможным дополнить список принципов гражданского права принципом справедливости. В конечном итоге автор предлагает «рассматривать принцип справедливости в двух ипостасях – как общеправовой принцип и как принцип гражданского права» [10, с. 19]. Такая точка зрения аргументирована и другими исследователями [1; 3; 4], и мы находим ее убедительной. В связи с этим, признавая важность и значимость закрепления в качестве принципа гражданского права (точнее – основного начала гражданского законодательства) категории «добросовестность», полагаем, что этого в полной мере заслуживает и категория «справедливость», отсутствие указания на которую в ст. 1 ГК РФ представляется неоправданным [9, с. 99].

Вместе с тем в юридической науке, в том числе среди российских цивилистов, отсутствует единство взглядов в части трактовки как самого понятия справедливости, так и соответствующего принципа [9, с. 103; 12, с. 80–82]. Авторы научных статей, в которых исследуются проблемы принципа справедливости в гражданском праве, как правило, избегают формулировок определений понятий «справедливость», «принцип справедливости в гражданском праве». Лишь иногда встречаются исключения в отношении определения понятия справедливости. Так, Д. А. Петров считает, что справедливость – это своего рода «критерий, означающий наличие равных возможностей для участия в гражданском обороте» [13]. Авторские определения понятия «принцип справедливости в гражданском праве» предложены на уровне диссертационных исследований [3, с. 17, 30; 4, с. 7–8; 5, с. 31]. На наш взгляд, наиболее убедительной, хотя и несколько емкой, является формулировка А. Ю. Аракелян:

«Принцип справедливости представляет собой нормативно закреплённую идею, в соответствии с которой гражданско-правовое регулирование должно обеспечивать: 1) баланс частных и публичных интересов, а также конкурирующих интересов частных субъектов, 2) возможность реализации гражданских прав и обязанностей в соответствии с подлинным волеизъявлением участников гражданских правоотношений, 3) учет особенностей конкретной ситуации, а при обмене материальными благами – их равноценность. При оценке гражданско-правовых явлений с точки зрения справедливости необходимо также исходить из существующих в данный исторический период представлений о нравственно-должном» [4, с. 7–8].

Нетрудно заметить, что автор определяет понятие справедливости как отраслевого принципа гражданского права путем толкования норм, содержащихся в различных статьях ГК РФ. При этом трактовка его содержания отражает объективно сложившиеся закономерности развития общества, состояние экономики, вытекает из содержания социально-экономической политики государства, из существующих в данный исторический период представлений общества о справедливости. Поэтому, по нашему мнению, определение понятия «принцип справедливости в гражданском праве» всегда будет нуждаться в переосмыслении.

Однако мы разделяем мнение ряда авторов, что назрела необходимость законодательного закрепления принципа справедливости в целях обеспечения возможности прямого действия справедливости при регулировании гражданско-правовых отношений [1, с. 86; 3, с. 38–39; 9, с. 98, 100, 106]. Интересно, что зарубежные авторы достаточно давно выдвинули идею о необходимости указания справедливости в качестве поименованного принципа частного права, а в ряде государств справедливость уже включена в число основных начал (принципов) гражданского законодательства [1, с. 86; 9, с. 106].

Считаем, что законодательное закрепление справедливости в качестве основного начала гражданского законодательства в ст. 1 ГК РФ и практическое использование категории справедливости как принципа гражданского права будет способствовать его более последовательной реализации в основных гражданско-правовых институтах в целях повышения эффективности гражданско-правового регулирования общественных отношений.

Список библиографических ссылок

1. Гонгало Б. М., Новикова Н. А. Справедливость как принцип частного права и критерий его эффективности // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 79–90.
2. Рыженков А. Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 208 с.
3. Иванова С. А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006. 45 с.
4. Аракелян А. Ю. Справедливость в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 26 с.
5. Богданов Д. Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 56 с.
6. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. 846 с.
7. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Гражданское право России. Общая часть: учебник / под общ. ред. А. Я. Рыженкова. М.: Юрайт, 2011. 463 с.
8. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
9. Виниченко Ю. В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3 (25). С. 98–115.
10. Чернявский А. Г. Современные подходы к пониманию социальных оснований права // Образование и право. 2017. № 5. С. 13–22.
11. Вавилин Е. В., Волос А. А. Системность принципов и их действие в гражданском праве России и Китая // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 1. С. 53–73.
12. Дерюгина С. Р. Справедливость как принцип права и основа формирования правомерного поведения // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 1. С. 79–83.

13. Петров Д. А. Требования добропорядочности, разумности и справедливости как признаки недобросовестной конкуренции // Юрист. 2016. № 1. С. 32–37.

© Агибалова Е. Н., 2019

* * *

Т. И. Андрющенко
Волгоградская академия МВД России

Специфика административного усмотрения в деятельности органов внутренних дел

Есть определенные отличия между административным усмотрением в деятельности органов внутренних дел и усмотрением, которое применяется в иных государственных органах.

Это отличие обусловлено спецификой сферы деятельности органов внутренних дел, центральное место в которой занимает государственное принуждение, посредством чего в большинстве случаев осуществляется противодействие преступлениям и административным правонарушениям.

Одной из особенностей применения административного усмотрения в деятельности органов внутренних дел являются отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и правопорядка. Безопасность человека – одна из главных человеческих потребностей и предопределяет в государстве деятельность полиции, на которую возлагаются задачи по борьбе с преступностью и поддержанию правопорядка, а также обеспечению общественной безопасности и общественного порядка. Нормативное правовое обеспечение деятельности полиции, как показывает практика, отстает от развития преступности, что приводит к принятию полицейскими мер, нацеленных не только на нормы права, но и на достижения в области борьбы с преступностью с использованием методики и тактики противодействия преступлениям.

Спецификой административного усмотрения в деятельности полиции среди иных видов является ее тесная связь с принуждением. Эта важная черта административного усмотрения реализуется в том, что «применение мер административного принуждения направлено на значительные риски граждан в сфере их ограничения прав и свобод и является важным в реализации государством политики в сфере мер принуждения» [1, с. 79].

Полномочия в рамках действующего законодательства, которыми наделена полиция, оказывают большое влияние на жизнь конкретного человека, а незаконное применение усмотрения приводит к существенным нарушениям прав человека. В связи с этим необходимо указать, что среди всех полномочий, которыми наделена полиция в рамках действующего законодательства для обеспечения прав и свобод человека, наиболее существенными рисками являются полномочия в сфере применения специальных средств и огнестрельного оружия, связанные с проведением задержаний и доставлений граждан.

Одна из особенностей административного усмотрения в деятельности полиции – это повышенная ответственность должностных лиц, реализующих свои компетенции в рамках наделенных полномочий.

Следующей чертой административного усмотрения является применение его полицией в различных неопределенных жизненных ситуациях. Поэтому разные методы убеждения, которые использует полиция, получают общее закрепление в нормах права в рамках ее компетенции и без четкого определения пределов их применения. Это связано с тем, что средства убеждения в большинстве своем не ущемляют прав и свобод граждан и их применение сотрудниками полиции используется достаточно широко.

Наряду с указанными выше специфическими свойствами административного усмотрения, которое связано с реагированием на различные правонарушения, оно еще имеет охранительную природу, поэтому неправильное или незаконное применение усмотрения сотрудниками полиции может проявляться в бездействии полиции.

Административное усмотрение, связанное с полицейской деятельностью, характеризуется принципиально важными для общества и государства задачами. Как указывают авторы, административное усмотрение при всех его имеющихся недостатках является вынужденной мерой деятельности полиции, направленной на решение государством задач в сфере обеспечения безопасности и правопорядка [2, с. 33].

Усмотрение в деятельности полиции часто применяется в тех общественных отношениях, которые не регулируются нормами права, т. е. тогда, когда в общественных отношениях имеются определенные пробелы в законодательстве. Следует подчеркнуть, что административное усмотрение всегда реализуется в тесном взаимодействии норм права и морали и правоприменительная деятельность полиции отражает имеющиеся в обществе проблемы нравственного, морального, экономического и правового характера. Именно в процессе правоприменения сотрудники полиции проявляют конкретные духовно-нравственные качества. Правоприменение всегда в своей основе имеет непосредственный творческий характер, и, принимая индивидуальный акт, сотрудник полиции обладает определенной степенью разрешенной свободы в выборе решения, иными словами, действует по своему усмотрению.

Использование усмотрения сотрудниками полиции обязывает их учесть все особенности конкретных ситуаций, а также ряд моментов, не нашедших отражения в законе. Наличие усмотрения в определенной степени снижает стабильность и единообразие практики применения законодательства, а нередко приводит и к злоупотреблению правом, должностными полномочиями.

Критериями ограничения усмотрения служат нормативно закрепленные правила, а также социальные нормы (нравственные, этические, религиозные нормы, фундаментальные человеческие ценности, обычное право и т. д.). Важнейшее значение имеют законодательно обозначенные рамки усмотрения. В связи с этим необходимо установление четких границ, в пределах которых правоприменитель может осуществлять выбор наиболее целесообразного варианта поведения. Вместе с тем социальные ограничения внеправового характера (требования справедливости, равенства, разумности, целесообразности, профессионализма, религиозные требования, требования баланса интересов и т. п.) стимулируют принятие наиболее благоприятных решений в той или иной сфере общественных отношений; выступают моральным критерием допустимости правовых средств, особенно в случаях, когда закон не регулирует должным образом общественные отношения.

Необходимо отметить, что нормы морали выступают критерием общественной оценки деятельности сотрудников органов полиции, которые в свою очередь являются субъектами правоприменения

и обладают властными полномочиями, определенными нормами права. Можно сделать вывод, что в условиях совершенствования деятельности полиции необходимо сформировать нравственную культуру деятельности сотрудников полиции, от уровня которой зависит эффективность усмотрения. Однако, как показывает практика, нередко происходит снижение нравственных качеств сотрудников полиции, что может привести к ведомственному правовому нигилизму.

Список библиографических ссылок

1. Костенников М. В., Елисеев А. В. К вопросу реализации административного усмотрения в деятельности органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 78–85.

2. Гирвиц А. В. Понятие, признаки и классификация административного усмотрения // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4. С. 32–35.

© Андриющенко Т. И., 2019

* * *

А. П. Алексеева

Волгоградская академия МВД России

А. П. Анисимов

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

А. И. Мелихов

Волгоградская академия МВД России

Противодействие экологической преступности как актуальная задача по обеспечению национальной безопасности России

Главной общесоциальной причиной экологической преступности выступает господство в России концепции глобального потребления, сложившейся в Западной Европе и США. Суть этой концепции заключается в потребительском отношении человека к природе, ложном ощущении неисчерпаемости природных богатств, которое влечет принятие экологически непродуманных решений на государственном уровне и небрежное отношение граждан к природе на бытовом уровне. Среди специально-криминологических причин экологической преступности в качестве наиболее значимых нам видятся экономические, политические и культурные. Рассмотрим их более подробно.

Экономические причины экологической преступности заключаются в том, что принятый в России механизм экономического регулирования охраны окружающей среды работает слабо. Закон РФ «Об охране окружающей среды» содержит определение «наилучшей доступной технологии», под которой понимается технология производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, определяемая на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения. Однако в бюджетное и налоговое законодательство не вписана система льгот и иных поощрений для хозяйствующих субъектов, перешедших на ее использование. Неэффективна и закреплённая в нормативно-правовых актах система штрафов за превышение границ негативного воздействия на окружающую среду. В такой ситуации предпринимателю бывает дешевле заплатить

штраф (или вступить в коррупционный сговор с должностным лицом государственного экологического надзора), чем установить дорогостоящее очистное оборудование на своем производстве.

Практически полностью отсутствует и сколько-нибудь продуманная система мер государственной поддержки экологического предпринимательства, формально продекларированная в ст. 17 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Экологическое страхование, экологический аудит и экологический туризм в России функционируют не благодаря четкому нормативному государственному регулированию и системе экономических стимулов, а скорее вопреки наличию данных мер. Нет и сбалансированной системы экологических требований при проведении приватизации государственных предприятий. Данные требования содержатся лишь в подзаконном акте (приказе), к тому же уже давно морально устаревшем.

В связи с этим в целях профилактики экологической преступности представляется целесообразным установить ощутимые налоговые льготы для субъектов предпринимательской деятельности, использующих наилучшие доступные технологии, дополнив соответствующими нормами ряд статей Налогового кодекса РФ; законодательно закрепить нормы, регулирующие экологическое страхование, экологический аудит и экологический туризм, а также систему экономических стимулов этой деятельности; разработать и принять федеральный закон, устанавливающий систему экологических требований при проведении приватизации государственных предприятий.

Главной политической причиной экологической преступности является отсутствие государственной воли к борьбе с данной разновидностью преступлений. В России действуют мощные лобби хозяйствующих субъектов, связанных с добычей сырьевых ресурсов, которые на практике тормозят разработку необходимых экологических законов и принятие иных эффективных природоохранных мер, способных потенциально снизить размер извлекаемой ими прибыли. К тому же, в отличие от стран Европы, в парламенте России нет серьезной политической партии, которая бы отстаивала экологические интересы общества. Отсутствие такого позитивного лоббизма ведет к тому, что наше государство не участвует в ряде направлений международного сотрудничества. Например, Россия не подписала Орхусскую конвенцию, что значительно сокращает возможности граждан в принятии экологических решений. В свою очередь, данный

пробел в экологическом праве затрудняет контроль гражданского общества за должностными лицами органов государственной власти при принятии ими незаконных решений в сфере охраны природы (предоставлении земельных участков для различных видов хозяйственной деятельности на особо охраняемых природных территориях; изменении их границ; разрешении ввоза из-за рубежа радиоактивных и иных отходов и т. д.). Для активизации борьбы с экологической преступностью предлагаем руководителям парламентских партий пересмотреть свои взгляды на экологическую обстановку в стране, закрепив в своих программах в качестве одной из основных задач защиту экологических интересов общества. Кроме того, органам государственной власти следовало бы рассмотреть вопрос о присоединении России к Орхусской конвенции, что самым положительным образом сказалось бы на состоянии экологии в нашем государстве.

Культурные причины экологической преступности заключаются в крайне низком уровне экологического правосознания населения. Под экологическим правосознанием в науке понимается «выступающая регулятором социоприродных взаимодействий форма правосознания, проявляющаяся в способности индивида, социальной группы реализовывать правовые нормы во взаимодействии с природной средой» [1, с. 12–13]. Имеющийся сегодня у населения России общий низкий уровень правосознания обусловлен, на наш взгляд, устоявшимся образом жизни людей, не задумывающихся о долгосрочных последствиях своей деятельности. Изменить ситуацию к лучшему власти нашего государства пытаются с помощью проводимых в стране воспитательных мероприятий, которые часто реализуются в военно-патриотической работе, религиозном просвещении, физкультурно-спортивной агитации.

Необходимо заметить, что подобные акции влекут за собой некоторый положительный (хотя бы небольшой) эффект. Но, к сожалению, несмотря на провозглашенный Президентом России в 2012 г. курс на охрану окружающей среды (2017 г. был даже объявлен Годом экологии), экологические вопросы на государственном уровне пока реально не попадают в число приоритетных, что мы считаем весьма печальным обстоятельством. Приходится констатировать и совершенно незначительную роль Русской православной церкви в деле экологического воспитания и образования населения.

Другие конфессии данному вопросу уделяют намного большее внимание. Так, протестантская религиозная организация России уже изложила свою социальную позицию по самым различным, в том числе экологическим, вопросам [2]. В главе «Экологические проблемы» работы «Социальная позиция протестантских церквей России» подробно описывается взгляд представителей этого религиозного сообщества на механизмы взаимодействия человека и окружающей среды, взаимосвязь между экологическим и духовным кризисами, участие верующих в охране природы и т. д.

Думаем, что остальным религиозным объединениям следует перенять этот положительный опыт и разработать подобные документы, с помощью которых можно было бы осуществлять просветительскую деятельность среди прихожан.

Список библиографических ссылок

1. Шишкина Е. А. Социальное конструирование экологической культуры на региональном уровне глобализации: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2009.
2. Социальная позиция протестантских церквей России // Уральские церкви Христа. URL: <http://www.uralcoc.ru> (дата обращения: 13.09.2018).

© Алексеева А. П., Анисимов А. П., Мелихов А. И., 2019

* * *

Н. И. Батурина, Е. В. Батурина
Волгоградская академия МВД России

Право частной собственности и его реализация в современной России

Применение термина «частная собственность» началось с того момента, когда назрела необходимость проведения разграничения между имуществом, принадлежащим государству, и иным имуществом. Соответственно, всякое имущество, не принадлежащее

государству, может находиться на праве частной собственности. Следует отметить, что на каждом историческом этапе развития общества имущество, которое могло находиться на праве частной собственности, было неоднозначно определено законодателем. Сегодня российское законодательство позволяет иметь на праве частной собственности любое имущество, как движимое, в том числе ценные бумаги, так и недвижимое, вплоть до земель и иных природных ресурсов, за исключением отдельных видов имущества, которое изъято из гражданского оборота или ограничено. Кроме того, закон не устанавливает ограничений относительно количества и стоимости имущества, находящегося на праве частной собственности у граждан и юридических лиц. Однако такие ограничения могут быть установлены положениями федерального закона, цель которого направлена на защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов иных лиц, а также на обеспечение безопасности государства и его обороны.

Легального определения права частной собственности не предусмотрено на законодательном уровне. Конституция РФ признает существование частной собственности как одну из форм собственности на территории Российской Федерации и предусматривает предоставление защиты, наравне с государственной, муниципальной и иными формами собственности. Частная собственность находится под защитой государства вне зависимости от ее вида и состояния, о чем свидетельствуют положения ст. 35 Конституции РФ. ГК РФ так же, как и Конституция РФ, признает существование такой формы собственности (п. 1 ст. 212) и защищает права собственника равным образом по отношению к иным собственникам (п. 4 ст. 212), при этом также не разъясняя понятия. Охрана частной собственности осуществляется не только гражданским законодательством, но и административным, уголовным и иным законодательством. Однако защита нарушенных прав как собственника возможна, только если он является титульным владельцем.

Определение субъектного состава частной собственности однозначно до конца не закреплено на законодательном уровне. Так, положение ст. 35 Конституции РФ предусматривает субъектом права частной собственности человека или гражданина, поскольку данная статья относится к гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина»,

который вправе иметь имущество в собственности не только единолично, но и совместно с другими лицами, при этом не конкретизируя, с какими именно. Положения конституционных норм позволяют сделать вывод, что частная собственность на территории Российской Федерации может возникнуть не только у лица, являющегося гражданином Российской Федерации, но и у любого иного человека, вне зависимости от принадлежности к иностранному государству или отсутствия таковой принадлежности. В свою очередь гражданское законодательство расширило круг лиц, обладающих правом собственности на имущество, указав в качестве собственника граждан и юридических лиц, которыми могут быть коммерческие и некоммерческие организации, за исключением государственных и муниципальных предприятий и учреждений (ст. 213 ГК РФ). Кроме определения субъектного состава частной собственности в указанной статье установлены основания возникновения права собственности на имущество у юридических лиц, а также конкретизированы цели использования имущества для общественных и религиозных организаций (объединений), благотворительных и иных фондов. Согласно действию национального режима на территории Российской Федерации субъектами права частной собственности могут выступать не только российские граждане и юридические лица, но и представители иностранных государств, в том числе лица без гражданства, беженцы, за исключением случаев, когда предусмотрены ограничения федеральными законами и международными договорами Российской Федерации в отношении таких лиц.

По общему правилу физические лица, в том числе и индивидуальные предприниматели и юридические лица, наделены одинаковыми правомочиями в отношении имущества, находящегося в их собственности. Частный собственник как единолично, так и совместно с другими собственниками может по своему усмотрению владеть, пользоваться имуществом (включая извлечение из него его полезных свойств) и распоряжаться им (определять дальнейшую его юридическую судьбу), делая это свободно, без получения соответствующих разрешений государственных органов (если это не предусмотрено законом).

Объем возможностей собственника имущества, находящегося в частной собственности, обеспечивается конституционным принципом неприкосновенности собственности, который в последующем

нашел свое место и в основных началах гражданского законодательства. Собственник использует принадлежащее ему имущество в своих интересах и по своему усмотрению: для удовлетворения личных потребностей, предпринимательских целей, осуществления любой иной деятельности, не запрещенной законом, при этом не опасаясь за произвольное изъятие или ограничение (запрет) использования, применения реституции или принудительного изъятия. Гражданское законодательство позволяет собственнику совершать любые действия в отношении имущества, принадлежащего ему на праве частной собственности. К таковым можно отнести: отчуждение имущества в собственность или предоставление во временное владение или владение и пользование другим лицам как на возмездной основе, так и безвозмездно; передачу имущества в залог или иное обременение; отказ от имущества и распоряжение им иными способами, предусмотренными законом. Указанные субъекты в равной степени несут бремя содержания имущества, риск случайной гибели или повреждения.

Основания возникновения и прекращения права частной собственности строго регламентированы законом, поскольку определенные виды имущества могут находиться только в государственной или муниципальной собственности. Особым способом возникновения частной собственности является приватизация, представляющая процесс передачи имущества из государственной собственности в частную собственность. Подобный инструмент позволяет не только удовлетворить жилищные и иные интересы граждан, но и стать толчком для развития экономики, представляющей частный сектор хозяйствующего субъекта.

Прекращение права частной собственности в результате наследственных отношений присуще только физическому лицу, выступающему в качестве наследодателя или завещателя. Юридическое лицо может быть вовлечено в такие отношения, но только на стороне наследника при наследовании по завещанию. Наследование – это некая гарантия для собственника, уверенность в том, что после его смерти имущество перейдет к родственникам или иным лицам, указанным в завещании по его воле. Не исключена возможность, что имущество перейдет к государству (муниципальному образованию) как вымороченное имущество, изменяя при этом форму собственности. Закон разрешает обладать имуществом на праве частной

собственности не только единолично, но и в общей собственности, но при этом только физические лица приобретают имущество в общую совместную собственность, являясь супругами или членами крестьянского (фермерского) хозяйства. Юридические лица могут выступать участниками общей долевой собственности.

Несмотря на признание законодателем принципа неприкосновенности собственности, это не означает, что собственнику не могут быть установлены пределы, за которые он не может выйти при использовании своего имущества. Действия собственника в отношении принадлежащего ему имущества не должны противоречить положениям, предусмотренным законом или иным правовым актом, нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц. Например, если в собственности находится земельный участок или иной природный ресурс, такой, как обособленный водный объект, и собственник такого имущества совершает действия (бездействие), влекущие за собой причинение вреда окружающей среде или нарушение субъективных прав и законных интересов других лиц, то в отношении его устанавливаются ограничения и применяются меры юридической ответственности. И это не случайно, поскольку земля и иные природные ресурсы охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Имущество, принадлежащее на праве частной собственности, может быть изъято в публичных интересах и только при наличии оснований, указанных в законе, и на основании решения суда. Изъятие имущества для государственных (муниципальных) нужд осуществляется только при условии предварительного и равноценного возмещения или предоставления равноценного имущества. Так, ГК РФ предусматривает прекращение права частной собственности в следующих случаях: изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд, реквизиция, национализация. Безвозмездное изъятие (конфискация) имущества возможно только лишь за совершенное преступление или иное правонарушение и рассматривается в виде санкции за совершенные действия. Вместе с тем закон выделяет в отдельную группу неправомерные действия (бездействие) собственника в отношении принадлежащего ему имущества, за которые не предусмотрена конфискация, а предусмотрен выкуп такого имущества в интересах общества: выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей и выкуп домашних животных при ненадлежащем обращении с ними.

На основании приведенных суждений можно дать определение частной собственности, под которой следует понимать одну из форм собственности на территории Российской Федерации, собственниками которой являются физические лица и корпоративные юридические лица, чьи права на имущество находятся под абсолютной защитой. Кроме того, в название ст. 213 ГК РФ следует внести коррективы, заменив слово «граждане» на словосочетание «физические лица», поскольку последнее более емкое по своему содержанию.

© Батурина Н. И., Батурина Е. В., 2019

* * *

А. А. Демичев

Нижегородская академия МВД России

Институт наследования с позиции хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения

Методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения предназначена для методологического обеспечения сравнительных исследований государственно-правовых явлений, процессов, идей, концепций и институтов, имевших место в одной стране в различные исторические периоды в тех случаях, когда прерывались соответствующие правовые традиции. Сегодня опубликовано немало работ, в которых приводятся результаты хронодискретного анализа различных российских и зарубежных институтов, идей и концепций, а также явлений и процессов [1–13].

Однако к настоящему моменту наметилась тенденция рассматривать в качестве хронодискретных любые институты, явления и пр., в истории которых имелся временной разрыв. Обратим внимание на то, что хроноразрыв может быть коротким или длительным, однако ключевым моментом здесь выступает не столько его длительность, сколько прерывание исторической традиции. Так, например,

складывалась ситуация с адвокатурой. Хроноразрыв в ее истории был очень непродолжительным – всего пять лет (1917–1922), однако советская адвокатура существенно отличалась от дореволюционной и современной. Именно в настоящее время наметилась преемственность между адвокатурой Российской империи и адвокатурой Российской Федерации. Таким образом, при непродолжительном формально-юридическом временном разрыве в истории адвокатуры фактическая хронопауза длилась весь советский период. Именно по этой причине адвокатура является хронодискретным институтом [13].

В ряде работ в качестве хронодискретного института рассматривается нотариат [14, 15]. Однако в последних исследованиях обосновывается справедливое, на наш взгляд, положение, что нотариат не является хронодискретным институтом [2, с. 54–55]. Весьма сомнительным представляется рассмотрение институтов государственной охраны памятников истории и культуры [16], времени труда и времени отдыха [17], должностных преступлений и ответственности за них (аналогия XVII и XXI вв.) [18] и др. в качестве хронодискретных.

В данной статье мы остановимся на таком вопросе: является ли институт наследования хронодискретным российским институтом?

Так, 27.04.1918 был принят Декрет ВЦИК РСФСР «Об отмене наследования». Этот документ вызывал и продолжает вызывать среди исследователей серьезные споры по поводу его сущности. Подробно на этой проблеме мы здесь не останавливаемся, так как ранее рассматривали ее в нашей совместной монографии с А. Б. Духаном [19, с. 18–25]. Отметим лишь, что мы пришли к следующему выводу: в результате введения в действие Декрета «Об отмене наследования» институт наследования в Советской России прекратил существование, а разрешенный переход имущества умершего на сумму до 10 тыс. руб. его родственникам следует рассматривать не как наследование, а как своеобразную форму социального обеспечения. Итак, мы полагаем, что в 1918 г. институт наследования был упразднен.

Вновь институт наследования был введен в 1922 г. в результате принятия 22.05.1922 ВЦИК Декрета «Об основных частных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР». В том же году произошла кодификация гражданского законодательства – 31.10.1922 был принят ГК РСФСР, вступивший в силу с 01.01.1923 и содержащий блок норм о наследовании (имелся раздел «Наследственное право», состоящий из двадцати статей).

При этом как таковой преемственности с дореволюционным законодательством практически не было, кроме самого наличия института наследования, признаваемого государством. Отличия советского института наследования от дореволюционного носили принципиальный характер: имелись сильные публично-правовые начала в регулировании этого частноправового института, устанавливался приоритет интересов государства над интересами личности.

В дальнейшем весь советский и современный периоды прослеживалась тенденция перехода от приоритета интересов государства к интересам личности в сфере наследования. Постепенно шло расширение круга наследников, снимались различные ограничения в сфере правопреемства, был изменен приоритет в соотношении наследования завещания и наследования по закону и т. д. Совсем недавно новеллами законодательства стали наследственный договор и совместное завещание супругов. Однако ни о каком возрождении норм или традиций наследственного права Российской империи речи не идет. Мы имеем дело либо с совершенствованием норм советского наследственного права, либо с заимствованием современного зарубежного опыта. В этой ситуации корректно говорить об эволюционировании советского наследственного права по пути модернизации и демократизации.

Таким образом, несмотря на наличие временного разрыва в истории института наследования, он не является хронодискретным институтом. После кратковременного перерыва в истории института наследования в России был создан совсем иной, советский, институт наследования, который в дальнейшем постепенно развивался и модернизировался до современного состояния.

Список библиографических ссылок

1. Большакова В. М. Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 6А. С. 12–18.

2. Большакова В. М. Хронодискретные российские институты (на примере судебных преобразований в России во второй половине XIX в. и в конце XX – начале XXI в.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3. С. 51–56.

3. Демичев А. А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 22–26.

4. Демичев К. А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3. С. 13–15.

5. Демичев К. А. Проблемы и перспективы использования методологии ХМСП в востоковедных сравнительно-правовых исследованиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 67–72.

6. Илюхин А. В. Ограничение компетенции присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 32–36.

7. Илюхин А. В., Илюхина В. А., Везенова П. Р. Военный суд присяжных в России как объект хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 201–207.

8. Илюхина В. А. Сравнительный анализ требований к кандидатам в мировые судьи в Российской империи и Российской Федерации // Мировой судья. 2016. № 5. С. 3–7.

9. Исаенкова О. В., Соловьева Т. В. Хронодискретность публичности в российском гражданском судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3. С. 165–171.

10. Крайнова Е. Р. Хронодискретное общеправовое исследование института апелляции в Российской империи и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2016.

11. Леонов А. П. Государственная Дума в России как хронодискретный институт // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 126–130.

12. Хужин А. М. Право интеллектуальной собственности в контексте ХМСП-методологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 29–36.

13. Черепанов С. И. Адвокатура как хронодискретный российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 37–42.

14. Степанов А. В. Правомочия нотариуса при осуществлении нотариальных действий: сравнительно-правовой анализ российского законодательства второй половины XIX века и действующего законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 282–286.

15. Степанов А. В. Сравнительно-правовой анализ требований к кандидату в нотариусы по Положению о нотариальной части 1866 г. и действующему российскому законодательству // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение / под ред. А. А. Демичева. М., 2011. Вып. 3. С. 140–153.

16. Михеева И. В. Режим государственной охраны памятников истории и культуры: тенденции правовой регламентации в Российской империи и современной России // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: сб. науч. тр. / под ред. А. А. Демичева. Н. Новгород, 2009. Вып. 1. С. 119–132.

17. Гнетова Л. В. Сравнительный анализ правового регулирования рабочего времени и времени отдыха в дореволюционной России и в настоящее время // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: сб. науч. тр. / под ред. А. А. Демичева. Н. Новгород, 2010. Вып. 2. С. 81–94.

18. Стрельников К. А. Должностные преступления и ответственность за них в России: аналогия XVII и XXI веков // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: сб. науч. тр. / под ред. А. А. Демичева. М., 2011. Вып. 3. С. 63–65.

19. Демичев А. А., Духан А. Б. Институт наследования в российском праве в X – начале XXI в. в контексте соотношения интересов государства и личности: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

© Демичев А. А., 2019

* * *

Средства и пути улучшения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел

Положительный образ сотрудника органов внутренних дел современной России формируется с начала 90-х гг. прошлого века. Советское прошлое позади, страна шла по пути либерализации и уменьшения влияния государства в различных социальных сферах. Менялась структура правоохранительных органов, восприятие и отношение к ним со стороны населения.

Во многом в новых условиях сотрудники органов внутренних дел стали восприниматься частью государственной системы управления, предназначенной оказывать государственные услуги населению по поддержанию общественного порядка, предупреждению и раскрытию преступлений и иных правонарушений. Этому способствовало осознание того обстоятельства, что деятельность правоохранительной системы в целом финансируется из государственного бюджета, который формируется в том числе за счет налоговых поступлений от населения. Вместе с тем сотрудники органов внутренних дел наиболее близки к населению по сравнению с иными представителями государственной власти. Это обстоятельство объясняется тем, что сотрудники удовлетворяют наиболее важные потребности населения, к которым относится и общественная безопасность. На сегодняшний день полиция доступна любому гражданину круглосуточно. Население уверено, что сотрудники готовы оказать помощь при любых обстоятельствах, в том числе с использованием физической силы и иных предоставленных законодательством возможностей [1].

В современных условиях работы органов внутренних дел взаимопонимание и взаимодействие должно стать новой основой эффективной правоохранительной деятельности. При этом образ полицейского должен быть понятен и близок окружающим.

В ходе проведенных многочисленных опросов общественного мнения выявлено непонимание населением отдельных нюансов деятельности полиции, при этом общая неудовлетворенность

деятельностью правоохранительных органов часто граничит с отсутствием претензий к конкретным сотрудникам. Неудовлетворенность со стороны населения работой сотрудников правоохранительных органов «в определенной мере связана с тем, что реально функционирующие органы внутренних дел не соответствуют тому образу стража порядка, который создан воображением населения» [2].

Вместе с тем общественное мнение – ключевой критерий оценки деятельности органов внутренних дел. В поведении человека при опросе общественного мнения согласно теории общественного выбора Мансура Олсона [1] решения детерминированы:

- 1) выбором (как все, т. е. коллективным);
- 2) присутствием в структуре человеческой психики компонентов бессознательного (мне не нравится полиция подсознательно);
- 3) снобистским выбором (как средство самоутверждения и способ собственной идентичности);
- 4) социальными образами, формируемыми в доступных большинству источниках информации;
- 5) экономическими выгодами и личными интересами в результате деятельности полиции.

Таким образом, общественное мнение формируется как результат пяти мотиваций. При этом четыре не связаны с реальными обстоятельствами. Вместе с тем они призваны отражать оценку деятельности органов внутренних дел. Следует отметить в этой связи, что структура анкеты также отражается на конечных результатах анкетирования, поскольку не всегда анкетированному человеку предоставляется возможность самостоятельно сформировать ответы и высказать личное мнение на основе имеющейся информации.

Отсутствие взаимопонимания означает отсутствие доверия, противопоставление интересов и формирование негативных стереотипов. В этом важно разобраться, потому что хорошее знание людей и их мотивов способствует созданию благоприятной атмосферы сотрудничества и взаимодействия в общих интересах. Вместе с тем высокий уровень специализации деятельности полиции приводит к постепенному дистанцированию полиции от населения [3].

Население и правоохранительные органы стремятся к достижению единой цели, которую можно обозначить как обеспечение безопасности на конкретной территории от различного рода угроз. Таким образом, эта работа соответствует общим и совместным целям

и задачам. При этом не главное, закреплена ли конкретная задача в нормативных актах. Она исходит из понимания и осознания общих проблем в сфере безопасности. Стоящие перед населением и органами государственной власти с соответствующей компетенцией цели и задачи (несмотря на их некоторое различие в части специфики проводимых мероприятий, в том числе по профилактике правонарушений, возможности контроля результатов и анализа последствий принимаемых решений) сходны. Участие граждан в охране общественного порядка также согласуется с интересами местных органов власти и органов внутренних дел в этой сфере. С учетом изложенного взаимодействие населения и государственных правоохранительных структур в ключевых вопросах охраны общественного порядка возможно на основе взаимопонимания, уважения мнений и предложений граждан, соблюдения их интересов [4].

Подводя итоги, отметим, что основными площадками для достижения взаимопонимания могут быть реализация принципов открытости в деятельности и обеспечение общественного доверия к полиции, участие граждан в обсуждении планируемых общественных, культурных, спортивно-массовых мероприятий, поддержание положительного образа сотрудника органов внутренних дел. Этому также способствует распространение в средствах массовой информации достигнутых положительных результатов деятельности полиции, борьба с правовым нигилизмом среди населения, мониторинг общественного мнения и включение в активную деятельность общественных советов при территориальных органах исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Список библиографических ссылок

1. Олсон М. Логика коллективных действий. М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
2. Демидов Н. Н., Тюменцев А. Н. Криминогенная обстановка в Волгоградской области через призму общественного мнения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 42–46.
3. Бойченко В. В., Емельянова Е. Д. Взаимодействие полиции и населения: зарубежный опыт: лекция. Волгоград: Делегация Комиссии Европейских Сообществ в Российской Федерации: ВЮИ МВД России, 2000.

4. Деревягин Е. В. О взаимодействии полиции с органами местного самоуправления в обеспечении общественной безопасности // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград: ВА МВД России, 2016. Вып. 8. С. 202–204.

© Е. В. Деревягин, 2019

* * *

О. Г. Ершов

Договорно-правовой департамент МВД России

Проблемы правоприменения статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации сквозь призму теории деликтного обязательства

Теория деликтного обязательства традиционно рассматривается в качестве предмета научного исследования в работах многих цивилистов. обстоятельному анализу подвергнут правовой механизм возмещения причиненного вреда, значительное внимание уделяется условиям осуществления права потерпевшего и исполнению обязанности причинителя вреда. Уровень разработки теории деликтного обязательства показан в научных трудах В. А. Белова [1], А. С. Шевченко, Г. Н. Шевченко [2], систематизированных сборниках статей [3]. Ю. Н. Андреев подверг специальному научному исследованию вопросы гражданско-правовой ответственности государства за причинение вреда [4].

Вместе с тем анализ материалов судебной практики позволяет сделать вывод, что многие вопросы теории деликтного обязательства остаются без достаточного внимания со стороны научной общественности. В частности, обращают на себя внимание проблемы применения норм ст. 1069 ГК РФ, когда к Российской Федерации в лице МВД России как главного распорядителя бюджетных средств предъявляются иски о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов внутренних дел. Условно проблемные вопросы можно разделить по трем направлениям:

1. О правосубъектности потерпевшего.

В качестве примера можно обратить внимание на такую категорию исков, как иски Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – ПФР) о возмещении выплат при отмене или признании недействительным удостоверения ветерана боевых действий. Основанием иска послужило то, что сотрудники органов внутренних дел через кадровые аппараты оформляли удостоверение ветерана боевых действий, обращались в ПФР и им назначалась ежемесячная дополнительная выплата. В последующем по иску прокуратуры решением суда выдача такого удостоверения признавалась недействительной, вследствие чего ПФР считает, что понес убытки, которые должны быть возмещены. Поскольку по иску о неосновательном обогащении к сотруднику органов внутренних дел необходимо преодолеть положения ст. 1109 ГК РФ о невозврате произведенных платежей, доказывая недобросовестность приобретателя, ПФР предъявляет иск к МВД России (например, дело № А40-241492/17, № А40-241517/17 и др.).

Материалы судебной практики показывают, что в большинстве случаев такие иски удовлетворяются и с МВД России как главного распорядителя бюджетных средств на основании ст. 1069 ГК РФ взыскиваются денежные средства. Основной аргумент у суда – признание удостоверения ветерана боевых действий недействительным – указывает на противоправное поведение со стороны кадровых аппаратов, что предопределяет необходимость возмещения вреда. С изложенным доводом судов согласиться нельзя.

В соответствии с постановлением Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 2122-1 «Вопросы Пенсионного фонда Российской Федерации (России)» ПФР образован в целях государственного управления финансами пенсионного обеспечения в Российской Федерации, является самостоятельным финансово-кредитным учреждением. Денежные средства ПФР находятся в собственности Российской Федерации, не входят в состав бюджетов, других фондов и изъятию не подлежат.

ПФР по своей организационно-правовой форме является некоммерческой организацией, на которую в соответствии с законодательством возложено осуществление публичных функций. В общественных отношениях по государственному управлению финансами пенсионного обеспечения ПФР выступает как субъект публичного

права, а не частного. В этом случае такой фонд свою гражданскую правосубъектность не проявляет, выступая юридическим лицом, действует в интересах государства. В этой ситуации осуществляется защита имущественных интересов казны (бюджета) Российской Федерации за счет средств казны Российской Федерации. В связи с этим речь идет о деликтном обязательстве, в котором кредитор и должник совпадают. На основании ст. 413 ГК РФ обязательство прекращается совпадением должника и кредитора в одном лице, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства.

В правовой позиции Верховного Суда РФ, которая отражена в определении Верховного Суда РФ от 01.06.2016 № 305-ЭС15-18795 по делу № А40-183357/2014 (Судебная коллегия по экономическим спорам) сделан вывод, что в делах о возмещении вреда взыскивать с Российской Федерации денежные средства в доход бюджета Российской Федерации за счет ее казны недопустимо. Аналогичным образом по данной категории дел суды и ранее приходили к подобным выводам (например, постановление Федерального Арбитражного Суда Московского округа от 26.11.2012 по делу № А40-21132/12-20-97). В настоящее время иное законом не установлено и не вытекает из существа обязательства. Суть деликтного обязательства сводится к тому, чтобы восстановить имущественное положение потерпевшего, которое существовало у него до нарушения права. При удовлетворении иска ПФР потерпевшим выступает государство, однако восстановление имущественного положения не происходит, поскольку речь идет о взыскании средств федерального бюджета за счет средств федерального бюджета. Цель, которую преследует ПФР, а именно восстановление бюджетных средств, не достигается. Кроме того, восстановление имущественного положения возможно, когда в бюджет будет зачисление денежных средств со стороны. Напротив, применительно к данной ситуации происходит перераспределение денежных средств внутри бюджета.

Таким образом, действующее гражданское законодательство не содержит норм, которые бы учитывали специфику правосубъектности отдельных юридических лиц, когда они выступают потерпевшими в деликтном обязательстве. В рамках научных исследований не рассматривается вопрос о том, какое влияние оказывает осуществление юридическим лицом публичных функций для разрешения требований

о возмещении такому юридическому лицу внедоговорного вреда. Полагаем, что научно обоснованные выводы по данному направлению способны оказать влияние на изменение сложившейся пока не в пользу МВД России судебной практики.

2. О межотраслевых связях.

В качестве примера можно обратить внимание на следующую ситуацию. При производстве по делу об административном правонарушении медицинские учреждения на основании постановления должностного лица органа внутренних дел оказывают услуги по медицинскому освидетельствованию граждан, в отношении которых рассматривается вопрос о привлечении к административной ответственности. В свою очередь медицинские организации предъявляют требования к подразделениям МВД России о компенсации произведенных расходов. Суды, принимая во внимание правовую позицию, которая закреплена в определении Верховного Суда РФ от 17.06.2016 № 309-ЭС15-1037, удовлетворяют иски о возмещении расходов. Основной аргумент при этом в том, что поскольку эксперт лишен возможности выбора в оказании медицинской услуги, то фактически оказанная услуга должна быть оплачена. Оплата должна происходить за счет средств федерального бюджета, а именно государственного органа, должностное лицо которого вынесло постановление о назначении экспертизы. Расходы на экспертизу квалифицируются как внедоговорный вред (например, дело № А55-14115/17 и др.) и признаются расходными обязательствами Российской Федерации.

Представляется, что такой подход является односторонним и не учитывает межотраслевые связи. Необходимо обращать внимание, во-первых, на то, что административное законодательство прямо не указывает на возмещение расходов за счет средств государственного органа, во-вторых, не учитывается статус медицинского учреждения и особенности механизма правового регулирования бюджетных отношений. В частности, медицинские организации достаточно часто являются бюджетными учреждениями здравоохранения, созданными на уровне субъекта Российской Федерации. Это означает, что требуют глубокой проработки: вопросы документального подтверждения субсидий бюджету субъекта Российской Федерации из федерального бюджета; показатели государственного задания, на основании которого медицинское учреждение осуществляет свою деятельность; бюджетная роспись, кассовый план

финансирования медицинского учреждения. Работа в этом направлении при формировании защиты интересов МВД России предопределяет необходимость и научного осмысления границ осуществления субъективного гражданского права по возмещению вреда с учетом влияния публичного интереса. Полагаем, что этот момент в юридической науке проработан крайне слабо. Отсюда итог неутешительный – медицинские учреждения получают денежные средства из бюджета субъекта Российской Федерации и одновременно взыскивают расходы за счет федерального бюджета на основании решения суда. Это нарушает один из базовых принципов гражданского права – принцип добросовестности (ст. 1 ГК РФ) – и ставит перед правоприменителем вопрос о злоупотреблении правами.

3. О противоправности в действиях должностных лиц органов внутренних дел.

Значительное количество исков на основании ст. 1069 ГК РФ суды удовлетворяют в связи с тем, что не обеспечена следователем сохранность вещественных доказательств. Показательны примеры с иском ПАО «Петрокар» об изъятых векселях на сумму 383 млн руб. (дело № А40-254133/17), ООО «Ростехлизинг» о возмещении убытков на сумму 104 млн руб. (дело № А45-10324/2017). Оценивая противоправность действий следователя, суд, например, указывает, что незаконность действий следователя выражена в нарушении преследуемых целей изъятия без учета принципа соразмерности, необеспечении сохранности имущества.

Когда истец заявляет требования о возмещении вреда в результате изъятия ценных бумаг, то необходимо учитывать объект гражданских прав и особенности осуществления прав по ценной бумаге. Отношения сторон по векселю регулируются Федеральным законом от 11.03.1997 № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе» и постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341 «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе».

В связи с этим истцу необходимо доказать, что изъятые векселя полностью соответствовали требованиям, предъявляемым законом к данной ценной бумаге, при несоблюдении требований изъятые бумаги не признаются векселями (пп. 2, 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 33, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 04.12.2000 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей»). При недоказанности

данного факта нельзя сделать вывод, что истцу были причинены убытки.

Кроме того, истец также должен доказать, что заемные отношения продолжают существовать и в этих отношениях истец выступает кредитором, наделенным правом требования, а также то, что векселя принадлежат ему, учитывая, что вексель – это именная или ордерная ценная бумага, осуществить права по которой возможно только путем предъявления ценной бумаги к исполнению. Передать права по векселю возможно только свободным волеизъявлением векселедержателя посредством передаточной надписи. Это означает, что если векселя не возвращены векселедержателю, то осуществить по ним права иные лица, помимо векселедержателя, не могут. В обоснование данной позиции должны быть приняты во внимание следующие аргументы:

- в соответствии с п. 3 ст. 143 ГК РФ ордерной является документарная ценная бумага, по которой лицом, уполномоченным требовать исполнения по ней, признается ее владелец, если ценная бумага выдана на его имя или перешла к нему от первоначального владельца по непрерывному ряду индоссаментов;

- в соответствии с п. 4 ст. 143 ГК РФ именной является документарная ценная бумага, по которой лицом, уполномоченным требовать исполнения по ней, признается владелец ценной бумаги, если ценная бумага была выдана на его имя или перешла к нему от первоначального владельца в порядке непрерывного ряда уступок требования (цессий) путем совершения на ней именных передаточных надписей или в иной форме в соответствии с правилами, установленными для уступки требования (цессии);

- права, удостоверенные ордерной ценной бумагой, передаются путем ее вручения с совершением на ней передаточной надписи – индоссамента, а права, удостоверенные именной документарной ценной бумагой, передаются приобретателю путем вручения ему ценной бумаги лицом, совершающим ее отчуждение, с совершением на ней именной передаточной надписи или в иной форме в соответствии с правилами, установленными для уступки требования (цессии) (ст. 146 ГК РФ).

Кроме того, утрата именной ценной бумаги не препятствует истцу обратиться с заявлением о восстановлении прав по утраченной ценной бумаге в порядке особого производства (ст. 148 ГК РФ).

Изложенное позволяет сделать вывод, что вред причинен быть не может в связи с изъятием векселей, поскольку законом предусмотрен правовой механизм восстановления права по ценной бумаге, а также, исходя из правовой природы векселя, – изначально невозможность осуществления права по векселю иным лицом помимо воли векселедержателя.

При оценке противоправности при передаче следователем изъяттого имущества на хранение необходимо учитывать положения ст. 115 УПК РФ. Следственный орган, принявший решение о необходимости передачи имущества на хранение, не может нести ответственность за сохранность имущества и за действия третьих лиц, на которых возложена обязанность по сохранности. Суд первой инстанции оценить законность действий следователя на основании разъяснений п. 7 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31.05.2011 № 145 при рассмотрении гражданского дела не может, поскольку данные разъяснения касаются действий таможенного органа не в связи с расследованием уголовного дела и действий, связанных с размещением движимого имущества в заведомо непригодном месте, не обеспечивающем его сохранность. Важно также отметить, что законодательством предусмотрен специальный порядок проверки законности действий должностных лиц в связи с их полномочиями по осуществлению уголовного преследования. Данный вывод следует из п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», кроме того:

– следователь является должностным лицом, которое в пределах компетенции выполняет публичную функцию по расследованию уголовного дела. В полномочия и обязанности следователя не входит обеспечение надлежащего хранения арестованного имущества (ст. 38 УПК РФ); статья 12 Закона о полиции также не обязывает полицию обеспечивать контроль за сохранностью арестованного имущества, переданного на хранение третьему лицу; вся процессуальная деятельность следователя должна быть направлена на защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ)

(УПК РФ не связывает назначение уголовного судопроизводства с защитой имущественных интересов других участников уголовного процесса);

– изъятие имущества предполагает ограничение права собственности по владению, пользованию и распоряжению (в данной ситуации истец как собственник не лишен был права владения и пользования имуществом); у следователя нет обязанности обеспечить надлежащее хранение, есть обязанность совершить необходимые процессуальные действия, связанные с передачей имущества на хранение, в частности составить протокол и зафиксировать передачу; соответственно, возложить обязанность по хранению следователь не может;

– следователя или орган внутренних дел нельзя считать хранителем в силу закона и возлагать обязанность по возмещению вреда, поскольку, во-первых, из ст. 906 ГК РФ это прямо не следует, во-вторых, необходимо разграничивать понятия «обеспечить сохранность», т. е. совершить в соответствии с требованиями УПК РФ действия организационно-технического характера в целях сохранности имущества, и «хранить», т. е. обеспечить фактически физическую целостность имущества; нельзя вести речь о противоправности со стороны следователя, поскольку законом не определены условия осуществления права на контроль за сохранностью арестованного имущества и отсутствует механизм фактического исполнения обязанности по такому контролю;

– законное применение мер процессуального принуждения, которые имеют для потерпевшего неблагоприятные последствия, не является основанием для возмещения вреда в соответствии со ст. 1069 ГК РФ (аналогичная позиция отражена в п. 8 письма № 145).

В рамках теории деликтного обязательства вопрос о противоправности поведения органа внутренних дел исследуется без учета характера нарушения и без оценки норм иной, помимо гражданско-правовой, принадлежности. Противоправность поведения не оценивается с позиции уголовно-процессуальной отрасли, границы и влияние публичной функции следователя в отношениях, связанных с возмещением внедоговорного вреда по причине отсутствия научно обоснованных выводов, остаются без внимания судов.

Таким образом, полагаем изложенные выше обстоятельства открывают новые горизонты для научных исследований, создают потребность при формировании алгоритма защиты интересов МВД России в научных результатах.

Список библиографических ссылок

1. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2008. 993 с.
2. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: учеб. пособие. М.: Статут, 2013. 133 с.
3. Обязательства, возникающие не из договора: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2015. 444 с.
4. Андреев Ю. Н. Ответственность государства за причинение вреда: цивилистические аспекты. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. 374 с.

© Ершов О. Г., 2019

* * *

З. К. Жуманбек
Волгоградская академия МВД России
Научный руководитель: **А. Н. Садков**
Волгоградская академия МВД России

Ограничение свободы договора при заключении сделок несовершеннолетними как правовая форма защиты интересов молодежи в гражданском законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан

Принцип свободы договора является одним из основополагающих принципов, зафиксированных как в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1, ст. 1, 421], так и в Гражданском кодексе Республики Казахстан (далее – ГК РК) [2, ст. 2, 380].

Российский и казахский законодатели убеждены, что физические и юридические лица свободны в определении любых условий договора, не противоречащих законодательству.

Однако свобода субъектов в осуществлении своих гражданских прав определенным образом ограничена. Законодатели Российской Федерации и Республики Казахстан предусматривают, что такое ограничение может осуществляться только на основании законодательных норм и в объеме, необходимом для должной защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороноспособности и безопасности государства [1, ст. 1; 2, ст. 2].

Достаточно ярким примером такого ограничения являются нормы, регламентирующие дееспособность несовершеннолетних.

Рассматривая дееспособность как совокупность сделкоспособности и деликтоспособности [3, с. 50], большинство исследователей увязывают объем дееспособности с объективным и субъективным факторами, где под объективным фактором понимается возраст физического лица, а под субъективным – его психическое развитие [3, с. 48]. И это на самом деле так, потому что чем старше человек – тем более адекватно он воспринимает окружающую действительность. В зрелом возрасте на адекватность такого восприятия влияет прежде всего психическое здоровье.

Сравнение норм ГК РФ и ГК РК показывает, что в целом российский и казахский законодатели демонстрируют общий подход к определению ступеней повышения объема дееспособности (а значит, и сделкоспособности) в зависимости от возраста, однако, в отличие от Российской Федерации, в Республике Казахстан группа детей в возрасте до шести лет не выделяется в качестве полностью (абсолютно) недееспособной категории граждан. Если в ГК РФ за малолетними (не достигшими четырнадцати лет) закрепляется возможность самостоятельно совершать ряд самых простых сделок (мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения или государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законными представителями или с их согласия третьими лицами для определенных целей или для свободного использования) только с шести лет [1, п. 2 ст. 28], то в нормах ГК РК такого возрастного порога (до шести лет) не установлено.

Казахский законодатель предусматривает, что несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет (малолетние) вправе самостоятельно совершать соответствующие их возрасту мелкие бытовые сделки, исполняемые при самом их совершении [2, п. 2 ст. 23].

Учитывая, что с возрастом объем дееспособности (а следовательно, и сделкоспособности) увеличивается, российский законодатель расширяет возможности для самостоятельного заключения сделок несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Нормы ст. 26 ГК РФ определяют, что несовершеннолетние в названном возрасте не только могут самостоятельно заключать сделки, допустимые для самостоятельного совершения малолетними, но и могут самостоятельно распоряжаться своим заработком или стипендией, осуществлять авторские права, осуществлять вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими. Схожее правило предусмотрено и в п. 2 ст. 22 ГК РК, где прописано, что несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией, иными доходами и созданными ими объектами права интеллектуальной собственности, а также совершать мелкие бытовые сделки.

Однако, говоря о расширении объема сделкоспособности для несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, следует помнить, что законодатели как Российской Федерации, так и Республики Казахстан предусматривают возможность ограничения несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет возможностью самостоятельного распоряжения своим заработком, стипендией или иными доходами, если такое распоряжение окажется неразумным с позиций взрослого адекватного человека. В Российской Федерации такое ограничение осуществляется судом по ходатайству законных представителей несовершеннолетних или органа опеки и попечительства [1, п. 4 ст. 26], тогда как субъекты, имеющие право на подобное обращение в суд, казахским законодателем в нормах ГК РК специально не обозначены [2, п. 3 ст. 22]. В ГК РК (в отличие от ГК РФ) предусмотрено наложение ограничения права самостоятельного распоряжения данной группой несовершеннолетних созданными ими объектами интеллектуальных прав [2, п. 3 ст. 22].

Думается, что такое ограничение объема сделкоспособности малолетних следует рассматривать как правовую форму защиты интересов

молодежи в гражданском законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан. К сожалению, дети не всегда могут самостоятельно определить правильное (с точки зрения здравого смысла и норм морали) направление на использование доступных им финансовых возможностей. Контроль за расходами несовершеннолетних – это одно из направлений их воспитания, привития чувства ответственности и самостоятельности, защиты от негативного влияния азартных игр, употребления табачных изделий и алкогольной продукции.

В соответствии с нормами ст. 16 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в Российской Федерации продажа алкогольной продукции лицам до восемнадцати лет запрещена [4]. Для указанной категории лиц в Российской Федерации установлен запрет и на продажу табачной продукции [5, ст. 20], несмотря на то, что такие сделки исполняются в момент их совершения и не относятся к категории «крупных сделок».

В Республике Казахстан ограничения на розничную продажу алкогольной продукции еще более жесткие. В соответствии с нормами подп. 1 п. 4 ст. 9 Закона Республики Казахстан от 16.07.1999 № 429-І «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции» запрещается реализация алкогольной продукции лицам в возрасте до двадцати одного года [6].

Думается что приведенные выше ограничения сделкоспособности несовершеннолетних, установленные законодателями Российской Федерации и Республики Казахстан, следует рассматривать как действия, направленные на защиту интересов несовершеннолетних, отвечающие современным представлениям о морали, нравственности и самостоятельности.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (общая часть) от 27.12.1994 № 268–ХІІІ (с послед. изм.). URL: <http://www.adilet.gov.kz> (дата обращения: 13.09.2018).

3. Основы гражданского права: Общая часть (для иностранных слушателей, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России): учеб. пособие / редкол.: П. М. Филиппов (отв. ред.), А. Н. Садков, Н. В. Котельников. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 264 с.

4. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

5. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: федер. закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 721.

6. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции: закон Республики Казахстан от 16.07.1999 № 429-І. URL: <http://www.adilet.gov.kz> (дата обращения: 13.09.2018).

© Жуманбек З. К., 2019

* * *

Е. В. Ильина

Волгоградская академия МВД России

Первоначальные и неотложные следственные действия в уголовном процессе

Неотложные следственные действия характеризуются тем, что их перенос на более поздний срок, поручение другому субъекту расследования означают высокую вероятность исчезновения, утраты, фальсификации доказательственной информации. Причем в принципе возникновение подобных экстремальных условий возможно на любом

этапе расследования, в том числе и на последующем, когда, например, могут быть выявлены новые соучастники, получены новые доказательства, свидетельствующие о дополнительных эпизодах преступной деятельности, и т. п. Этой точки зрения придерживаются А. Н. Колесниченко [1, с. 24], Е. Г. Мальцев [2, с. 158], Л. Е. Сигалов [3, с. 6]. В то же время по данному вопросу существует и другая позиция (А. М. Лантух [4, с. 18]): производство неотложных следственных действий охватывается лишь первоначальным этапом расследования. Считаем, что оба эти взгляда односторонни, так как в одном случае неотложные следственные действия рассматриваются только в узком криминалистическом аспекте, в другом – только в уголовно-процессуальном.

Возвращаясь к смысловому содержанию, отметим, что, на наш взгляд, понятие «первоначальный» связано с поступательным движением времени, а понятие «неотложный» – больше, чем с хронологией, связано с тактической необходимостью выполнения того или иного действия, поскольку существует определенный риск утраты доказательственной информации из-за промедления. То есть риск утраты доказательств в случае промедления инициирует режим производства неотложных следственных действий тем субъектом расследования, который в сложившейся ситуации имеет тактическую возможность обнаружить и закрепить следы преступления и избежать утраты доказательственной информации.

Н. П. Яблоков отмечал, что понятие первоначальных следственных действий является криминалистическим, а неотложных следственных действий – и криминалистическим, и уголовно-процессуальным. В этом контексте данные термины могут как совпадать, так и не совпадать [5, с. 20].

С данной позицией мы соглашаемся, поскольку считаем, что в понятие «неотложные следственные действия» не только необходимо вкладывать криминалистический характер их производства, т. е. оперативность, быстроту, безотлагательность, но и при этом учитывать правовую природу данного института, заложенную в уголовно-процессуальном законодательстве.

Попытаемся исследовать признаки неотложных следственных действий и на их основании дать свое определение рассматриваемому институту.

В. Балакшин предлагает определение неотложных следственных действий, которое, по его мнению, должно быть сформулировано в п. 19 ст. 5 УПК РФ: «Неотложные следственные действия – это следственные действия, предусмотренные Особенной частью настоящего кодекса, осуществляемые органами дознания по возбужденному уголовному делу в целях установления лиц, причастных к совершению преступления, обнаружения и фиксации следов преступления, а также получения доказательств, собирание, закрепление и проверка которых не терпит отлагательства» [6].

В данном определении расширена сфера правоприменения неотложных следственных действий – автор правильно полагает, что неотложные следственные действия должны осуществляться не только по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, но и по делам о преступлениях, обычно расследуемых в форме дознания. В то же время в определении не нашлось места следователю, который, как мы уже отмечали, также в ряде случаев совершает неотложные следственные действия.

Кроме того, представляется излишней фраза «следственные действия, предусмотренные Особенной частью настоящего кодекса». Во-первых, уголовно-процессуальный закон (в отличие от уголовного) не знает такого понятия, как Особенная часть. Вторая часть УПК РФ называется «Досудебное производство». Регламентация следственных действий и без указанного автором «уточнения» преимущественно осуществляется в части «Досудебное производство» (полагаем, что цитируемый автор не имеет в виду также и часть четвертую УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства», поскольку по смыслу его статьи речь идет все-таки о досудебном производстве независимо от категорий дел).

Далее автор выделяет в качестве цели «установление лиц, причастных к совершению преступления». В принципе данная цель имеет право на существование. Безусловно, установление причастного лица по горячим следам окажет существенную помощь следствию. В то же время обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления, а также закрепление полученных доказательств содержательно включает также и установление следов причастных лиц, а потому указание на данную цель не является принципиальным. Другое дело, что необходимо принять меры к предотвращению попыток причастных к преступлению лиц

избежать проведения в отношении их расследования. Однако данные меры лежат не только и не столько в плоскости следственных действий, сколько в плоскости проблем избрания мер принуждения.

А. П. Гуляев, не оспаривая важность обнаружения лица, совершившего преступление, справедливо возражает, когда деятельность органа дознания приобретает односторонний характер: «На практике органы дознания при выполнении неотложных следственных действий уделяют внимание главным образом обнаружению и закреплению доказательств, избобличающих определенное лицо в совершении преступления, и недооценивают установление других обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Это ведет к односторонности и неполноте материалов дознания, а иногда – и к утрате возможности получения доказательств. Неотложные следственные действия должны быть направлены на установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» [7, с. 56].

Развивая свою позицию, которую мы ранее проанализировали, В. Балакшин предлагает изменить также ч. 1 ст. 157 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «При обнаружении признаков преступления орган дознания возбуждает уголовное дело и, руководствуясь требованиями настоящего кодекса, производит неотложные следственные действия в целях установления лиц, причастных к совершению преступления, обнаружения и фиксации следов преступления, а также получения доказательств, собрание, закрепление и проверка которых не терпит отлагательства». Думаем, что нет смысла дублировать п. 19 ст. 5 УПК РФ аналогичным положением, указывающим на свойства неотложных следственных действий, и перегружать, таким образом, уголовно-процессуальный закон [6].

С точки зрения С. Н. Ярышева, неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания, следователем, дознавателем после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также по иным делам в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также иных сведений, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования [8, с. 16].

В данном определении положительными моментами являются определение субъектного состава, а также указание, что эти действия могут осуществляться по делам как требующим, так и не требующим

предварительного следствия. Однако из этого определения не вполне понятно отличие первоначальных следственных действий от неотложных. Ведь первоначальные следственные действия также могут быть произведены в целях обнаружения и фиксации следов преступления и иных сведений, требующих незамедлительного закрепления, фиксации и исследования.

Далее считаем возможным предложить свою точку зрения на исследуемое понятие. Учитывая приведенные выше рассуждения, полагаем, что понятие должно быть составлено согласованно со следующими признаками неотложных следственных действий:

- неотложные следственные действия могут осуществляться как органом дознания, так и следователем;

- неотложный характер в производстве следственных действий может возникнуть на первоначальном этапе расследования по делам, возбужденным по материалам оперативной разработки;

- неотложные следственные действия могут осуществляться по делам, предварительное следствие по которым обязательно.

Кроме этого, в рассматриваемом понятии должно содержаться разъяснение признака неотложности. Ни в проанализированных выше понятиях, предлагаемых различными авторами, ни в законодательном варианте данное отличительное свойство следственных действий не раскрыто, поскольку не определено, в каких ситуациях доказательства требуют незамедлительного закрепления.

Учитывая все изложенные признаки, приходим к выводу, что неотложные следственные действия – это действия, осуществляемые органом дознания или следователем при оперативно-разыском обеспечении после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования для раскрытия преступления по горячим следам.

В заключение следует отметить, что существование рассмотренных в статье дискуссионных вопросов, связанных, в частности, с соотношением первоначальных и неотложных следственных действий, а также с возможностью возникновения необходимости в производстве неотложных следственных действий на любом этапе предварительного расследования, является далеко не случайным.

Список библиографических ссылок

1. Колесниченко А. Н. Общие вопросы методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976.
2. Мальцев Е. Г. О неотложных и первоначальных следственных действиях // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1966. № 150. С. 155–168.
3. Сигалов Л. Е. Теория и практика неотложных следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1969.
4. Лантух А. М. Первоначальный этап расследования преступлений в ИТУ. Рязань, 1976.
5. Яблоков И. П. Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972.
6. Балакшин В. Неполное определение органов дознания // Законность. 2004. № 2. С. 52–55.
7. Дознание в органах внутренних дел / под ред. А. А. Чувилева. М., 1986.
8. Ярышев С. Н. Возбуждение уголовных дел и выполнение неотложных следственных действий капитанами морских судов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

© Ильина Е. В., 2019

* * *

В. А. Илюхина
Академия ФСИН России

Классификация принципов семейного права Республики Армения

Российская и армянская правовые системы относятся к семье континентального права. Вследствие этого они обладают определенным сходством, являются сравнимыми, а их изучение представляет для обеих стран не только теоретический, но и практический

интерес в плане заимствования опыта. Сходство российского и армянского права обуславливается не только принадлежностью к одной правовой семье, но и совместным историческим развитием в течение достаточно длительного времени в составе Российской империи, а позже – СССР, главенством нормативных правовых актов в системе источников права, делением права на отрасли и его кодифицированным характером. Таким образом, исследование проблем права Армении в настоящее время актуально и для России.

Все сказанное выше в полной мере относится и к семейному праву. Естественно, все проблемы одной, пусть и относительно небольшой отрасли права, не могут быть проанализированы в рамках одной статьи. Поэтому в данной работе мы остановимся на рассмотрении такого важного и эффективного инструмента в механизме правового регулирования, как принципы права.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу подходов к пониманию принципов права, обозначим свою позицию. Мы разделяем позитивистский подход к пониманию принципов права. Считаем, что принципами права являются исключительно нормативно закрепленные положения, признаваемые законодателем в качестве основополагающих, базовых, исходных в правовом регулировании в целом или в отдельных отраслях права [1].

Указанный подход может быть применен к изучению принципов права в целом и отдельных отраслей (в том числе семейного права) в любой стране (как минимум принадлежащей к семье континентального права).

В данной статье, исходя из позитивистского подхода к пониманию принципов права, предпринимается попытка классификации принципов семейного права Республики Армения. Обратим внимание, что такого рода классификация уже использовалась применительно к отдельным отраслям как российского, так и армянского права [2–4].

Источниками закрепления принципов армянского семейного законодательства являются, по нашему мнению, два нормативных правовых акта: Конституция Республики Армения от 05.07.1995 и Семейный кодекс Республики Армения от 08.12.2004 (далее – СК РА).

Как и в других странах континентальной правовой семьи, Конституция в Армении возглавляет иерархию нормативных правовых актов. Следовательно, ряд содержащихся в ней основополагающих

идей может быть отнесен к принципам различных отраслей права, включая семейное. Что касается СК РА, очевидно, что именно в кодифицированном акте должны закрепляться отраслевые принципы права.

Основываясь на анализе норм Конституции Республики Армения и СК РА и придерживаясь позитивистского подхода, мы выделяем десять нормативно закреплённых принципов семейного права, сгруппированных в три группы:

1. Конституционные принципы семейного права, не продублированные в Семейном кодексе Республики Армения. Всего мы относим сюда четыре принципа.

В части 1 ст. 36 Конституции Республики Армения закреплён принцип дуализма прав и обязанностей родителей по заботе и воспитанию детей: «Родители имеют право и обязаны заботиться о воспитании, здоровье, полноценном и гармоничном развитии и об образовании своих детей». Интересно, что законодатель конкретизирует понятие заботы, включая в него заботу о здоровье, заботу об образовании, заботу о полноценном и гармоничном развитии детей.

В части 3 ст. 36 Конституции Республики Армения закреплён принцип обязанности трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях. Этот принцип является парным по отношению к предыдущему. Вполне логично, что сначала родители должны заботиться о своих несовершеннолетних детях, а потом дети – о своих нетрудоспособных родителях. Данному принципу не нашлось места в СК РА среди принципов семейного законодательства, однако в ч. 1 ст. 75 СК РА содержится следующая норма: «Трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных и нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них».

В статье 23 Конституции Республики Армения нашёл закреплённый принцип уважения личной и семейной жизни, к сожалению, без какой-либо его конкретизации.

В части 2 ст. 36 Конституции Республики Армения содержится принцип лишения или ограничения родительских прав только в судебном порядке: «Лишение родительских прав или их ограничение может осуществляться только в порядке и случаях, установленных законом, решением суда».

2. Конституционные принципы семейного права, продублированные в Семейном кодексе Республики Армения. В эту группу, как и в предыдущую, входит четыре принципа.

В части 2 ст. 48 Конституции Республики Армения и в ч. 1 ст. 1 СК РА закреплен принцип государственной защиты семьи, материнства и детства и оказание им покровительства. Отметим, что в армянском языке понятие «покровительство» употребляется и в значении «спонсорство». Следовательно, устанавливая данный принцип, законодатель имел в виду и оказание материальной поддержки семьям.

В статье 18 Конституции Республики Армения и ч. 1 ст. 1 СК РА закреплен общеправовой принцип судебной защиты прав и свобод.

Следующий принцип – принцип равенства прав мужчины и женщины при вступлении в брак, в супружеской жизни и при расторжении брака нашел отражение в ч. 2 ст. 35 Конституции Республики Армения. В семейном законодательстве нормативные положения о равенстве мужчины и женщины при вступлении в брак и его расторжении продублированы в ч. 3 ст. 1 СК РА, а нормы о равенстве прав и обязанностей родителей содержатся в ст. 49 СК РА. Обратим внимание, что равенство прав и обязанностей родителей не идентично равенству прав супругов в семье – первое является лишь составной частью второго. По сути, конституционная норма, касающаяся равенства прав мужчины и женщины в семейных отношениях, оказалась шире, чем аналогичная норма, закрепленная в Семейном кодексе Республики Армения. Данная ситуация представляется нам нелогичной и требующей корректировки, так как специальный нормативный акт (в данном случае это СК РА) должен конкретизировать общий нормативный акт (в данном случае это Конституция Республики Армения), а не наоборот.

В части 2 ст. 35 Конституции Республики Армения и ч. 4 ст. 1 Семейного кодекса Республики Армения закреплен принцип добровольности вступления в брак. Четкое выражение он нашел в ч. 1 ст. 10 Семейного кодекса Республики Армения, в которой установлено взаимное добровольное согласие в качестве одного из условий заключения брака.

3. Отраслевые принципы семейного права, нашедшие отражение в Семейном кодексе Республики Армения. В эту группу входит всего два принципа семейного права.

В части 2 ст. 1 Семейного кодекса Республики Армения содержится принцип признания брака, заключенного только в органах записи актов гражданского состояния.

Наконец, в ч. 5 ст. 1 Семейного кодекса Республики Армения закреплён принцип запрета дискриминации граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности при вступлении в брак и в семейных отношениях, который представляет собой конкретизацию конституционного принципа запрещения дискриминации граждан Армении.

Список библиографических ссылок

1. Демичев А. А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. № 5. С. 5–13.

2. Демичев А. А., Исаенкова О. В. Принципы и источники гражданского процессуального права Российской Федерации: учеб. пособие. Н. Новгород, 2005.

2. Илюхина В. А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. 2018. № 2. С. 43–48.

4. Майорова С. А. Принципы административного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 136–138.

© Илюхина В. А., 2019

* * *

А. Ю. Истратенков

Волгоградская академия МВД России

Перспективы совершенствования практики функционирования государственной службы в России

Согласно докладу группы государств Совета Европы по борьбе с коррупцией (GRECO) Россия в 2016 г. полностью выполнила 10 его рекомендаций по борьбе с коррупцией из 21, а оставшиеся 11 выполнила частично.

Несколько улучшилось качество антикоррупционного законодательства, однако правоприменительная практика существенно не изменилась. Так, предусмотренная антикоррупционным законодательством возможность изъятия незаконно нажитой собственности на практике почти не реализуется.

Для российских чиновников введен запрет на владение иностранными финансовыми инструментами. Созданы правовые предпосылки для формирования так называемого «черного списка» государственных служащих, уволенных с государственных должностей и из правоохранительных органов за коррупционные нарушения. Федеральным чиновникам запрещено работать с организациями, сотрудниками которых являются их родственники. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 31.10.2016 постановила, что чиновник может быть уволен за непредоставление сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера своего супруга.

С другой стороны, из Национального плана по противодействию коррупции на 2016–2017 гг. пропало упоминание о защите заявителей о коррупции – важнейшем элементе антикоррупционной политики. По-прежнему не принят закон о лоббизме, упомянутый в предыдущем Национальном плане.

Причины того, что объемы коррупции и степень поражения государственного аппарата существенно не снижаются, кроются, по мнению Н. С. Богомолова, в специфической (достаточно коррупционной) модели устройства высших органов власти в России. «Являющийся, как свидетельствует мировая практика, основополагающей антикоррупционной гарантией, принцип разделения единой государственной власти на судебную, законодательную, исполнительную ветви в Конституции РФ не выдержан. Баланс властных полномочий смещен в пользу Президента РФ, который де-факто возглавляет наиболее подверженную коррупции исполнительную власть. Парламент РФ, будучи по Конституции РФ политически слабым органом, неспособным сколько-нибудь серьезно сдерживать и контролировать исполнительную власть, в текущей политической ситуации фактически превратился в орган, удостоверяющий правительственные законопроекты. Слияние же воедино исполнительно-законодательной власти настолько нарушает баланс властей, что делает невозможной и независимость судебной власти – важнейшего

условия эффективности антикоррупционной политики. Таким образом, нарушение принципа разделения властей ведет к созданию авторитарного режима, в котором деятельность государственных служащих строится не по принципу соблюдения закона, а по принципу лояльности к руководству страны, что делает нереализуемыми на практике антикоррупционные механизмы (даже если они продекларированы и закреплены законодательно)» [1].

«Настоящая антикоррупция и последующее развитие страны возможны только тогда, когда начинают укрепляться институты, наиболее важными из которых являются прозрачные, честные выборы для контроля за политиками от главы сельсовета до президента, а также независимая ни от одной из ветвей власти, облеченная доверием граждан и бизнеса и эффективно, а не для палочки работающая система верховенства права» [2], – считает генеральный директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернейшенл Россия» Антон Поминов и дает следующие рекомендации: разработать и принять законы о лоббистской деятельности и защите заявителей о коррупции; обязать правоохранительные органы реагировать на общественные и журналистские расследования; включиться в международное сотрудничество по возвращению активов и установлению бенефициарных собственников; обеспечить выборность председателей судов и случайное распределение дел между судьями в рамках их специализации.

Административная реформа в нашей стране ведется уже не один год. Вносятся многочисленные изменения в законодательство, регламентирующее деятельность государственных служащих, которые трудно назвать системными. Современные принципы государственного управления должны систематизировать управление в масштабах всей страны, единообразить правоприменительную практику и даже планомерно подготавливать к изменениям конкретных норм. Подобный опыт уже накоплен, и им можно было бы воспользоваться.

Так, наибольшее распространение в мире получила методика ООН по оценке Good Governance, или «хорошего, качественного (надлежащего) управления», которая учитывает ключевые ценности различных подходов:

1. Ценности правового подхода: верховенство права – наличие справедливых законов и действенная защита прав человека; равенство и недискриминация – равный подход ко всем гражданам.

2. Ценности политического подхода: участие – участие граждан в процессе принятия государственных решений, как непосредственное, так и через организации гражданского общества; оперативность принимаемых решений и ориентация на консенсус при их выработке, согласовании, принятии и реализации.

3. Ценности менеджеристского подхода: результативность и эффективность – органы власти производят результаты, которые удовлетворяют общественные ожидания, и в то же время наилучшим образом используют ресурсы, находящиеся в их распоряжении, заботясь о воспроизводстве этих ресурсов.

4. Универсальные организационные ценности: подотчетность [3].

Некоторые из этих принципов (оценки эффективности деятельности субъектов управления, правового обеспечения транспарентности и участия и пр.) уже реализуются (в основном безымянно) в российском законодательстве.

Принцип оперативности как один из принципов «хорошего управления» имеет в России свои особенности. Так, западная концепция исходит из разумности сроков (например, административные дела рассматриваются органами ЕС «в разумные сроки»). В России понятие разумных сроков употребляется в основном в гражданском законодательстве и обеспечивается судебным толкованием. Административное же право стоит на позиции определенности сроков; более того, неопределенность сроков при определении полномочий государственного органа (широта дискреционных полномочий) является коррупциогенным фактором и повышает коррупционный риск. Работа по «выверению» сроков управленческих действий велась при разработке административных регламентов и приобрела новый смысл ввиду активного использования электронных форм общения граждан с администрацией.

Одним из важнейших условий совершенствования функционирования государственной службы в России является реализация дисциплинарной политики, направленной на снижение служебной деликтности. При этом важно осуществить комплекс предупредительных мер, таких, как: 1) предупреждение дисциплинарных проступков в системе государственной службы Российской Федерации, состоящее в выявлении и нейтрализации причин и условий, способствующих нарушениям служебной дисциплины государственными служащими;

2) законодательное закрепление принципа неотвратимости дисциплинарной ответственности, при котором за совершение дисциплинарного проступка государственным служащим должностное лицо, наделенное полномочиями по привлечению его к дисциплинарной ответственности от имени публичного образования-нанимателя (Российской Федерации или субъекта Российской Федерации), обязано принять меры для его привлечения к дисциплинарной ответственности [4].

Одной из актуальных задач в контексте развития цифрового и информационного общества [5], повышения результативности и эффективности государственного управления [6] является улучшение качества информационного обеспечения государственного управления.

В целом анализ действующих нормативных правовых актов в части определения требований к показателям, используемым в сфере государственного управления, показывает, что, несмотря на десятилетний опыт внедрения принципов управления по результатам, сохраняются пробелы и противоречия как в требованиях к формированию показателей, так и в требованиях к использованию тех или иных источников информации для расчета значений показателей и принятию решений по итогам анализа [7].

Можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию информационного обеспечения государственного управления: а) необходимо более четко определить, что именно относится к сведениям, используемым в целях принятия управленческих решений; б) важно зафиксировать источники формирования данных, отнесенных к таким сведениям, в том числе уточнить требования к предмету статистической информации; в) важно определить назначение использования информации и ее необходимый объем для принятия управленческих решений; г) крайне актуальной является задача повышения оперативности обработки статистической информации и сведений о результатах деятельности органов государственного управления в целом.

Для создания правовых условий сокращения сроков предоставления статистических и иных данных, необходимых для принятия управленческих решений, целесообразно установить предельные сроки формирования статистических данных, имеющих значение

для принятия управленческих решений в сфере государственного управления.

Реализация этих и других предложений может быть осуществлена в рамках разработки Федерального закона «Об обеспечении качества государственного управления в Российской Федерации», направленного на достижение системности в правовом регулировании государственного управления и внедрение модели государственного управления, ориентированной на результат. Мировой опыт показывает, что с наибольшей эффективностью вопросы государственного управления рассматриваются и регулируются системно (одним или несколькими нормативными актами). России также необходим не просто системный или рамочный, а системообразующий закон, который связал бы все имеющиеся и будущие акты по вопросам государственного управления и государственной службы в единую систему посредством подчинения их общим принципам.

Список библиографических ссылок

1. Богомолов Н. С. Конституция Российской Федерации как правовая основа противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 12. С. 45–50.

2. Индекс восприятия коррупции: положение России не изменилось. URL: <http://transparency.org.ru> (дата обращения: 23.05.2018).

3. Браташова Ю. А. Этика государственной службы на современном этапе развития России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 6–8.

4. Добробаба М. Б. Служебная деликтность: понятие и значение для формирования дисциплинарной политики в системе государственной службы Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 299–304.

5. Ковалева Н. Н. Система информационного обеспечения органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 6. С. 24–27.

6. Южаков В., Добролюбова Е., Александров О. Государственное управление по результатам: старые рецепты или новая модель? // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 191–207.

7. Добролюбова Е. И. Совершенствование правового регулирования информационного обеспечения государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 2. С. 24–28.

© Истратенков А. Ю., 2019

* * *

Ю. С. Кабанова

Барнаульский юридический институт МВД России

Некоторые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации

История применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) в мире насчитывает около сорока лет, что является относительно малым периодом для такой серьезной сферы, как вмешательство в репродукцию человека. Немаловажным является тот факт, что в странах мира к данной ситуации относятся по-разному: во Франции на государственном уровне запрещено суррогатное материнство, в Норвегии помимо запрета суррогатного материнства запрещено и донорство яйцеклеток, в Германии запрещено криоконсервирование половых клеток и эмбрионов, в Италии запрещено не только суррогатное материнство, но и донорство спермы, яйцеклеток и криоконсервация эмбрионов [1].

В Российской Федерации в последнее время активное обсуждение получили проблемы применения ВРТ. Для более ясного понимания вопроса необходимо определиться, что такое вспомогательные репродуктивные технологии как с медицинской, так и правовой точки зрения и какие проблемы могут возникнуть при их применении.

В статье 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под вспомогательными репродуктивными технологиями подразумеваются методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия

и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма, в том числе с использованием донорских или криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства. Всего на территории Российской Федерации существуют следующие виды ВРТ: экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО); использование донорского генетического материала – ооцитов, сперматозоидов, эмбрионов; инъекция сперматозоида в яйцеклетку (ИКСИ); криоконсервация яйцеклеток и эмбрионов; суррогатное материнство; внутриматочная инсеминация спермой супруга или донора; хэтчинг – рассечение блестящей оболочки эмбриона.

Российская Федерация при решении вопроса закрепления в законодательстве ВРТ пошла по пути, отличающемуся от европейских стран, разрешив на своей территории почти все их виды без особых условий и противопоказаний. Так, в приказе Министерства здравоохранения РФ закреплено, что на применение ВРТ имеют право мужчины и женщины, как состоящие в браке, так и нет, а также одинокие женщины при наличии информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство по установленной форме [2]. Если смотреть с этико-правой точки зрения, то вмешательство в репродукцию человека чревато рядом проблем, с которыми современное общество уже столкнулось.

При донорстве генетического материала – ооцитов, сперматозоидов, эмбрионов, а также суррогатном материнстве возникают вопросы по установлению происхождения детей. В пункте 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 говорится о наличии согласия родителей на проведение процедуры и непосредственно на использование донорского материала, если они имеются, то оспаривать происхождение детей невозможно по данному обстоятельству. В пункте 31 указанного постановления содержится положение, согласно которому при использовании суррогатного материнства необходимо согласие женщины, родившей ребенка (суррогатной матери) на запись лиц, заключивших с ней договор, в качестве родителей ребенка, при этом судам дается указание на рассмотрение всех вопросов и причин, по которым суррогатная мать отказывается давать свое согласие при спорных вопросах [3]. На наш взгляд, невозможно, лишь пользуясь данными рекомендациями, разрешить такой вопрос, как установление

происхождения детей, ведь случаи бывают разные и есть вероятность как ошибок со стороны медперсонала, так и недобросовестного поведения лиц, желающих стать родителями, доноров и суррогатных матерей.

Проблема недобросовестного поведения донора заключается в том, что им может быть проигнорировано обязательство не скрывать перенесенные заболевания и правдиво сообщать о наследственности. Если обследование донора будет произведено некачественно, это может сказаться на здоровье будущего ребенка, при этом нет никакой возможности привлечь впоследствии донора к ответственности в связи с отсутствием правового регулирования данного вопроса в России. Также в соответствии с законодательством будущие родители имеют право лишь на получение информации о результатах медицинского, медико-генетического обследования донора, о его расе и национальности, а также о внешних данных. Однако может возникнуть ситуация, при которой анонимность донора может в будущем привести к случайному браку между детьми, что противоречит ст. 14 Семейного кодекса РФ, а также может привести к генетическим патологиям у совместных детей.

Более сложным является вопрос регулирования прав и обязанностей сторон при использовании генетического материала доноров либо при привлечении суррогатной матери. На данный момент в Гражданском кодексе РФ нет типового договора по данному вопросу. Стороны самостоятельно определяют круг прав и обязанностей по договору, при этом остается не ясным с точки зрения гражданского права, что является предметом договора – услуга или работа либо иной элемент, не нашедший отражения в современном законодательстве. В судебной практике в последнее время возникают споры между лицами, состоящими в фактических брачных отношениях, по поводу деления расходов как на медицинские услуги, так и на привлечение доноров и суррогатных матерей. На наш взгляд, если закрепить типовую конструкцию договора в Гражданском кодексе РФ, указав условия заключения, права, обязанности и ответственность сторон, то станет меньше исковых заявлений по данному вопросу, что облегчит работу судов в России.

Еще одной острой проблемой выступает возможность криоконсервации генетического материала. В России фиксируются случаи рождения детей с использованием генетического материала родителя

после его преждевременной смерти. Например, ребенок рожден не матерью, а суррогатной матерью по желанию бабушки, при использовании криоконсервированного генетического материала отца. На наш взгляд, такая ситуация является парадоксальной с точки зрения права, так как у ребенка фактически отсутствует и отец, и мать, его воспитанием будет заниматься бабушка, которая не является матерью, но и не является бабушкой, а выступает опекуном. При этом с генетической точки зрения бабушка связана с ребенком, но с юридической они не являются родственниками, факт родства необходимо устанавливать через суд, посредством экспертизы.

В данном ракурсе можно рассмотреть и проблему наследства в случае рождения ребенка спустя годы после принятия наследства с использованием криоконсервированного генетического материала либо отца, либо матери, что уже существует с учетом развития современных технологий. Ребенок по ст. 1142 ГК РФ является наследником первой очереди и имеет право на наследство по ст. 1155 ГК РФ. Однако необходим факт установления его происхождения, что усложняет работу органов государственной власти в рамках данного вопроса.

Таким образом, законодателем не учтено современное развитие вспомогательных репродуктивных технологий. На данный момент медицина идет вперед, рождаются дети спустя десятилетия после смерти одного из родителей, что приводит к необходимости урегулирования ряда вопросов на законодательном уровне. Во-первых, необходимо в ГК РФ внести изменения и предусмотреть конструкцию договора по представлению генетического материала и использованию суррогатного материнства при репродукции человека. Во-вторых, необходимо внести изменения в Семейный кодекс РФ и Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ с учетом активного использования при репродукции человека генетического материала, особенно после смерти одного из родителей. В-третьих, необходимо решить вопрос с наследованием при условии рождения ребенка после смерти родителей и прописать правовой статус ребенка, рожденного от генетического материала одного из родителей после их смерти.

Список библиографических ссылок

1. Исупова О. Некоторые особенности европейского репродуктивного лечения за границей // Демоскоп Weekle. 2012. № 509–510. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 20.10.2018).

2. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Касаткина А. Ю. Осуществление наследственных прав ребенка, родившегося с применением вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации // Наследственное право. 2017. № 1. С. 41–44.

5. Шелютто М. Л. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 91–98.

© Кабанова Ю. С., 2019

* * *

Е. С. Квасников

Омская академия МВД России

Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) сотрудников ОВД

В повседневной жизни встречаются ситуации, в ходе которых при различных обстоятельствах гражданам, организациям и другим субъектам гражданско-правовых отношений причиняется вред.

Причиненный вред может быть связан как с существующим между сторонами обязательством, возникающим из договора, односторонней сделки и т. д., так и с нарушением абсолютного права стороны гражданских правоотношений [1, с. 9, 11].

В основе обязательств по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями сотрудников органов внутренних дел (далее – сотрудники), лежит противоправное причинение вреда – деликт. Механизм возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) сотрудников, определен законом следующим образом.

В силу ч. 1 ст. 125 ГК РФ, ст. 69, 158, 242.2 БК РФ вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) сотрудников, по правилам ст. 1069, 1070 ГК РФ подлежит возмещению Российской Федерацией в лице МВД России за счет средств казны Российской Федерации.

Как определить, какие именно действия (бездействие) являются незаконными? Либо незаконность действий (бездействия) определяется в конкретном судебном порядке (как, например, в рамках ст. 125 УПК РФ)? Либо непосредственно в судебном заседании по исковым требованиям о возмещении вреда в рамках ст. 1069 ГК РФ?

Конституционный Суд РФ отмечает, что содержащиеся в ст. 1069 и 1070 ГК РФ положения не конкретизируют порядок признания названных действий незаконными, не содержат регулирования распределения бремени доказывания их незаконности. Подобные вопросы регламентируются иными нормами, в иных процедурах, целью которых является не разрешение спора о праве, а осуществление контроля, в том числе судебного, за законностью действий государственных и муниципальных органов и их должностных лиц. Однако у суда есть возможность самому определить, имели ли место незаконные действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления или их должностных лиц [2].

В связи с этим судебная практика при рассмотрении споров в рамках ст. 1069 ГК РФ неоднозначна.

В первом случае суды мотивируют свои решения необходимостью признания действий (бездействия) сотрудников незаконными в установленном законом порядке для взыскания компенсации в рамках ст. 1069 ГК РФ, так как иных оснований для компенсации вреда законодательством не предусмотрено [3, 4].

Ясным представляется тот факт, что при рассмотрении гражданского дела в рамках ст. 1069 ГК РФ у суда не всегда имеется возможность объективно оценить действия (бездействие) сотрудников на предмет их законности (например, конкретные действия следователя при расследовании уголовного дела). И, учитывая гипотезу ст. 1069 ГК РФ относительно возмещения вреда в связи с именно незаконными действиями, суд отказывает в удовлетворении требований.

Во втором случае суды утверждают, что не имеет правового значения признание действий (бездействия) незаконными в отдельном судебном порядке, поскольку установление факта противоправного поведения должностных лиц государственных органов является юридически значимым обстоятельством, которое надлежит установить при рассмотрении спора, связанного с причинением вреда в результате незаконных действий государственных органов [5].

Таким образом, когда суд убежден, что при рассмотрении гражданского дела в рамках ст. 1069 ГК РФ имеют место действия (бездействие) очевидно незаконные, отдельный порядок их признания таковыми не имеет правового значения. В том случае, когда незаконность действий (бездействия) не подтверждена, но есть косвенные признаки, свидетельствующие о возможной незаконности, возникает вопрос: имеются ли основания в таком случае для возмещения причиненного вреда? Судя по сложившейся практике, таких оснований нет. Из этого возникает парадокс – наличие вреда, причиненного, например, в ходе предварительного следствия, имеет место быть, но в связи с непризнанием незаконности действий (бездействия) причинителя вреда в ином судебном порядке возмещение вреда невозможно.

Иначе дело обстоит с ч. 1 ст. 1070 ГК РФ. Здесь законодатель не исключает возможность возмещения вреда при отсутствии доказательств, незаконности действий сотрудников, причинно-следственной связи между конкретными действиями сотрудников и наступившим у потерпевшего вредом.

Тем не менее диспозиция ч. 1 ст. 1070 ГК РФ указывает на установленный законом порядок возмещения такого вреда. Из позиции Конституционного Суда РФ следует, что данный порядок установлен УПК РФ [6].

Часть 1 ст. 138 УПК РФ предусматривает восстановление нарушенных прав лица в порядке, установленном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, и предоставляет право реабилитированному обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства, если требование о возмещении вреда судом не удовлетворено или реабилитированный не согласен с принятым судебным решением.

В соответствии со ст. 136 УПК РФ иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства.

В юридической литературе встречаются мнения о неэффективности настоящего порядка. Так, Р. А. Прощалыгин считает необходимым отказаться от возмещения имущественного вреда и восстановления иных нарушенных прав реабилитированного в порядке уголовного судопроизводства в связи с тем, что действующий порядок чрезвычайно осложнен. Разрешение дела в рамках ч. 1 ст. 1070 в гражданско-процессуальном порядке способствует более полному восстановлению нарушенных прав и законных интересов лица [7, с. 170–171]. Л. К. Острикова предлагает законодательно закрепить единый порядок восстановления нарушенных прав – гражданско-правовой порядок [8, с. 113].

Анализ состояния правоприменительной практики по вопросам признания недействительными ненормативных правовых актов, незаконных решений и действий (бездействия) подразделений УМВД России по Омской области, а также их должностных лиц показал следующее. Количество исков о возмещении рассматриваемого вреда в порядке ст. 1070 ГК РФ за 2017 г. составило 50 на общую сумму в 234 млн руб. Из них удовлетворено 27 исков на общую сумму в 270 тыс. руб. За 3 квартала 2018 г. предъявлено 18 исков о возмещении указанного вреда на общую сумму 6 млн руб. Из них удовлетворено 7 исков на сумму 30 тыс. руб.

Из изложенного следует, что достаточно большое количество обращений людей в суд с требованиями о возмещении вреда в рамках ст. 1070 ГК РФ именно в порядке гражданского судопроизводства свидетельствует о неэффективности существующего порядка возмещения такого вреда. Учитывая основанное на судебной практике мнение вышеупомянутых авторов, целесообразно согласиться с законодательным закреплением единого гражданско-правового порядка возмещения вреда в рамках ст. 1070 ГК РФ.

Список библиографических ссылок

1. Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учеб. пособие. Л.: Ленинград. ун-т, 1983.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2009 № 1005-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 10.09.2015 по делу № 2-4732/2015. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 17.10.2018).

4. Апелляционное определение Самарского областного суда от 19.11.2015 по делу № 33-13120/2015. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 17.10.2018).

5. Определение Омского областного суда об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 04.05.2018 по делу № 4-654/2018. URL: <http://oblsud.oms.sudrf.ru> (дата обращения: 18.10.2018).

6. Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2005 № 242-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Прощалыгин Р. А. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия: монография / под ред. М. Н. Семякина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2013.

8. Острикова Л. К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // LEX RUSSICA. 2017. № 5 (126). С. 105–113.

© Квасников Е. С., 2019

* * *

Проблемы оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг

Предоставление государственных и муниципальных услуг является одним из наиболее ярких индикаторов эффективности функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, в связи с чем вопросам повышения качества данных услуг уделяется пристальное внимание. В целях составления методики оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг проведено большое количество разнообразных исследований, предложены многочисленные критерии оценки качества, способы его повышения, и данная деятельность оказалась достаточно результативной – процент населения, удовлетворенного качеством предоставления государственных и муниципальных услуг, значительно вырос. Однако следует отметить, что показатель, установленный Указом Президента РФ от 07.05.2012 № 601 [1], в соответствии с которым уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг к 2018 г. должен был составить не менее 90 %, так и не был достигнут, хотя, например, в 2015–2016 гг. общая удовлетворенность граждан уровнем оказания услуг составила 83,8 и 82,9 %. Эти данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг.

Для этого, в первую очередь, необходимо сформулировать само понятие качества.

По мнению В. В. Лутовиновой, сущность понятия качества лежит в наиболее полном удовлетворении потребителя путем максимально точного соблюдения всех его требований и пожеланий [2, с. 178].

Что касается непосредственно качества предоставления государственных и муниципальных услуг, то Д. Д. Чвилев определяет его как конкретный результат, полученный физическим или юридическим лицом вследствие взаимодействия с определенным органом власти или местного самоуправления и представляющий собой

реализацию соответствующим органом власти или местного самоуправления своих функций [3, с. 124]. Автор считает, что это показатель неколичественного характера, отражающий степень соответствия характеристик процесса предоставления услуг требуемым или желаемым свойствам, позволяющий говорить о степени удовлетворения требованиям последних.

Как считает Е. А. Литвинцева, качество реализации государственных услуг – показатель, характеризующий интегральную эффективность деятельности государственного органа, совокупность таких свойств, как своевременность, полнота, полезность, ценность, надежность. Качество представляет собой совокупную оценку процесса управления, эффективного администрирования сферы государственных услуг [4, с. 22], таким образом, исследователь определяет качество как совокупность показателей эффективности госуслуг. Также среди показателей качества предоставления государственных и муниципальных услуг ученые называют такие, как быстрота, доступность, комфортность, низкая стоимость и др.

Однако при рассмотрении вопросов качества предоставления государственных и муниципальных услуг следует обратить внимание на очень интересную точку зрения Я. Я. Кайль, которая отмечает, что качество государственной услуги – это устойчивость установленного административно-правового отношения [5, с. 52]. Автор утверждает, что предоставление государственных и муниципальных услуг через многофункциональные центры не обеспечивает качество самой государственной услуги, данные структуры обеспечивают только качество обслуживания.

Таким образом, понятие качества предоставления государственных и муниципальных услуг как одной из важнейших функций органов государственной власти и местного самоуправления можно подразделить на два блока – это качество самой услуги и качество обслуживания в процессе предоставления данной услуги. При этом правовым базисом качества государственной услуги будет совокупность материальных правовых норм, определяющих ее состав и содержание, а правовой основой качества предоставления государственных услуг будет являться совокупность процедурных правовых норм, определяющих порядок ее предоставления, а также требования организационного и материального характера, направленные на повышение удобства обслуживания.

Что касается мониторинга оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг, то, как отмечают Л. Б. Мохнаткина и М. Г. Серяева, сбор данной информации может проводиться двумя способами: во-первых, это официальные показатели деятельности органов власти и иных организаций, предоставляющих государственные и муниципальные услуги, соотнесенные с требованиями административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг и иных нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу; во-вторых, это анкетирование получателей услуг, содержащее те показатели, но с учетом их позиции [6, с. 62].

Поскольку целью повышения качества предоставления государственных и муниципальных услуг является удовлетворенность граждан, наиболее пристальное внимание при оценке качества уделяется второму способу.

В зависимости от целей исследования выделяются два основных вида опросов, используемых для оценки удовлетворенности граждан качеством государственных и муниципальных услуг:

1) опросы граждан, направленные на выявление общего уровня удовлетворенности качеством и доступностью государственных услуг, обычно проводятся в целях выявления наиболее проблемных сфер оказания государственных (муниципальных) услуг, а также установления основных критериев, определяющих степень удовлетворенности качеством государственных услуг;

2) опросы, направленные на оценку качества оказания государственных услуг конкретными органами государственной власти и местного самоуправления [7, с. 42–43]. Такие опросы, как правило, проводятся в местах предоставления государственных и муниципальных услуг, а респондентами являются граждане, фактически получившие услугу.

При этом нельзя согласиться с мнением А. Н. Покиды, что объективная сторона оценки качества предоставления государственных и муниципальных услуг выражается в количественных показателях – временных затратах, стоимости, количестве обращений [8, с. 60], поскольку данные показатели связаны с рядом различных факторов, искажающих картину предоставления государственных услуг. Например, обращения в органы записи актов гражданского состояния преимущественно связаны с таким видом юридических фактов, как

юридические события, и не зависят от волеизъявления граждан. Что касается временных затрат, то те же услуги органов ЗАГС, как правило, не требуют предоставления большого количества документов и осуществления разнообразных и сложных процедур, поэтому срок оказания данных услуг меньше, чем услуг, предоставляемых иными органами.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что качество предоставления государственных и муниципальных услуг – это состояние удовлетворенности получателей услуг, включая как процесс предоставления услуги, так и конкретный результат, полученный физическим или юридическим лицом вследствие взаимодействия с определенным органом власти или местного самоуправления и представляющий собой реализацию соответствующим органом власти или местного самоуправления своих функций, выражаемые не количественными показателями.

При этом оценка качества предоставления государственных и муниципальных услуг должна проводиться не только путем оценки общественного мнения, но и в процессе анализа деятельности органов и организаций, предоставляющих государственные и муниципальные услуги, причем не с помощью подсчета количественных показателей, а путем исследования соответствия деятельности по предоставлению государственных и муниципальных услуг требованиям, установленным административными регламентами и иными нормативными правовыми актами.

В целях изучения уровня удовлетворенности качеством предоставления государственных и муниципальных услуг следует выработать наиболее объективные критерии, которые будут способствовать более полному и многостороннему уяснению мнения граждан. Также следует уделять внимание изучению удовлетворенности организаций и предпринимателей, получающих государственные услуги, так как именно эти услуги, как правило, являются наиболее сложными, многосоставными, требующими большого количества различных процедурных действий и временных затрат и, соответственно, более других нуждаются в совершенствовании.

Разумеется, достижение высокого качества предоставления государственных и муниципальных услуг невозможно без совершенствования правовой базы, поскольку зачастую именно административные регламенты и иные акты содержат пробелы, препятствующие качественному предоставлению услуг.

Список библиографических ссылок

1. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.
2. Лутовинова В. В. Необходимость в стандартизации качества государственных услуг // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2014. № 1 (50). С. 176–182.
3. Чвилев Д. Д. Качество государственных и муниципальных услуг как объект оценки и управления // Транспортное дело России. 2014. № 4. С. 123–126.
4. Литвинцева Е. А. Социальные ожидания относительно качества государственного администрирования социальных услуг // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31). С. 20–23.
5. Кайль Я. Я. Качество предоставления государственных и муниципальных услуг как важный фактор повышения уровня жизни населения России // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 26. С. 51–58.
6. Мохнаткина Л. Б., Серяева М. Г. Оценка доступности и качества предоставления государственных и муниципальных услуг // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. № 3. С. 61–66.
7. Результаты исследования общей удовлетворенности граждан качеством государственных и муниципальных услуг / В. Э. Бойков [и др.] // Социология власти. 2012. № 1. С. 40–65.
8. Покида А. Н. Качество предоставления населению государственных и муниципальных услуг // Социология власти. 2011. № 8. С. 53–81.

© Коломейцева А. Г., 2019

* * *

Доказательства надлежащего исполнения обязательства по оказанию услуг

По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги в сроки и порядке, которые указаны в договоре (п. 1 ст. 779, п. 1 ст. 781 ГК РФ).

В связи с этим исполнитель может считаться надлежаще исполнившим свои обязательства только при совершении указанных в договоре определенных действий или осуществлении определенной деятельности [1]. Если по факту исполнитель не совершил предусмотренных в предмете договора действий или не осуществил соответствующей деятельности (в том числе до момента отказа заказчика от исполнения договора), то у него не возникает права требовать от заказчика исполнения обязательства по оплате услуг.

Так, по одному из дел суд квалифицировал действия заказчика как отказ от исполнения договора и не применил положения п. 2 ст. 781 ГК РФ в случае, когда стороны заключили договор, согласно которому исполнитель обязался выполнить действия по подготовке системы водоснабжения и водоотведения гипермаркета к работе и подключению этого объекта к сетям инженерно-технического обеспечения, а заказчик обязался внести плату за подключение в порядке и на условиях, установленных договором. В дальнейшем заказчик прекратил работы по проектированию и строительству объекта, направил письмо об отказе от приема исполненного по договору, в котором потребовал возврата перечисленных денежных средств или представления документов, подтверждающих фактически понесенные расходы, связанные с исполнением обязательств по договору. Исполнитель на это требование не ответил, денежные средства не вернул, доказательств несения расходов не представил. Суд обоснованно пришел к выводу, что денежные средства, полученные ответчиком по договору при отсутствии фактического оказания услуг, должны быть возвращены заказчику в полном объеме [2].

По общему правилу ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями.

В рассматриваемом контексте важное значение приобретает акт оказания услуг как документ, который должен фиксировать результат осуществленных действий или определенной деятельности и соответствующее отношение заказчика к данному результату с определением по возможности явных и скрытых недостатков. Исходя из положений ст. 783 ГК РФ, к правоотношениям возмездного оказания услуг применимы нормы ст. 720 ГК РФ. Из совокупности ст. 720, 783 ГК РФ следует, что доказательством выполнения услуг является надлежащим образом подписанный сторонами акт. Для многих исполнителей, как показывает практика, важен сам факт подписания акта сторонами договора, что позволяет им утверждать, что услуги оказаны надлежащим образом и подлежат оплате. Как верно отмечают судебные инстанции в своих решениях, такой посыл не всегда является аргументированным и подтвержденным материалами дела [3].

В соответствии с разъяснениями, данными Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 12 информационного письма от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» [4], наличие актов приемки работ, подписанных заказчиком, не лишает заказчика права представить суду возражения по объему, стоимости работ и качеству их выполнения. Однако здесь следует учитывать, что в силу ст. 720 ГК РФ от заказчика в обязательном порядке требуется проверить качество выполненной работы (оказанной услуги) при ее приемке. Невыполнение данной обязанности лишает заказчика права ссылаться на недостатки работы, которые могли быть установлены при обычном способе ее приемки (явные недостатки).

Таким образом, заказчик несет риск наступления последствий совершения или несовершения им данного действия даже в случае, когда заказчик, имея претензии по качеству и объему оказанных услуг, но не отказавшись от услуг исполнителя, намеренно не подписывает акт приемки оказанных услуг, не представляя доказательств выявления явных недостатков, а также документальных

доказательств, подтверждающих извещение исполнителя в разумный срок об обнаружении скрытых недостатков услуги [5].

В рассматриваемых правоотношениях при возникновении между заказчиком и исполнителем спора по поводу недостатков оказанной услуги одним из важнейших доказательств подтверждения надлежащего оказания услуг или, наоборот, ненадлежащего оказания услуг являются результаты экспертизы, которая в соответствии с п. 5 ст. 720 ГК РФ может быть назначена по требованию любой из сторон. Подтверждением этому может служить постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.12.2015, в котором суд указал, что на основании проведенных экспертных исследований данные, содержащиеся в отчете исполнителя о радиопланировании, анализе качества работы, оптимизации радиосетей различных стандартов и диапазонов частот не имеют практической ценности и не могут быть использованы заказчиком. Из чего суд сделал обоснованный вывод, что исполнитель фактически не оказал услуги, которые соответствуют по объему и качеству спецификации, являющейся неотъемлемой частью договора [6].

Также, на наш взгляд, когда предмет договора охватывает несколько видов действий (деятельности), например информационного, консультационного и юридического сопровождения заказчика, думается, стороны договора вправе разделить услуги, указанные в предмете соглашения, на несколько отдельных услуг и, соответственно, предусмотреть оплату за оказание каждой из услуг, а не устанавливать стоимость услуг в целом. В целях защиты интересов исполнителя от возможных в будущем претензий заказчика в договоре допустимо согласовывать также периодическое предоставление исполнителем промежуточных отчетов об исполнении (например, ежемесячных), принимаемых компетентным органом заказчика и заверяемых печатью, в необходимых случаях с материалами фото-, видеофиксации результатов. По нашему мнению, такая практика значительно уменьшит число споров относительно объема, качества и стоимости оказанных услуг, поскольку значительно проще можно будет решать вопрос о надлежащем или ненадлежащем исполнении взятого на себя исполнителем обязательства.

Отсюда в случае, если оказанные исполнителем услуги приняты заказчиком без замечаний, претензий по качеству, объемам и срокам оказания услуг не предъявлено, действий об извещении исполнителя

об обнаруженных недостатках заказчиком не предпринято, отсутствует письменно выраженный отказ исполнителя об устранении выявленных недостатков, а также нет заявлений о фальсификации доказательств и отрицательных результатов экспертизы, можно считать исполнителя надлежащим образом исполнившим обязательство по договору.

Список библиографических ссылок

1. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.11.2006 № 8259/06 по делу № А40-38670/04-63-424. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.11.2012 по делу № А82-15087/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.12.2015 № Ф08-8254/2015 по делу № А77-1344/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 09.09.2009 по делу № А12-17796/2008; постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 10.07.2013 по делу № А14-13169/2012; постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 26.08.2013 по делу № А40-146159/12-161-1388; постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.02.2014 по делу № А19-8124/2013; постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.09.2015 № Ф07-7331/2015 по делу № А56-76916/2013; постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 13.10.2015 № Ф10-3467/2015 по делу № А14-15453/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.12.2015 № Ф08-8254/2015 по делу № А77-1344/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Конюх Е. Н., 2019

* * *

Конституционный аспект управления социальными системами

В настоящее время в теории и практике управления социальными системами существует множество проблем, влияющих на эффективность управленческой деятельности в системе государства. Многие из них имеют отношение к нормативно-правовому регулированию управленческой деятельности. В их числе можно назвать такие проблемы, как:

- неопределенность и противоречия понятийного аппарата;
- формирование и оптимизация структур социальных систем;
- дублирование деятельности структурных подразделений и отдельных должностей;
- нормативно-правовое обеспечение управленческой деятельности;
- правоприменение установленных норм в процессе функционирования социальных систем.

Наличие такой ситуации в теории управления отмечали многие ученые. Например, Г. В. Атаманчук констатировал, что «в российском общественном сознании давно растеряны принципиальные идеи о государстве и, соответственно, о государственном управлении. Даже в таком простом вопросе, как определения, существует неразбериха» [1, с. 6]. Рассматривая проблемы формирования структуры организации, Н. И. Глазунова отмечала, что «цели (задачи) организации обуславливают функции, а функции определяют структуру органа. Обусловленность структуры функциями (а не наоборот, как это порой бывает: создаем структурную единицу – должность, а то и целое министерство, а потом „придумываем“ виды занятий)» [2, с. 144].

К проблемам теории и практики социального и государственного управления и установлению причин их появления неоднократно обращался и автор [3–7]. Результаты проведенных исследований позволяют утверждать, что многие из этих проблем не нашли разрешения до настоящего времени.

Например, мнения ученых, работающих в сфере «государственного управления», сходятся в том, что комплекс проблем теории и практики управления не нашел своего разрешения в части формирования и оптимизации структуры государственных органов. По этой причине в деятельности этих структурных образований имеют место дублирование функций и параллелизм в работе, а нескончаемые попытки оптимизации их структуры не приносят желаемых результатов. Эта ситуация обусловлена нарушением субъектами управления объективно существующих законов функционирования социальных систем и их подсистем управления.

Так, Ю. В. Аврутин, А. И. Александров, Г. В. Атаманчук, Н. В. Бугель, Н. И. Глазунова, П. С. Сальников, В. А. Столярова и многие другие ученые полагают, что формирование и оптимизация структур социальных систем обусловлены детерминацией их основополагающих элементов: «цель – задача – функция – структура». Причем, как указывалось выше, нарушение закономерности их реализации неминуемо приводит к дублированию деятельности государственных органов как системных образований. Однако, вопреки этим мнениям, в силу отсутствия системного подхода и отрицания многими учеными объективности существования феноменов «социальная система» и «функции социальной системы», закономерность детерминации элементов социальных систем остается вне поля зрения субъектов управления. Данный вывод сделан автором на основе ряда работ, посвященных проблемам теории и практики управления, а также методологии исследования этих проблем [4, 6, 7].

Ситуации с нарушением закономерности управления относительно детерминации элементов социальных систем и проблем формирования (оптимизации) их структур имеют непосредственное отношение к проблемам правоприменения нормативно-правовых актов государства, поскольку государство является одним из видов социальных систем, а нормы определяют порядок функционирования элементов системы, т. е. структуры системы.

Детерминация элементов социальной системы объективна по своей природе и существует независимо от осознания ее существования человеком, однако в процессе эволюции социальной системы отдельные элементы детерминации могут использоваться человеком даже без осознания этой объективной реальности. Например, функциональное разделение труда (поддержание огня, ловля рыбы,

охота и т. д.) появилось еще в первобытно-общинном строе и было вызвано эволюционной потребностью становления общины как социального образования (системы).

Рассматривая этот процесс с точки зрения науки сегодняшнего дня, можно говорить, что в процессе эволюции того сообщества у его участников сформировались потребности в разделении труда между членами общины, хотя присутствие целей, задач и функций общины (элементарной социальной системы) не было осознано ее членами. В то же время «пробы и ошибки» в деятельности членов общины привели к осознанию необходимости функционального разделения труда – выделению членов общины для выполнения обособленных видов деятельности. В результате объективно существующие законы управления привели к эмпирическому формированию структуры первобытного сообщества и реализации детерминации элементов социальной системы без осознания ее существования.

В настоящее время феномен детерминации элементов системы «нашел» свое научное обоснование, оно предполагает, что цель (цели) системы служат основой для формирования задач, которые должны быть «решены» в государственной системе при реализации ее функций. Для этого в соответствии с детерминацией на основе целей, задач и функций должен создаваться структурный элемент системы (министерство, управление, отдел), который в процессе своего функционирования обеспечит реализацию соответствующей функции и достижение поставленной цели или ряда целей. Другими словами, цель системы может быть достигнута только в случае проведения определенной деятельности соответствующего структурного подразделения.

В то же время любая деятельность в процессе функционирования системы помимо соблюдения законов управления должна осуществляться в рамках нормативных актов, которые формируются в процессе реализации общей функции управления – функции нормативно-правового обеспечения [6]. Надлежащее выполнение правовых норм (правоприменение) обеспечивается структурными подразделениями государства в процессе повседневной управленческой деятельности. При этом необходимо отметить, что взаимосвязь управленческой деятельности и правоприменение нормативных актов носит взаимообусловленный характер.

С одной стороны, деятельность любого подразделения должна осуществляться в «рамках», установленных нормативными актами. С другой – для правоприменения этих актов необходимо наличие соответствующего структурного подразделения, которое должно обеспечить возможность достижения цели конкретной социальной системы, предусмотренной этими актами.

С учетом сказанного можно утверждать, что для претворения в жизнь основополагающего нормативно-правового акта государства необходима соответствующая деятельность структурных подразделений государства, а их создание должно происходить согласно законам социального и государственного управления на основе детерминации элементов системы государства (цель – задача – функция – структура). Поскольку эта объективно существующая закономерность повсеместно нарушается, вопросы правоприменения установленных норм, в том числе и Основного закона государства, не обеспечиваются должным образом.

Например, в ч. 3. ст. 37 Конституции РФ законодатель определил, что каждый гражданин «имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы».

Как уже говорилось, содержание любой государственной нормы предполагает определенный вид государственной деятельности (реализации функции), необходимой для обеспечения ее правоприменения. В свою очередь согласно детерминации элементов системы на основании функции должно быть создано структурное подразделение, которое обеспечит процесс реализации этой функции и тем самым сделает возможным безусловное правоприменение нормы ст. 37 Конституции РФ. Однако в силу нарушения законов теории и практики управления такого структурного подразделения, которое обеспечивало бы реализацию этой нормы в системе государства, мы не обнаружим.

Аналогичную ситуацию можно увидеть и с другими нормами конституционного права, закрепленными в основном нормативно-правовом документе Российской Федерации.

Таким образом, рассмотрение проблем системы государственного управления с точки зрения конституционного аспекта этой

деятельности наглядно свидетельствует, что назрела настоятельная необходимость решения комплекса проблем, имеющих место в теории и практике управления и связанных: с неопределенностью и противоречиями понятийного аппарата; формированием и оптимизацией структур социальных систем; нормативно-правовым обеспечением управленческой деятельности; правоприменением установленных норм в процессе функционирования социальных систем.

Список библиографических ссылок

1. Атаманчук Г. В. Государственное управление. Организационно-функциональные вопросы. М., 2000.
2. Глазунова Н. И. Государственное управление: учеб. для вузов. М., 2004.
3. Костюченко Н. И. Проблема обеспечения конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации как проблема теории и практики управления социальными системами // Общество и право: науч.-практ. журн. 2017. № 4 (62). С. 240–244.
4. Костюченко Н. И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: монография. Краснодар, 2016.
5. Костюченко Н. И. Особенности соблюдения прав и свобод человека, связанные с проблемами теории и практики управления социальными системами // Права и свободы человека в контексте развития современного общества: тез. выступлений на Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2017. С. 171–174.
6. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар, 2018.
7. Костюченко Н. И. Система функций социальных систем (на примере МВД): монография. Краснодар, 2018.

© Костюченко Н. И., 2019

* * *

Вопросы взаимодействия нарядов полиции при проведении выборов в органы государственной власти

На органы внутренних дел Российской Федерации возложены обязанности, направленные на защиту прав и свобод граждан, охрану общественного порядка, обеспечение общественной безопасности. При осуществлении оперативно-служебной деятельности также в обязанности входит оказание содействия территориальным, участковым и другим избирательным комиссиям.

Технология современных выборов с каждым годом изменяется, усложняется, появляются новые автоматизированные устройства по подсчету количества бюллетеней и результатов голосования. Однако это не исключает возможность проведения незаконной деятельности посторонними лицами по изменению и подтасовке результатов голосования.

Для эффективной защиты прав граждан представителям органов внутренних дел требуется повышенная бдительность при осуществлении своих профессиональных обязанностей по выявлению, пресечению и профилактике нарушений норм права. Такая деятельность в целом отличается от повседневной и сочетает в себе элементы охраны собственности, патрульной и постовой службы с некоторыми особенностями.

Важное значение имеет выполнение служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел при осложнении оперативной обстановки, возникновении кризисных ситуаций или вероятности их наступления [1, с. 166]. Подготовка и проведение мероприятий, связанных с выборами в органы государственной власти, может сопровождаться следующими кризисными ситуациями: угрозой жизни и здоровью сотрудников органов внутренних дел, членов избирательных комиссий различного уровня, кандидатов в депутаты; террористическим актом; вооруженным нападением на избирательный участок; обнаружением взрывных устройств и взрывчатых

веществ; различными авариями объектов коммунального хозяйства на избирательных участках – и иными противоправными деяниями.

При взаимодействии с представителями избирательных комиссий и выполнении служебных обязанностей по охране общественного порядка сотрудникам органов внутренних дел запрещается: каким-то образом оказывать влияние на процесс выборов, принимать участие в агитации отдельных кандидатов и политических партий, осуществлять деятельность, не совместимую со статусом сотрудника органов внутренних дел.

Однако проведенный авторами статьи анализ практики несения службы нарядами полиции по охране общественного порядка при осуществлении выборов показывает, что недостаточно хорошо осуществляется взаимодействие сотрудников с находящимися рядом нарядами полиции и представителями других силовых ведомств. Взаимодействие имеет особенное значение при наступлении кризисных ситуаций. Своевременное оповещение соседних нарядов полиции позволяет быстро мобилизовать находящиеся поблизости силы и средства для оказания помощи, пресечения правонарушений, преступлений. Например, при вооруженном нападении на избирательный участок необходимо быстро связаться с находящимися рядом подразделениями патрульно-постовой службы полиции, подразделениями Росгвардии: нарядами вневедомственной охраны, ОМОН – и другими службами.

Поэтому при заступлении на службу сотрудникам полиции необходимо выяснить, какие подразделения, службы, ведомства находятся в непосредственной близости от избирательного участка, проверить способы связи: номера городских и сотовых телефонов, позывные радиостанции, продумать запасные способы связи на случай выхода из строя телефонов и радиостанций.

Как правило, на избирательном участке во время выборов находятся представители частных охранных предприятий, добровольных народных дружин, казачества. Из их числа рекомендуется заранее выбрать лиц, которые смогут выступить в роли посыльных в случае возникновения кризисных ситуаций. Для выполнения такой формы взаимодействия обязательным условием является письменное согласие представителей частных охранных предприятий, добровольных народных дружин, казачества. Используя карту или схему населенного пункта или участка местности, изучить находящиеся рядом

избирательные участки, отделы полиции, пункты участковых уполномоченных полиции, места расположения добровольных народных дружин, органов государственной власти, других организаций. Необходимо заранее продумать маршрут движения посыльных, места укрытия в случае внезапного вооруженного нападения на избирательный участок. Данные рекомендации наиболее актуальны для регионов Северного Кавказа, а также населенных пунктов, находящихся рядом с границей государств, настроенных недружелюбно по отношению к Российской Федерации (Украина, Грузия и др.). В названных регионах возможны различные провокации, связанные в том числе с вмешательством в процесс голосования вооруженных лиц, банд, незаконных вооруженных формирований, представителей вооруженных сил иностранных государств и т. п.

Для обеспечения безопасности нарядам полиции необходимо при заступлении на службу сделать обход помещений избирательного участка, изучить архитектурные особенности здания, осмотреть чердаки, подвалы, коммуникации, убедиться в исправности запирающих устройств, замков, наличии ключей от них и запасных выходов, запертых решеток на окнах, возможности их быстрого открытия в случае необходимости. Осмотр надлежит осуществлять коллегиально с участием представителей избирательной комиссии, сотрудника государственной противопожарной службы, вести себя тактично, корректно, однако настойчиво. Недопустимо создавать неудобства для работы избирательной комиссии и вмешиваться в процесс голосования граждан.

При несении службы необходимо делать периодический обход прилегающей территории, осуществлять наблюдение за прибывающими для голосования гражданами, подозрительными лицами, находящимися недалеко от избирательных участков. Наряды полиции обязаны: принять меры к установлению личности граждан, осуществляющих доставку избирателей к месту для голосования, записывать государственные номера, марки автомобилей, осуществляющих доставку, их ведомственную принадлежность, пресекать данные правонарушения.

Необходимо также пресекать противоправную деятельность лиц, осуществляющих агитацию за отдельного кандидата, списки кандидатов или политическую партию. Если организаторам таких акций удалось скрыться от задержания, следует установить способы

и маршруты их дальнейшего передвижения, оповестить сотрудников полиции, находящихся на соседних избирательных участках, для своевременного выявления правонарушений и организации мероприятий по задержанию правонарушителей. Для этого надлежит использовать схему дислокации избирательных участков на обслуживаемой органами внутренних дел территории.

В случае одиночного или группового нападения (в том числе вооруженного) сотрудник полиции применяет согласно Федеральному закону «О полиции» физическую силу [2], в том числе боевые приемы борьбы [3], имеющиеся специальные средства, огнестрельное оружие, принимает меры к отражению нападения с соблюдением мер личной безопасности. Об изменении оперативной обстановки докладывает дежурному по отделу полиции лично либо делегирует данные полномочия представителям частных охранных организаций, добровольных народных дружин, казачества. Для задержания и обезвреживания преступников организует и осуществляет оцепление и блокирование мест укрытия преступников, используя преимущества рельефа местности, элементы городской застройки, предполагая использование преступниками взрывных устройств. Сотрудники участвуют в эвакуации членов избирательной комиссии, документации, бюллетеней, граждан. Совместно с представителем федеральной противопожарной службы сотрудник полиции участвует в ликвидации пожара. Организует охрану следов преступления, места происшествия, предметов, которые могут иметь доказательственное значение. Участвует в установлении и опросе свидетелей, очевидцев, получении важной информации, принятии мер, направленных на установление места нахождения и задержание преступников. Встречает и передает информацию прибывающим представителям медицинских организаций, аварийно-спасательных служб, подразделений пожарной охраны и др. О проделанной работе старший наряда докладывает дежурному по отделу полиции.

Список библиографических ссылок

1. Косяченко В. И., Новохатский Д. А. Деятельность сотрудников Высшей следственной школы МВД СССР – Волгоградской академии МВД России при чрезвычайных обстоятельствах // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4 (27). С. 165–168.

2. Профессионально-прикладная физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел: монография / В. И. Косяченко [и др.]. Волгоград, 2012. 240 с.

3. Косяченко В. И. Формирование физической готовности курсантов учебных заведений МВД России к выполнению служебно-боевых задач: учеб. пособие. Волгоград, 2002. 53 с.

© Косяченко В. И., Пахомов М. Е., 2019

* * *

Н. В. Котельников

Волгоградская академия МВД России

Р. Н. Мородумов

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя

Исключительное право на секреты производства

В перечень объектов интеллектуальных прав отечественный законодатель включил секреты производства (ноу-хау). Секретом производства (ноу-хау) в соответствии со ст. 1466 Гражданского кодекса Российской Федерации признаются «сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и способах осуществления профессиональной деятельности, действительная и потенциальная коммерческая ценность которых заключается в неизвестности этих сведений третьим лицам вследствие отсутствия к ним свободного доступа и принятия правообладателем мер для соблюдения их конфиденциальности, в том числе введения режима коммерческой тайны».

Параллельное использование в законодательстве русскоязычного термина «секрет производства» наравне с иностранным «ноу-хау» выдает зарубежное происхождение исследуемых правовых конструкций.

Термин «ноу-хау» (англоязычный аналог секрета производства) относительно недавно появился в юриспруденции. Считается, что

он был впервые использован в Соединенных Штатах Америки в 1916 г. в судебном разбирательстве «Дизенд против Брауна» и в дальнейшем стал применяться в частнопроводных отношениях. Изначально ноу-хау считалась информация, которую заявитель умышленно «утаил» в описании изобретения. Новому термину придавали следующее значение – «знать, как применять патент». В последующем термин стал толковаться буквально – «знать, как сделать» (know-how to do it). Таким образом, ноу-хау постепенно становилось самостоятельным объектом правоотношений, в том числе не связанных с патентоспособными техническими решениями [1, с. 68].

По мнению исследователей, использование в отечественном гражданском законодательстве категории «секрет производства» вероятнее всего связано с переводом английского выражения trade secret. Вместе с тем в специальной литературе отмечается некорректность такого перевода, а также указывается, что в иностранных юридических текстах категории know-how и trade secret не обладают идентичным значением. К деловым (торговым) секретам относят информацию, конфиденциальность которой охраняется правообладателем для личного пользования, однако та же самая информация, но предназначенная для передачи другим лицам на условиях конфиденциальности, обретает режим ноу-хау [2].

Похожая двойственность правового режима конфиденциальной информации, используемой в предпринимательской деятельности, имеет место и в отечественном законодательстве при использовании понятий «коммерческая тайна» и «секрет производства».

Как коммерческую тайну, так и ноу-хау составляет информация, конфиденциальность которой охраняется по следующим признакам: потенциальная или действительная коммерческая ценность сведений определяется ее отсутствием у третьих лиц; третьи лица не могут получить доступ к информации на законных основаниях; обладатель информации принимает меры для обеспечения ее конфиденциальности.

Различия между рассматриваемыми категориями выражаются в составе конфиденциальной информации. Секрет производства – это сведения любого характера о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и способах осуществления профессиональной деятельности, а коммерческая тайна может

включать в себя любые конфиденциальные сведения, которые в случае незаконного попадания к третьим лицам могут причинить убытки правообладателю.

Как уже отмечалось, гражданское законодательство относит секрет производства (ноу-хау) к объектам интеллектуальных (исключительных) прав (ст. 1225 ГК РФ).

Данное решение законодателя вызвало острую дискуссию в юридической науке. Противники законодательного решения указывают на отсутствие у ноу-хау признаков результата интеллектуальной деятельности и настаивают на непригодности конструкции абсолютного права для оформления отношений по поводу секретов производства. К примеру, известный специалист в области интеллектуальных прав Э. П. Гаврилов считает, что секрет производства может быть объектом только обязательственных правоотношений [3].

Сторонники реализованного в законодательстве подхода отмечают удобство конструкции исключительного права для охраны правомерных интересов обладателя секрета производства, а также ссылаются на положительный зарубежный опыт и общепринятые в мире представления о правовом режиме конфиденциальной информации о достижениях в научно-технической сфере, коммерческая ценность которой обусловлена ее неизвестностью третьим лицам. К примеру, в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – Соглашение ТРИПС) [4] термин «интеллектуальная собственность» охватывает в том числе и «закрытую информацию» (ч. 2 ст. 1 Соглашения ТРИПС) [1, с. 68–69]. Исключительное право на секрет производства, предусмотренное Соглашением ТРИПС, позволяет правообладателям «препятствовать тому, чтобы информация, правомерно находящаяся под их контролем, без их согласия была раскрыта, получена или использована другими лицами способом, противоречащим честной коммерческой практике» (п. 2 ст. 39 Соглашения ТРИПС).

В соответствии со ст. 1466 ГК РФ исключительное право на секрет производства – это гарантированная законом возможность обладателя секрета производства использовать его любыми не противоречащими закону способами, включая производство различных изделий и исполнение организационных и экономических решений, а также возможность отчуждения указанного исключительного права третьим лицам.

Исключительное право на секрет производства приобретает правообладателем путем независимого от других обладателей ноу-хау и добросовестного получения сведений, образующих охраняемый секрет производства. Период действия исключительного права на секрет производства сроками не ограничен – оно будет признаваться за правообладателем до тех пор, пока сохраняется конфиденциальность составляющих его содержание сведений. Таким образом, исключительное право на секрет производства прекращается у всех правообладателей одновременно с момента правомерного или неправомерного разглашения соответствующих сведений.

Исключительному праву на секрет производства как абсолютному праву корреспондирует обязанность третьих лиц воздерживаться от действий, нацеленных на неправомерное получение информации, составляющей ноу-хау, разглашение этих сведений или их использование.

Ответственность за нарушение исключительного права на секрет производства предполагает возложение на правонарушителя обязанности возместить причиненные убытки, если законом не предусмотрены иные последствия его неправомерной деятельности (ст. 1472 ГК РФ). Ответственность за нарушение исключительного права на секрет производства может быть возложена на любого субъекта гражданско-правовых отношений, допустивших нарушение исключительного права, в том числе на публично-правовое образование (на Российскую Федерацию, на субъекта Российской Федерации и на муниципальное образование) [5].

В силу положений п. 2 ст. 1472 ГК РФ имущественная ответственность за нарушение исключительного права на секрет производства не возлагается на лиц, которые использовали секрет производства добросовестно (т. е. не знали о неправомерности своих действий), в том числе на лиц, получивших доступ к конфиденциальной информации по ошибке или случайно.

Список библиографических ссылок

1. Ярцев А. С. Правовое регулирование секрета производства как объекта исключительных прав // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 4. С. 67–72.

2. Еременко В. И. Особенности правовой охраны секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Законодательство и экономика. 2014. № 12. С. 22–42.

3. Гаврилов Э. П. Правовая охрана секретов производства в России: критический анализ // Хозяйство и право. 2018. № 8. С. 3–20.

4. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в г. Марракеше 15.04.1994). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 29 от 26.03.2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Котельников Н. В., Мородумов Р. Н., 2019

* * *

К. В. Малахова
Волгоградская академия МВД России

Пробелы в законодательстве: теория и практика

Развитие и построение правового государства предполагает создание обществом эффективной и целостной правовой системы, которая могла бы обеспечить общепризнанные права и свободы личности, защиту прав собственности, свободу предпринимательской деятельности, охрану общественного порядка и безопасности. Выполнение поставленной задачи всегда сопровождается стремительным обновлением всей системы права и системы законодательства. Однако результатом такой стремительности, а также продолжающихся процессов ускоренного развития экономических, политических, трудовых и прочих отношений явилось возникновение многочисленных ситуаций, за которыми, выражаясь словами некоторых ученых, «трудно «успеть» даже при идеальной постановке нормотворческой деятельности» [1, с. 4] и которые, соответственно, не урегулированы либо урегулированы правовыми нормами в недостаточной степени.

Законодатель не в состоянии мгновенно реагировать на изменения в общественной жизни. Вполне логично, что между появлением нового вида общественных отношений и урегулированием его законодателем неизбежен какой-то промежуток времени. Следовательно, пробелы, вызванные развитием общественных отношений, представляют собой нормальное явление. Такие пробелы «есть проявление противоречия между системой законодательства и потребностями правового регулирования общественных отношений» [2, с. 62].

Согласно теории права С. С. Алексеева «пробел в праве представляет собой полное или частичное отсутствие в источниках права норм, принципов, идей, необходимых для профессиональной юридической оценки фактов и связей, возникших или способных возникнуть в такой сфере общественных отношений, которая входит или должна входить в сферу правового регулирования» [3, с. 141]. Таким образом, теоретическая дефиниция подтверждена правоприменительной практикой. В данном аспекте между теорией и практикой права полная взаимосвязь.

Между возникновением потребности в правовом регулировании и осознанием этой потребности, а тем более принятием соответствующих правовых решений лежит значительный отрезок времени, который и является объективной предпосылкой для возникновения пробелов. В реальной жизни с этой трудностью сталкиваются как правоприменители, так и те, кто реализует правовые нормы.

На сегодняшний день проблема правовых пробелов существует в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Достаточно остро стоит вопрос правового регулирования некоторых ситуаций в процессе движения по проезжей части для таких участников дорожного движения, как велосипедисты. В России и мире вопросы организации движения велосипедистов очень актуальны. В Европе давно идет пропаганда здорового образа жизни и популяризация передвижения по городу на велотранспорте. У нас такая работа только начинается. По факту в нашей стране эти участники дорожного движения сталкиваются с большим количеством проблем: начиная от отсутствия оборудованных в соответствии с нормативными требованиями велосипедных дорожек, инфраструктуры, планомерной работы по оборудованию велопарковок и заканчивая пробелами в этой области права.

Нормы права, регламентирующие движение велосипедистов, содержатся в гл. 24 постановления Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 04.12.2018) «О Правилах дорожного движения» [4]. Однако, несмотря на развитие велосипедного движения в России и увеличивающееся количество велосипедистов, не все дорожные ситуации мегаполиса охвачены правовыми нормами.

К примеру, в правилах не оговорено, каким образом велосипедист должен пересекать трамвайные или железнодорожные пути, если они проходят поперек проезжей части. С точки зрения безопасности дорожного движения должен ли он спешиться или может переезжать их на велосипеде? Прямого запрета переезжать их на велосипеде нет. Используя предложенную теоретиками «аналогию закона» [5, с. 273; 6, с. 435; 7, с. 32] мы должны приравнять велосипедиста к водителю или пешеходу? Внесенными в декабре 2018 г. изменениями в Правила дорожного движения РФ законодатель устранил давний пробел в законодательстве, регламентирующий правила перехода через трамвайные пути пешеходами: «п. 4.5. На нерегулируемых пешеходных переходах пешеходы могут выходить на проезжую часть (трамвайные пути) после того, как оценят расстояние до приближающихся транспортных средств, их скорость и убедятся, что переход будет для них безопасен» [4]. Стало понятно, что пешеходы должны пересекать трамвайные пути только по пешеходным переходам. Однако изменений в гл. 24, касающейся велосипедистов, до сих пор нет. Если провести аналогию закона и приравнять велосипедистов к пешеходам, тогда велосипедист может пересечь трамвайные пути только по пешеходному переходу. Но на пешеходном переходе для велосипедиста действует п. 24.8, в котором обозначен запрет на пересечение пешеходного перехода на велосипеде, и правила предписывают велосипедисту спешиться. На реальном перекрестке велосипедист может столкнуться с проблемой отсутствия пешеходного перехода. Получается снова правовой пробел.

Ситуация с железнодорожными путями схожая. Законодатель в п. 24.8 Правил дорожного движения РФ не запрещает велосипедисту переезжать железнодорожный переезд на велосипеде. Однако если руководствоваться общими правилами для водителей, отраженными в гл. 15 «Движение через железнодорожные пути», а именно п. 15.1, «водители транспортных средств могут пересекать

железнодорожные пути только по железнодорожным переездам, уступая дорогу поезду» [4], становится понятно, что пересекать их можно только в строго определенных местах, но как безопаснее пересечь – спешившись или сидя на велосипеде – не ясно. Получается, что велосипедистам необходимо руководствоваться не «аналогией закона», а «аналогией права» и действовать на проезжей части по принципу «разрешено все, что не запрещено». Однако в законодательстве Российской Федерации официального закрепления этого постулата также нет, но им активно приходится оперировать как правоприменителям, так и участникам дорожного движения. Получается, что участникам дорожного движения предоставляется возможность действовать по своему усмотрению во всех тех случаях, когда правила их поведения прямо не предписаны законом, соотносясь при этом с требованиями добросовестности и разумности и не нарушая при этом прав других участников дорожного движения.

Говоря о развивающемся велодвижении в России и увеличивающемся количестве велосипедистов, следует отметить, что пробелы в праве в этой области требуют правотворческого разрешения. Аналогию закона провести не всегда получается, так как регулируемые отношения не схожи. Ни к пешеходу, ни к водителю с формальной точки зрения мы приравнять велосипедиста не можем. Для повышения безопасности велосипедистов на проезжей части пробелы в нормах права гл. 24 Правил дорожного движения РФ должны быть устранены правотворческим путем.

Список библиографических ссылок

1. Уранский Ф. Б. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 35 с.

2. Тихонравов Е. Ю. Способы восполнения пробелов в законодательстве: вопросы теории и истории: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2013. 173 с.

3. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.

4. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 04.12.2018). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.08.2018).

5. Общая теория права: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. А. С. Пиголкина. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1998. 384 с.

6. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. 559 с.

7. Сырых В. М. Теория государства и права: учеб. для вузов. М.: Юстицинформ, 2006. 363 с.

8. Бычков А. И. Разрешено все, что не запрещено // Эж-Юрист. 2012. № 3.

© Малахова К. В., 2019

* * *

О. А. Малютина

Нижегородская академия МВД России

Соотношение частных и публичных интересов в антимонопольном законодательстве

Конституционные гарантии в России предъявляют к рыночным отношениям требования, соблюдение которых обеспечивает не только развитие рынка в целом, но и гарантирует защиту прав субъектов товарного рынка. Развитие конкуренции предполагает взаимосвязь интересов государства и частных интересов отдельного хозяйствующего субъекта [1–4]. В условиях рыночной экономики определить преобладающие интересы той или иной группы участников и правовыми средствами обеспечить сбалансированное сочетание этих интересов – первоочередная задача [5].

В настоящее время в литературе высказывается мнение, что «антимонопольное законодательство прежде всего направлено на защиту публичных интересов» [6], отношения, связанные с защитой конкуренции, «по своей природе... являются публичными, основанными на власти и подчинении» [7]. В подтверждение тезиса «публичности» конкурентных правоотношений стоит отметить деятельность антимонопольных органов по пресечению нарушений антимонопольного законодательства, направленную на защиту гражданских прав в административном порядке.

Частный интерес, в противовес публичному, обычно трактуется в науке как «притязания отдельных индивидов или организаций»,

«стремление организаций к получению максимальной прибыли от своей деятельности правомерными способами, а также желание индивидов самостоятельно и независимо принимать решения, касающиеся их непосредственно, а также их имущества» [8].

Предпримем попытку анализа соотношения частных и публичных интересов через призму ответственности за нарушение запретов, установленных антимонопольным законодательством (ст. 10, 11, 11.1, 14.1–14.8 КоПА РФ). Отметим, что ответственность предусмотрена и уголовным (ст. 178 УК РФ), и административным законодательством (гл. 14 КоАП РФ). Анализ названных нормативных актов позволяет высказать предположение о преобладании публичного интереса, поскольку санкции и административного, и уголовного законодательства направлены на уплату штрафа в бюджет Российской Федерации и относятся к категории охранительных норм публично-правового характера.

Из всего перечня запретов, предусмотренных антимонопольным законодательством, лишь при квалификации действий в качестве недобросовестной конкуренции упоминается об убытках, причиненных хозяйствующему субъекту. Формулировка указанной нормы свидетельствует о возникновении деликтных обязательств (гл. 59 ГК РФ), что косвенно подтверждается подведомственностью споров по этим делам арбитражным судам и Суду по интеллектуальным правам [9]. Так, примером причинения убытков хозяйствующему субъекту служит опыт привлечения к ответственности юридического лица за введение в оборот товара, сходного с товаром конкурента [10].

Закон о защите конкуренции предоставляет лицам, чьи права и интересы нарушены, право обратиться в судебные инстанции с исками о возмещении убытков, включая упущенную выгоду (ч. 3 ст. 37 Закона о конкуренции). Иные способы защиты, предусмотренные ст. 12 ГК РФ, в законодательстве о защите конкуренции не указаны.

Еще одна сфера частных интересов в антимонопольном законодательстве – институт интеллектуальной собственности и возможность использования результатов интеллектуальной деятельности в конкурентной борьбе [2]. Наряду с «иммунитетами» антимонопольного законодательства возможность защиты интеллектуальной собственности обеспечивают и нормы гражданского законодательства. При решении вопроса о гражданско-правовой ответственности

за убытки, причиненные недобросовестной конкуренцией, применяется ст. 15 ГК РФ. При злоупотреблении доминирующим положением дополнительно решается вопрос, «были ли совершены данные действия в допустимых пределах осуществления гражданских прав, либо ими налагаются на контрагентов неразумные ограничения или ставятся необоснованные условия реализации контрагентами своих прав» в соответствии со ст. 10 ГК РФ [3].

Противодействие картельным соглашениям также предоставляет возможность защиты частных интересов. Сопряжено это в первую очередь с последствиями заключения картельных соглашений (снижение цены, прекращение производства и пр.).

Стоит отметить позицию Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой применение административной ответственности к нарушителю не означает снижения «гарантий защиты конкуренции в сфере предпринимательской деятельности в качестве частноправового института, опосредующего реализацию права собственности и свободу экономической деятельности» [4].

Значит ли это, что однозначно решить вопрос о субъекте, заинтересованном в пресечении действий, нарушающих запрет на осуществление монополистической деятельности, не представляется возможным? Полагаем, что нарушение антимонопольного законодательства наносит ущерб интересам и отдельных хозяйствующих субъектов, и потребителей, и всего общества в целом. Существование двух противоположных интересов в антимонопольном законодательстве не содержит противоречия. Закон предоставляет различные формы и способы защиты нарушенных прав, оставляя сторонам относительную свободу выбора. Использование гражданско-правовой защиты прав, нарушенных несоблюдением запретов и ограничений антимонопольного законодательства, может служить дополнительным стимулом к законопослушному поведению хозяйствующих субъектов.

Список библиографических ссылок

1. Серегин Д. И. Законодательство о защите конкуренции – синтез публичного и частного в праве // Конкурентное право. 2017. № 4. С. 8–11.

2. Пузыревский С. Конкуренция – это единые правила игры. URL: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 21.05.2018).

3. Егорова М. А. Возмещение убытков как способ защиты гражданских прав при нарушении антимонопольного законодательства. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим»: постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П. П. 4.3 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 28. Ст. 358.

5. Короткова М. В. К вопросу об обеспечении баланса интересов собственника и добросовестного приобретателя при применении статьи 302 ГК России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Пресняков М. В. Сроки обращения за защитой трудовых прав: проблемы обеспечения справедливого баланса интересов работников и работодателей // Российский ежегодник трудового права. 2007. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Щенникова Л. В. Гражданско-правовое регулирование: публичные интересы, общие пользы, добрые нравы. М.: Норма: Инфра, 2015. С. 22; Эрделевский А. М. О понятии публичного интереса в российском праве. 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции»: постатейный / под ред. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. М.: Норма: Инфра-М, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Писенко К. А., Цинделиани И. А., Бадмаев Б. Г. Правовое регулирование конкуренции и монополии в Российской Федерации: курс лекций / под ред. С. В. Запольского. М.: Российская академия правосудия: Статут, 2010. С. 22.

8. Васькова Е. П., Храмова Т. М. Соотношение публичных и частных интересов при разрешении споров экономического характера: сравнительно-правовое исследование опыта судебного правосудия РФ и США // Арбитражные споры. 2013. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2008 № 30. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

10. Производитель косметики незаконно копировал названия и внешний вид продукции КИКО РУС. URL: <https://fas.gov.ru> (дата обращения: 17.05.2018).

© Малютина О. А., 2019

* * *

М. Г. Мартиросян
Волгоградский государственный университет

Субсидиарная ответственность работодателей: трудовое законодательство о несостоятельности (банкротстве)

Исследования последних лет убедительно показывают, что вопрос регулирования субсидиарной ответственности на уровне специальных норм права является актуальным и незавершенным.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что человек, его права и свободы признаются государством высшей ценностью. В указанной норме также закреплена обязанность государства признавать, соблюдать и защищать декларированную высшую ценность (ст. 2) [1].

В числе основных прав и свобод человека и гражданина в Конституции Российской Федерации закреплено право на труд в условиях, которые отвечают требованиям безопасности и гигиены (ч. 3 ст. 37).

Среди основных принципов правового регулирования трудовых отношений, закрепленных ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации, будет справедливо особо выделить такой принцип, как обязательность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, и обеспечение права на обязательное социальное страхование.

Данный принцип провозглашается не только национальным, но и международным законодательством и зафиксирован в конвенциях МОТ.

Более того, закрепление принципа обязательности возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей как в международных правовых актах, так и в национальных носит позитивный характер.

В связи с этим особого внимания заслуживают понятия процессов интеграции и регионализации правового регулирования, описанные А. О. Иншаковой, которая справедливо полагает, что параллельно процессу интеграции международного регулирования в качестве позитивной альтернативы происходит его регионализация [2, с. 215].

Стоит отметить, что Трудовой кодекс Российской Федерации особым образом закрепляет право работника на труд в условиях, которые отвечают требованиям охраны труда, и гарантирует обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в соответствии с федеральным законом (ст. 219) [3].

Обеспечение приоритета сохранения жизни и здоровья работников является одним из главных направлений государственной политики в области охраны труда (ст. 210 ТК РФ).

Приоритет сохранения жизни и здоровья работников находит свое отражение в Федеральном законе от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». В качестве объекта обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний законодатель выделяет имущественные интересы физических лиц, которые связаны с утратой указанными физическими лицами своего здоровья, профессиональной трудоспособности либо их смертью вследствие несчастного случая на производстве или профессионального заболевания [4].

Вместе с тем права застрахованных лиц на возмещение вреда в части, превышающей обеспечение по страхованию, которое производится на основании Федерального закона, законодателем не ограничиваются (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ).

В этом случае работодатель (страхователь) несет ответственность за вред, причиненный жизни или здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей, в порядке, закрепленном гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации [5].

Действующий Трудовой кодекс Российской Федерации обязывает работодателя обеспечивать безопасность и условия труда, которые соответствуют государственным нормативным требованиям охраны труда [6, с. 161].

Необходимо также выделить возможность привлечения в соответствии со ст. 20 Трудового кодекса Российской Федерации к субсидиарной ответственности по вытекающим из трудовых отношений обязательствам работодателя – юридического лица. По замыслу законодателя субсидиарную ответственность несут собственник имущества, учредитель (участник) юридического лица в случаях, в которых нормативными правовыми актами Российской Федерации установлена субсидиарная ответственность собственника имущества, учредителя (участника) по обязательствам юридического лица.

Как правило, необходимость привлечения к субсидиарной ответственности собственника имущества, учредителя юридического лица возникает вследствие несостоятельности (банкротства) юридического лица.

Законодателем в ст. 63 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» сформулировано условие, согласно которому с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения наступают последствия в виде приостановления исполнения исполнительных документов по имущественным взысканиям [7].

Исключения составляют выданные на основании вступивших в законную силу до даты введения наблюдения судебных актов исполнительные документы по следующим категориям дел:

- 1) о взыскании задолженности по заработной плате;
- 2) выплате вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности;
- 3) истребовании имущества из чужого незаконного владения;
- 4) возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью;
- 5) выплате компенсации сверх возмещения вреда.

Более того, расчеты по требованиям граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, производятся в первую очередь путем капитализации соответствующих повременных платежей (ст. 134 Федерального закона «О несостоятельности»).

Кроме того, провозглашая жизнь человека высшей ценностью и создавая необходимую нормативную основу, законодатель естественным образом отражает правила как в общих нормах, так и в специальных.

Однако, несмотря на правовой режим наибольшего благоприятствования для выгодоприобретателей, возмещающих вред, причиненный жизни или здоровью, в правоприменительной практике складывается иная, негативная ситуация, связанная в основном с нехваткой либо отсутствием имущества должника.

Вместе с тем Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» хоть и содержит перечень оснований для привлечения контролирующего лица должника к субсидиарной ответственности, однако этот перечень является исчерпывающим.

К таким основаниям законодатель относит субсидиарную ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов и субсидиарную ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника (ст. 61.11, 61.12 закона).

Стоит отметить, что законодатель использует разные понятийные обозначения субъектов, привлекаемых к субсидиарной ответственности. В трудовом законодательстве выделено конкретизированное понятие «собственник имущества, учредитель (участник) юридического лица», а в законодательстве о несостоятельности более широкое понятие «контролирующее лицо должника».

Вместе с тем два этих понятия в силу отсылочного способа изложения от норм трудового законодательства к нормам законодательства о несостоятельности имеют одинаковое значение.

В Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» законодатель выделяет группу равнозначных субъектов, которые обладают правом требования. К таким субъектам относятся:

- 1) работники должника с требованиями о взыскании задолженности по заработной плате;
- 2) авторы результатов интеллектуальной деятельности с требованиями о выплате вознаграждения;
- 3) собственники имущества с требованиями об истребовании имущества из чужого незаконного владения;
- 4) физические лица с требованиями о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью (ст. 63, 81, 95 закона).

Следует обратить внимание на то, что физические лица, возмещающие вред, причиненный жизни или здоровью, при прочих равных условиях законодателем выделяются в особую категорию субъектов, которые обладают приоритетным правом удовлетворять требования за счет имущества должника – юридического лица.

Стоит также отметить, что при предъявлении требований в рамках привлечения контролирующего лица должника к субсидиарной ответственности перестает действовать приоритет очередности по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, который предусмотрен ст. 134 Закона о банкротстве.

Таким образом, утрата приоритета очередности при субсидиарной ответственности создает неопределенность в иерархии регуляции на рассматриваемом уровне и требует корректировки специальной нормы закона о банкротстве с учетом особого законодательного статуса лиц, требующих возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью.

На наш взгляд, следует внести дополнения в ст. 61.11 гл. III.2 (ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве) Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», выделяя в качестве основания для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица должника наличие непогашенной задолженности за вред, причиненный жизни или здоровью.

Кроме того, имеет смысл также обратить внимание на экономико-правовые способы регулирования общественных отношений.

В современном правовом регулировании экономических отношений в качестве механизма такого регулирования законодатель активно использует саморегуляцию субъектов правоотношений, относящихся к конкретной отрасли экономики. Ярким примером подобной саморегуляции служат действующие саморегулируемые организации в страховой, банковской, оценочной и строительной сферах экономической деятельности.

Более того, законодатель нормативно предусматривает создание на основе таких саморегулируемых организаций накопительных фондов, позволяющих компенсировать негативные последствия деятельности экономически более слабых субъектов отношений соответствующей отрасли, что в свою очередь не только позволяет диверсифицировать риски, имеющиеся в конкретной сфере экономической

деятельности, но и создает возможность диверсификации в области предоставления банковских услуг [7].

Учитывая изложенное, также полагаем актуальной разработку нормативной базы для создания дополнительных (к фонду социального страхования) компенсационных отраслевых фондов по таким рискам, как возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с послед. изм.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Иншакова А. О. Международное корпоративное право в глобализирующемся экономическом пространстве: (эволюция и перспективы развития). Саратов; Волгоград: ВолГУ, 2005.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с послед. изм.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний: федер. закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (с послед. изм.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с послед. изм.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гейхман В. Л. Трудовое право: учеб. для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.

7. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (с послед. изм.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 (с послед. изм.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Мартиросян М. Г., 2019

* * *

Проблемы обеспечения частных интересов в сфере биотехнологий

Происходящие в России системные и рыночные преобразования затронули и сферу охраны здоровья, порядок и условия предоставления публичных медицинских услуг гражданам, врачевания как вида человеческой и предпринимательской деятельности. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан провозгласили многообразие форм хозяйствования в здравоохранении, возможность оказания различных видов медицинской помощи в государственной, муниципальной и частной системах здравоохранения. Претерпел изменения и механизм финансирования врачебной деятельности. Стало внедряться обязательное и добровольное медицинское страхование, а также оплата оказываемых медицинских услуг населению. Дополнительный импульс развитию рынка медицинских услуг придала «монетизация льгот», в связи с чем число категорий граждан, имеющих право на бесплатное или льготное медицинское обслуживание и лекарственное обеспечение, было существенно ограничено, хотя человек, его жизнь и здоровье провозглашены высшими ценностями. Здоровье занимает «самую верхнюю ступеньку в системе категорий человеческого бытия – среди интересов, идеалов, гармонии, красоты, смысла и счастья жизни, творческого труда, программы и ритма жизнедеятельности». Эти блага не могут быть сравнимы с имущественными интересами, которые меркнут и не представляют никакой значимости при утрате жизни или существенном повреждении здоровья граждан.

Жизнь и здоровье в иерархии человеческих ценностей обуславливают необходимость их всемерной охраны и повышения эффективности общественных отношений, складывающихся по поводу охраны здоровья граждан и оказания медико-социальной помощи как публичного оказания медицинских услуг, которые «пронизывают» нашу повседневную жизнь, неся с собой гражданам заботу, облегчение страданий и радость выздоровления. Однако наряду с достижениями медицинской науки и практики в лечении многих

болезней еще нередки случаи, когда оно (лечение) не приводит к желаемому результату, если он недостижим, а права и охраняемые законом интересы граждан нарушены и потрачены значительные финансовые средства. Медицина и медицинские работники не всемогущи, однако нельзя закрывать глаза и на тот факт, что неблагоприятные исходы в медицинской практике могут быть обусловлены не только объективными, но и субъективными факторами, в том числе – неправильными действиями медицинского корпуса, так или иначе повлиявшими на саногенез патологического процесса.

Субъективный фактор, привносимый медицинским работником и во многом определяющий развитие патологического процесса и обусловленные этим медицинские и социально-правовые последствия, характерен для всех без исключения направлений медицинской деятельности. Если еще десятилетие назад вопрос о привлечении медицинских работников или медицинских организаций к юридической ответственности за ненадлежащее оказание публичных медицинских услуг остро не стоял, то в настоящее время ситуация кардинально изменилась. Добавим к этому рост рисков в медицине, обусловленный современными биотехнологиями, увеличением властного ресурса медицины.

Потребитель услуг (пациент) все громче заявляет о своих притязаниях. Уже не является редкостью, когда жалобы и заявления заинтересованных лиц направляются в органы прокуратуры, суды, комитеты по защите прав потребителей, органы власти, управления и здравоохранения. По обращениям граждан возбуждаются гражданские и уголовные дела, проводятся ведомственные проверки, что отражается на деятельности целого ряда медицинских учреждений и организаций, органов власти и управления, юрисдикционных органов и непосредственно вовлеченных в орбиту того или иного вида производства медицинских работников и их пациентов. В среднем российские суды ежегодно рассматривают более тысячи «врачебных дел».

Поэтому всесторонний анализ судебной практики рассмотрения дел о неблагоприятных исходах при предоставлении публичных медицинских услуг выявил ряд недостатков в этой деятельности и теоретических проблем цивилистической науки, а также философии, социологии и врачебной практики. В связи с этим немало научных публикаций было посвящено клиническим аспектам неблагоприятных

исходов в медицинской деятельности, врачебным ошибкам в хирургии, онкологии, терапии.

В отдельных работах рассматривались ошибки в судебно-медицинской и психиатрической практике, а также проблемы производства экспертиз по «врачебным делам».

Большинство работ, посвященных вопросам юридической ответственности медицинских работников и медицинских организаций за вред, причиненный гражданину при оказании медицинской услуги, были выполнены в условиях, существенно отличных от ныне существующих реалий, либо в них исследовался главным образом уголовно-правовой или криминалистический аспект данной проблемы.

Проблема гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный здоровью или жизни гражданина при оказании медицинских услуг, в специальной юридической литературе исследована недостаточно. Наиболее известные монографические работы, посвященные данной теме, принадлежат перу А. Н. Савицкой [1] и К. Б. Ярошенко [2]. Однако они были подготовлены и опубликованы до принятия Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан и Гражданского кодекса Российской Федерации.

Пациент стал одной из центральных фигур в научных исследованиях по биоэтике и медицинскому праву. Наука гражданского права не может заявить о наличии достаточного числа научных трудов и публикаций, в центре которых был бы пациент, несмотря на ее богатейший потенциал. В современной цивилистической литературе практически отсутствуют комплексные монографические исследования, посвященные вопросам гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный здоровью или жизни пациента, выполненные в условиях современной нормативной базы, имеющихся теорий и концепций. В отдельных научных работах и публикациях лишь затрагиваются те или иные аспекты исследуемой проблемы.

Право на жизнь и здоровье граждан, провозглашенное Конституцией РФ, осуществляется посредством трансформации конституционного права в отраслевые гражданское и медицинское право. Медицинская помощь чаще всего проявляет себя посредством медицинской услуги, а ее оказание является частным и особым случаем предпринимательской деятельности (социальное предпринимательство). Общие нормы института обязательств, возникающих вследствие причинения вреда жизни и здоровью пациента при оказании

медицинской услуги, применяются к отношениям в сфере охраны здоровья граждан, если они не урегулированы иначе специальной нормой. Применение норм ГК РФ к возникающим правоотношениям должно иметь место и при отсутствии прямых ссылок на них в специальных нормах.

В частности, Р. Ю. Сысоев справедливо отмечает, что в случае, когда одной из сторон в обязательстве является гражданин (в нашем случае пациент), использующий услуги (в том числе по получению медицинской помощи) для личных бытовых нужд, такой гражданин пользуется правами стороны в обязательстве в соответствии с ГК РФ, а также правами, предоставленными Законом «О защите прав потребителей» и изданными в соответствии с ним правовыми актами [3].

Состав правонарушения по делам о возмещении вреда, причиненного гражданину (пациенту) при оказании медицинской услуги, динамичен и может видоизменяться в зависимости от правового режима медицинской услуги и условий ее оказания (в силу закона, договора, постановления суда или органа следствия).

Субъектный состав правоотношения по возмещению вреда, причиненного гражданину при оказании медицинской услуги, различен, определяется спецификой возникающих общественных отношений в сфере здравоохранения.

Кредитором данного правоотношения выступает гражданин. В качестве должника могут выступать различные субъекты, указанные в законе (исполнитель услуги; изготовитель (компания-производитель) лекарственного средства, медицинского оборудования и пр.; продавец лекарственных средств (например, аптека), оборудования и пр.; государство).

Основанием гражданско-правовой ответственности медицинских организаций в соответствии с действующей правовой доктриной и законодательством является гражданское правонарушение, включающее в себя в качестве условий причинение вреда здоровью или жизни пациента, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между вредом и противоправными деяниями лиц, оказывающих медицинскую помощь, вину медицинского корпуса или медицинской организации в целом.

Сама лечебная деятельность включает различные по степени опасности (риска) для человека (населения) методы диагностики, профилактики и лечения болезней методы; среди них значительное

место занимают источники повышенной опасности (многие лекарственные средства, источники ионизирующего излучения, электрической энергии и пр.); причинение вреда источником повышенной опасности в процессе оказания медицинской услуги влечет наступление гражданско-правовой ответственности услугодателя вне зависимости от организационно-правовой формы и наличия их вины.

Овеществленный результат медицинской деятельности не может свидетельствовать о выполнении врачом работы в силу специфики самой медицинской деятельности, и, исходя из ее целевой направленности вне зависимости от конечного результата действий исполнителя, им всегда оказывается медицинская услуга. Иное решение вопроса не только противоречит сущности врачевания как вида человеческой деятельности, но и не обеспечивает должной защиты субъективных прав пациента в случае причинения вреда здоровью или жизни.

В связи с возможностью причинения вреда здоровью или жизни пациента при надлежащем исполнении своих обязанностей медицинским корпусом в силу рискованного характера медицинской деятельности, сложностью или невозможностью предвидения отдельных неблагоприятных исходов в медицинской практике, с учетом уровня науки и техники, а также сложности человеческого организма как объекта клинического исследования, необходимо применение правовых способов минимизации рисков в медицинской практике. При этом главная роль в современных рыночных отношениях принадлежит страхованию, поэтому нужно скорейшее внедрение механизма страхования медицинской профессиональной ответственности.

Целесообразно на законодательном уровне закрепить положение, согласно которому в случае причинения вреда жизни и здоровью гражданина (пациента) в качестве должника по обязательству наряду с соответствующими органами, организациями, учреждениями, непосредственно оказывающими медицинскую услугу, выступает государство, так как охрана здоровья является его конституционной обязанностью.

Изучение судебной практики о возмещении вреда, причиненного здоровью или жизни гражданина при оказании медицинской услуги, приводит к выводу о необходимости на законодательном уровне сформулировать такие презумпции, как: презумпция согласия пациента

на медицинское вмешательство, презумпция наличия причинной связи между вредом и противоправным поведением причинителя вреда.

Реализация указанных предложений и выводов позволит повысить качество публичных медицинских услуг и будет способствовать правильному и единообразному применению материальных и процессуальных норм в судебной практике рассмотрения дел о возмещении вреда при оказании публичных медицинских услуг

Список библиографических ссылок

1. Савицкая А. Н. Гражданская ответственность государственных органов за вред, причиненный их должностными лицами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953.

2. Ярошенко К. Б. Имущественная ответственность лечебных учреждений за вред, причиненный их работниками // Вопросы государства и права. Минск, 1970. Вып. 2. С. 247–254.

3. Сысоев Р. Ю. Гражданско-правовые способы защиты прав потребителей: реализация защиты прав граждан на практике // Мы и право – Вестник Волгоградского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Волгоград, 2013. Вып. 3 (20). С. 26–28.

© Мелихов А. В., 2019

* * *

А. И. Мелихов, Г. А. Никитина
Волгоградская академия МВД России

Г. С. Працко
Ростовский филиал
Российского государственного университета правосудия

**Интересы национальной безопасности
в правовом порядке земельной собственности
иностранных государств
на территории Российской Федерации**

Согласно ст. 5 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) участниками земельных отношений являются граждане, юридические лица, Российская Федерация (далее – РФ), субъекты РФ, муниципальные образования. Кроме того, ЗК РФ регламентирует вопросы приобретения в собственность земельных участков иностранными гражданами и юридическими лицами. Иностранные государства в ЗК РФ не упоминаются. Это же положение можно наблюдать и в гражданском законодательстве. Так, согласно ч. 2 ст. 212 ГК РФ имущество может находиться в собственности граждан и юридических лиц, а также РФ, субъектов РФ, муниципальных образований. Здесь так же, как и в земельном законодательстве, иностранные государства не упоминаются в качестве субъектов права, но уже в отношении собственности на имущество в целом.

Между тем на территории России располагаются десятки посольств и консульств иностранных государств, причем как на территории г. Москвы, так и по всей стране.

При этом возникает вопрос о правовом режиме земельных участков, занятых дипломатическими учреждениями, а также земельных участков с расположенными на них объектами, призванных обеспечивать нужды их сотрудников (например, участки под зданиями, где проживают дипломатические сотрудники, их дачи, школы для детей и т. д.).

Нормы международного права внешних сношений напрямую не регулируют вопрос о возможности приобретения государством в собственность земли, находящейся под комплексом зданий

посольств и консульств. Этот вопрос отдан на откуп национального права страны принимающего государства (государства, где находится дипломатическое или консульское представительство). Однако международно-правовая практика свидетельствует, что ряд государств предоставляют земельные участки в собственность другого государства под дипломатические нужды. Это обстоятельство отмечают многие юристы-международники: «Гражданско-правовой статус (аренда, приобретение в собственность) здания и земельного участка, занимаемых представительством, не влияет на иммунитеты и привилегии последнего» [1, с. 252].

Рассматривая правовой режим таких участков, следует исходить из важной методологической предпосылки, что государство может выступать в правовых отношениях в двух ипостасях: как публично-правовое образование, обладающее государственным суверенитетом, и как субъект гражданских правоотношений. В последнем качестве государственные образования самостоятельно участвуют во внешнеэкономических связях, в том числе как собственники земельных участков, расположенных на них зданий, занимаемых посольствами, консульствами и иными объектами.

В связи с этим необходимо разделять публичные (международные) и частные (внутригосударственные) отношения государств между собой по поводу земли. Так, история международного права знает примеры обмена участками территорий между сопредельными государствами. Например, по договору между СССР и Польшей от 15.02.1951 обе стороны обменялись равноценными по размеру пограничными участками. Более того, известны случаи, когда участки государственной территории уступались и на компенсационной основе. Обычно это небольшие земельные участки, но случались и неприятные для современной России исключения, например уступка Аляски. Все эти примеры не могут рассматриваться в контексте земельного права России. Внешне они могут имитировать земельные и гражданско-правовые отношения, например быть оформлены договором купли-продажи, но, по сути, они остаются публичными договорами и ни в коей мере не подлежат национальному регулированию.

Существует весьма распространенное мнение, что предоставление иностранным гражданам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам права собственности на землю умаляет

(ограничивает) территориальную основу жизни и деятельности народов РФ, создает возможность отторжения земли иностранному государству посредством сделок или предъявления территориальных претензий к РФ, может привести к нарушению суверенитета РФ.

Последняя позиция уже была предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, где не встретила поддержки, с чем в данном случае следует согласиться. Представляется, что как таковое наличие земельных участков в собственности иностранных граждан и юридических лиц не влечет посягательств на государственный суверенитет, поскольку все указанные участки попадают под режим использования и охраны, установленных российским земельным законодательством. Из этого следует, что на правообладателей таких участков распространяются все те же требования и обязанности, что и на российских субъектов. Например, по этим участкам осуществляется государственный (или муниципальный) земельный контроль в общем порядке, а в случае выявления нарушений земельного законодательства правообладателям таких участков государственные (муниципальные) земельные инспектора выносят предписания об их устранении в общем порядке и т. д. Что же касается возможных территориальных претензий иностранных государств, то, как показывает политическая история России, их предъявление имеет крайне мало взаимосвязей с характером землепользования иностранных граждан и обусловлено причинами совершенно иного порядка.

Для выявления особого правового статуса земельных участков, используемых иностранными государствами в России, следует обратить внимание на международно-правовой режим дипломатических учреждений, предусмотренный Венской конвенцией о консульских сношениях (Вена, 24.04.1963). Согласно ст. 31 данной конвенции «власти государства пребывания не могут вступать в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для работы консульского учреждения, иначе как с согласия главы консульского учреждения, назначенного им лица или главы дипломатического представительства представляемого государства». Иными словами, территория консульства или посольства юридически является территорией соответствующего государства, и этот аспект их деятельности не вызывает вопросов. Однако данные дипломатические учреждения неизбежно участвуют и в гражданско-правовых отношениях, а следовательно, нуждается в правовом

регулировании порядок оформления прав на соответствующие земельные участки. В повседневной действительности постоянно возникает необходимость вступления иностранных государств в земельно-правовые отношения в целях покупки (аренды) участков на территории России, например для строительства посольства.

Анализ земельного законодательства (главным образом ЗК РФ) позволяет сделать вывод, что иностранные государства не рассматриваются в качестве субъектов земельных отношений и не могут ни приобретать в собственность, ни даже арендовать земельные участки в России для размещения своих дипломатических учреждений либо иных нужд.

Между тем анализ двусторонних международных соглашений о размещении на территории России иностранных дипломатических учреждений свидетельствует об обратном. Например, распоряжением Правительства РФ от 02.10.2006 № 1361-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия об условиях предоставления объектов недвижимого имущества в гг. Франкфурте-на-Майне, Мюнхене и Москве для нужд генеральных консульств Российской Федерации в Федеративной Республике Германия и Посольства Федеративной Республики Германия в Российской Федерации» предусматривается предоставление Германской Стороне в аренду на 99 лет для использования Посольством Федеративной Республики Германия в РФ здания и строений, а также занятого ими земельного участка, с установлением арендной платы за пользование этой недвижимостью в размере один рубль в год.

В вопросах землепользования иностранных государств примечателен зарубежный опыт регулирования данных отношений. Например, Кодекс Республики Беларусь о земле 1999 г. определяет (ст. 2), что «собственность на землю выступает в государственной и частной формах. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства. Земельные участки могут передаваться в собственность иностранным государствам в порядке и на условиях, установленных Кодексом о земле и иными актами земельного законодательства» [2]. Согласно ст. 47 Конституции Литовской Республики 1992 г. земельные участки на праве собственности в соответствии с установленными законами порядком и условиями могут принадлежать иностранному государству – для основания

его дипломатических и консульских учреждений. Приведенные примеры не являются единственными.

Исходя из подобных разрешений, существует обширная практика приобретения в собственность РФ земельных участков на территории ряда зарубежных стран. Как правило, такая необходимость возникает при открытии в иностранном государстве посольств или консульских учреждений РФ. Например, согласно п. 16 Указа Президента РФ от 05.11.1998 № 1330 «Об утверждении Положения о Консульском учреждении Российской Федерации» являющиеся собственностью РФ земельные участки, здания, сооружения и другое имущество Консульского учреждения закрепляются за ним в порядке, установленном законодательством РФ. В соответствии с п. 16 Указа Президента РФ от 28.10.1996 № 1497 «Об утверждении Положения о Посольстве Российской Федерации» являющиеся собственностью РФ земельные участки, здания, сооружения и другое имущество посольства закрепляются за ним в порядке, установленном законодательством РФ.

От имени РФ правами владения, пользования и распоряжения собственностью РФ, находящейся за рубежом, выступают Правительство РФ или федеральный орган исполнительной власти, в компетенции которого находятся полномочия на осуществление функций управления и распоряжения государственным имуществом.

Факт наличия у РФ в собственности земельных участков за рубежом свидетельствует о возможности приобретения иностранными государствами земельных участков на территории нашего государства. Это утверждение основывается на присущем международному праву принципе взаимности. Так, если России предоставлено право на приобретение земли в собственность за границей (и она этим правом активно воспользовалась), то тем самым наше государство корреспондирует себе обязанность поступить так же и по отношению к другим государствам. Юридически это можно обосновать ссылкой на п. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права обладают большей юридической силой, чем национальное законодательство России. То есть, несмотря на отсутствие в российском гражданском и земельном законодательстве права собственности на землю иностранных государств, общепризнанная международная практика

позволяет это сделать. При этом ссылка на национальное законодательство будет ничтожной.

Наряду с правом собственности у РФ могут возникать и другие права на земельные участки в иностранных государствах. Так, Правительством Словацкой Республики были переданы Правительству РФ в собственность за плату здания в г. Братиславе, ул. Маротиго, 5, и ул. Порубского, 10, для нужд дипломатического представительства РФ, а также переданы в бессрочное и бесплатное пользование прилегающие к этим зданиям земельные участки, включая участки, расположенные под зданиями.

Таким образом, российское законодательство не предусматривает право собственности иностранных государств на земельные участки, даже под дипломатическими учреждениями, в отличие от сложившейся практики ряда зарубежных стран, допускающих существование собственности РФ в их границах. Более того, очевидно, что иностранные государства в силу заключенных международных соглашений реально выступают в качестве арендаторов земельных участков, расположенных под дипломатическими учреждениями, хотя ЗК РФ такого субъекта земельных отношений, как «иностранное государство», не упоминает в принципе. В этой части представляется целесообразным привести его в соответствие со сложившимися реалиями правовой жизни.

Более того, в один из проектов ЗК РФ была включена норма следующего содержания: «3. Иностранные юридические лица, предприятия с иностранными инвестициями, международные объединения и организации, иностранные государства пользуются земельными правами и несут земельные обязанности наравне с российскими юридическими лицами, кроме случаев, предусмотренных настоящим Кодексом или другими федеральными законами». Кроме того, по тексту проекта отмечалось, что «земельные участки могут быть сданы в аренду их собственниками физическим и юридическим лицам, международным организациям, иностранным государствам по договору аренды земельного участка без изменения основного целевого назначения земельного участка». Представляется, что включение в современное земельное законодательство подобной нормы было бы разумным шагом и соответствовало бы не только Конституции РФ, но и международным обязательствам РФ.

Список библиографических ссылок

1. Международное право: учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1998.

2. Правовые системы стран мира: энцикл. справ. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

© Мелихов А. И., Никитина Г. А., Працко Г. С., 2019

* * *

И. А. Митрофанова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Условное завещание: спорные вопросы теории и практики

Наследование представляет собой один из старейших правовых институтов, имеющих неоспоримую практическую значимость и ценность. В настоящее время гражданское законодательство в целом и нормы наследственного права в частности подвергаются серьезным изменениям. Так, с 01.06.2019 вступит в силу Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации», который позволит заключать наследственные договоры и составлять совместные завещания супругам [1]. В связи с реформами такой в общем-то консервативной сферы, как наследственное право, особую актуальность приобретает дискуссия, связанная с допустимостью существования в российском законодательстве условных завещаний.

Завещание, совершенное под условием, – явление довольно распространенное в Европе и США. Однако в российском законодательстве отсутствует прямое указание на данную форму завещания, поэтому и на практике оно отсутствует.

Можно сказать, что в некотором роде это специфика российского правового менталитета: отсутствие прямого указания закона приравнивается к запрету. Хотя в нашем случае подобная логика неприменима. Ведь завещание признается односторонней сделкой. Ограничение свободы договора, связанное с недопустимостью включения условия, законом не предусмотрено. Если условие никак не ущемляет права наследников, претендующих на обязательную долю, то его включение в завещание по логике вполне допустимо.

Еще один довод в пользу условных завещаний – в пункте 8 постановления Правительства РФ от 27.05.2002 № 351 «Об утверждении правил совершения завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках» установлено, что завещатель вправе предусмотреть условия выдачи вклада, т. е. в частном случае завещание может составляться под условием.

Что же представляет собой условное завещание? Мы предлагаем следующее общее определение: условное завещание – это односторонняя сделка по распоряжению имуществом на случай смерти наследодателя, где переход права собственности на наследственное имущество к наследникам происходит только при наступлении отлагательного условия либо право собственности наследников прекращается при наступлении отменительного условия.

Возможно, отсутствие данного института в Гражданском кодексе РФ и на практике объясняется тем, что для успешного функционирования условного завещания надлежит решить ряд теоретических вопросов.

Во-первых, необходимо решить, должно ли отлагательное условие наступить строго после смерти наследодателя?

Н. А. Ермолова и В. П. Камышанский говорят, что если условие разрешится до смерти наследодателя, то оно «не будет отвечать необходимым для него признакам» [2, с. 12]. Обратимся к Гражданскому кодексу РФ. Пункты 1 и 2 ст. 157 ГК РФ признают условием обстоятельство, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет. Неизвестность наступления условия должна существовать на момент заключения сделки. В момент составления завещания такая неопределенность присутствует. Сложность здесь состоит в том, что завещание имеет непосредственное действие только после смерти наследодателя. То есть для того, чтобы оно вступило в силу, необходимо наступление двух юридических фактов: смерть наследодателя

и наступление условия. Имеет ли значение последовательность наступления этих фактов – вопрос спорный.

Наилучшим выходом из сложившейся ситуации, на наш взгляд, будет прямое указание в завещании на то, может ли условие наступить раньше открытия наследства. При отсутствии такого прямого указания спорные ситуации должны рассматриваться в суде, а судья выносить решение согласно принципам добросовестности и разумности. Решающим фактором должно быть соблюдение воли наследодателя.

Во-вторых, если завещание совершено под отлагательным условием, то кому принадлежит имущество после открытия наследства и до наступления условия? К. П. Победоносцев считал, что до того, как имущество перейдет в собственность к наследникам, оно находится в их временном владении, причем сам завещатель сознательно сделал их право «неполным и условным», следовательно, наследство в этот период остается частью наследственной массы [3, с. 549].

В контексте российского гражданского права владение традиционно рассматривается «в качестве правомочия (составной части) определенных вещных и обязательственных прав, не имеющего самостоятельного значения» [4, с. 153].

Однако если наследство будет принадлежать наследникам на праве владения, то они смогут защищать или требовать защиты наследственного имущества, заботиться о его сохранности и содержании, что логически не противоречит смыслу наследования.

Если завещание совершено под отменительным условием, то мы также сталкиваемся с рядом проблем. Во-первых, до наступления отменительного условия наследственная масса может быть серьезно уменьшена. Соответственно, здесь можно усмотреть ущемление прав других наследников. Во-вторых, неизвестно, кто должен фиксировать наступление отменительного условия.

Принимая во внимание данные вопросы, некоторые исследователи предлагают считать завещания, совершенные под отменительным условием, недействительными [2, с. 13]. На наш взгляд, такая позиция ограничивает один из основополагающих принципов гражданского права в целом – свободу договора. Если мы сталкиваемся с правовым явлением, к которому нужно подобрать тонкие инструменты регулирования, это не значит, что от него нужно сразу отказываться. Подобные вызовы законодателю должны вести к усовершенствованию

правовых механизмов, развитию юридической техники и правового сознания. Если отказываться от всего нового и сложного, это неминуемо приведет к деградации правовой системы. К слову, в зарубежном законодательстве отменительное условие не влечет недействительности завещания [5].

При составлении условного завещания наследодатель должен понимать, что такая форма требует более детального регулирования правоотношения и основным источником такого регулирования должен быть сам наследодатель. Мы говорим о том, что допустимость условного завещания является выражением принципа свободы договора, т. е. свободы выражения воли индивидуума. Поэтому сам завещатель должен продумать механизм действия завещания, чтобы наследники могли получить имущество без возникновения спорных ситуаций.

На основании проведенного исследования можем сделать выводы, что:

- 1) не существует логических и правовых препятствий для использования условного завещания на практике, однако для этого необходимо законодательно закрепить данный институт;
- 2) действительность отлагательного условия, наступившего до смерти наследодателя, должна оцениваться с точки зрения того, соответствует ли это сути волеизъявления завещателя;
- 3) время, в течение которого наследники «ожидают» наступления отлагательного условия, не должно сказываться на количестве и качестве наследуемого имущества;
- 4) признание завещания, совершенного под отменительным условием, недействительным не соответствует принципу свободы договора.

Список библиографических ссылок

1. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».
2. Ермолова Н. А., Камышанский В. П. Условные завещания: за и против // Наследственное право. 2011. № 3. С. 11–13.
3. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. В 3 т. М.: Статут, 2003. Т. 2. 639 с.

4. Суханов Е. А. Гражданское право. В 4 т. Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учеб. для студентов вузов / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 2. 496 с.

5. Германское гражданское уложение. Книга 5. Раздел 3. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 02.08.2018).

© Митрофанова И. А., 2019

* * *

С. В. Нарушкевич

К вопросу о родовом поместье и едином недвижимом комплексе

Необходимо отметить, что объекты «родовое поместье» и «единый недвижимый комплекс» присутствуют в общественной жизни России, и если «единый недвижимый комплекс» получил свое законодательное регулирование в отечественном праве [1], то «родовое поместье» – нет.

В соответствии со ст. 133.1 ГК РФ в качестве недвижимой вещи, участвующей в обороте как единый объект, признается единый недвижимый комплекс, под которым понимается совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных аналогичных объектов, неразрывно связанных физически и технологически (в том числе линейных объектов – железные дороги, линии электропередач, трубопровод и др.) либо расположенных на едином земельном участке, если объединение указанных объектов в одну недвижимую вещь отражено в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество.

Думается, что появление данного объекта было необходимо для того, чтобы «упростить» проблему отнесения к недвижимому имуществу таких нестандартных, но распространенных объектов, как линейные объекты, которые являются едиными с технологической точки зрения, но не относятся к традиционным зданиям, строениям

и сооружениям и, более того, имеют в составе не только по своей природе недвижимое имущество, но и движимое (системы отопления, канализации, линии электропередач, связи и др.)» [2, с. 10].

Ранее нами было высказано мнение, что под имущественными комплексами следует понимать объекты недвижимого и (или) движимого имущества, объединенные единым технологическим процессом их использования и выступающие в гражданском обороте как единый объект права. К числу признаков имущественного комплекса как объекта гражданских прав в современных научных исследованиях относят их состав, включающий комплекс разнородных (реже однородных) вещей (включая земельные участки), находящихся в едином технологическом процессе их использования, а также наличие публично-правовых и частноправовых целей и задач, направленных на решение соответствующих вопросов жизнеобеспечения населения. Совершенно логично выделять производственные, транспортные, инфраструктурные имущественные комплексы, имущественный комплекс многоквартирного дома и ряд иных [3, с. 8–9].

Пхалагов Т. С. пишет, что «главным и самым важным признаком имущественного комплекса как объекта гражданских прав является наличие разнородных объектов материального мира (как движимых, так и недвижимых), объединенных общей производственной, социальной и иной целью» [4, с. 23].

Если соотнести понятие единого недвижимого комплекса в законодательстве и то понятие, которое нами было предложено ранее для обозначения имущественных комплексов, то можно согласиться с Е. В. Воскресенской, что «единый недвижимый комплекс является модификацией имущественного комплекса» [2, с. 10].

Грехова Е. А. полагает, что термин «имущественные комплексы» неоднократно упоминается в гражданском законодательстве, но законченный перечень видов имущественных комплексов в законе отсутствует» [5, с. 56–57].

Конечно, предусмотреть в законодательстве законченный перечень видов имущественных комплексов невозможно, так как жизнь не стоит на месте, появляются новые объекты.

Таким новым объектом стали «родовые поместья (усадьбы)», которые пока не получили своего правового регулирования и остаются вне интересов юридического сообщества, за исключением

работы Е. Е. Ягуновой, которая рассматривает родовую усадьбу (поместье) с точки зрения единого недвижимого комплекса [6].

В Государственную Думу РФ был внесен на обсуждение проект Федерального закона № 269545-6 «О Родовых усадьбах» [7] позднее проект Федерального закона № 555205-6 «О Родовых поместьях и Родовых поселениях в Российской Федерации» [8], в дальнейшем данный законопроект был отклонен. Но само понятие «родовое поместье», или «родовая усадьба», получило законодательное закрепление в нормативных актах Брянской области «О родовых усадьбах Брянской области» [9], Белгородской области «О родовых поместьях в Белгородской области» [10], Краснодарского края «О сельских усадьбах в малых сельских населенных пунктах Краснодарского края» [11], которые носят в основном отсылочный характер.

Согласно проекту закона «родовое поместье – участок земли размером от одного гектара до одного гектара десяти соток с находящимися на нем зданиями, сооружениями и иным имуществом, предоставленный гражданам на праве пожизненного наследуемого владения в установленном законодательством порядке».

В соответствующем законе Белгородской области понятие родового поместья толкуется следующим образом:

«Статья 2. Понятия, используемые в настоящем законе

В целях настоящего закона применяются следующие основные понятия:

родовое поместье – земельный участок (земельные участки) с находящимися на нем зданиями, сооружениями, иным имуществом, на котором организуется ведение поместного хозяйства;

поместное хозяйство – форма жизненного уклада, при которой приоритет отдается использованию земли как природному объекту, охраняемому в качестве важнейшей составной части природы, внедряются экологические системы земледелия, осуществляется гармоничное взаимодействие с природой и минимальное негативное влияние на нее, возрождаются исконные народные обряды, праздники и ремесла, популяризируется здоровый образ жизни;

родовое поселение – объединение граждан, ведущих поместное хозяйство в родовых поместьях, компактно расположенных между собой» [10].

Ягунова Е. Е. предлагает следующее понятие: «...усадьба представляет собой единый недвижимый комплекс, объединяющий земельный участок с расположенными на нем жилым домом, другими строениями, многолетними деревьями и кустарниками, водными объектами и движимыми вещами, которые объединены общим назначением для функционирования как одна недвижимая вещь посредством названия, пространства и местоположения» [6, с. 11–12].

Колганов А. И. указывает, что «несмотря на различие задач, которые решали авторы данных определений, можно заметить, что все они сходятся на том, что родовое поместье (даже если оно выступает под более общим именем „сельская усадьба“) – это целостный комплекс, включающий участок земли сельскохозяйственного назначения (как правило, не менее 1 га), с находящимися на нем жилыми и хозяйственными постройками, иными сооружениями производственного и культурного назначения, посадками леса, плодовых деревьев и кустарников и т. п.» [12, с. 1].

Исходя из этого можно сделать вывод, что родовое поместье (усадьба) обладает всеми признаками имущественного комплекса:

1) комплекс разнородных (реже однородных) вещей (включая земельные участки), находящихся в едином технологическом процессе их использования;

2) наличие публично-правовых и частноправовых целей и задач, направленных на решение соответствующих вопросов жизнеобеспечения населения [13, с. 54–90].

Мы поддерживаем мнение, что «домовладение также следует рассматривать как имущественный комплекс, включающий в себя земельный участок и расположенные на нем жилой дом, обслуживающие его вспомогательные строения, а также электрическое, сантехническое и иное оборудование, коммуникации и устройства, обслуживающие жилой дом и придомовую территорию» [14, с. 9], так как в данной ситуации мы также имеем дело с имущественным комплексом, который имеет потребительское назначение и предназначен для удовлетворения жилищных и других хозяйственных потребностей человека [13, с. 142].

Таким образом, мы видим, что родовое поместье (усадьба) – это еще одна разновидность имущественного комплекса.

Список библиографических ссылок

1. О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ // Российская газета. 2013. 5 июля.
2. Воскресенская Е. В. Единые недвижимые комплексы: вопросы теории и практики // Вопросы эволюции правовой мысли человечества: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (10 декабря 2014 г., г. Уфа). Уфа: Аэтерна, 2014. С. 9–11.
3. Нарушкевич С. В. Имущественный комплекс в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 23 с.
4. Пхалагов Т. С. Имущественный комплекс как объект гражданских прав // Новая правовая мысль. 2010. № 6. С. 22–24.
5. Грехова Е. А. правовое регулирование государственной регистрации прав на отдельные виды имущественных комплексов в Российской Федерации // Новая правовая мысль. 2006. № 4. С. 55–57.
6. Ягунова Е. Е. Родовая усадьба как единый недвижимый комплекс и объект гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2017.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О Родовых усадьбах»: проект федер. закона № 269545-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по сост. на 29.04.2013). URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 11.08.2018).
8. О Родовых поместьях и Родовых поселениях в Российской Федерации: проект федер. закона № 555205-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по сост. на 26.06.2014). URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 11.08.2018).
9. О родовых усадьбах в Брянской области: закон Брянской области от 12.07.2011 № 65-3 // Официальная Брянщина. 2011. 22 июля.
10. О родовых поместьях в Белгородской области: закон Белгородской области (с изм. от 10.05.2016). URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения 11.08.2018).
11. О сельских усадьбах в малых сельских населенных пунктах Краснодарского края: закон Краснодарского края от 03.07.2012 № 2536-КЗ (с изм. от 07.02.2012). URL: <http://www.kubzsk.ru> (дата обращения: 11.08.2018).

12. Колганов А. И. Родовые поместья и состоящие из них поселения как перспективная социально-экономическая форма (научный доклад). URL: <https://anastasia.ru> (дата обращения: 12.08.2018).

13. Нарушкевич С. В. Имущественный комплекс в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 195 с.

14. Борисенко А. В. Купля-продажа жилой недвижимости (современные правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 26 с.

© Нарушкевич С. В., 2019

* * *

Э. О. Осадченко

Волгоградский государственный университет

Перемена лиц в обязательстве, вытекающая из государственного контракта

Существование проблем в российской правовой системе в сфере перемены лиц в обязательстве связана с тем, что, с одной стороны, данный институт в последние годы стал востребованным, а с другой – правоприменительная практика арбитражных дел данной категории не всегда является единообразной и в результате встречаются спорные решения.

Согласно ч. 5 ст. 95 Закона о контрактной системе при исполнении контракта не допускается перемена поставщика (подрядчика, исполнителя), за исключением случая, если новый поставщик (подрядчик, исполнитель) является правопреемником поставщика (подрядчика, исполнителя) по такому контракту вследствие реорганизации юридического лица в форме преобразования, слияния или присоединения [1].

На первый взгляд из этой нормы следует невозможность уступки подрядчиком (поставщиком, исполнителем) прав требования по государственному контракту иному лицу.

Во всяком случае, как правильно отмечает Е. Е. Степанова, «не допускается... полная замена стороны по контракту; по смыслу данной нормы также очевидно, что запрещается и передача контрагентом другому лицу его обязанностей по поставке товара, выполнению работы, оказанию услуги» [2, с. 48].

Анализируя результаты реформы российского обязательственного права, произошедшей в 2015 г., О. А. Беляева акцентирует внимание на том, что в ст. 448 ГК РФ появились нормы, определяющие особенности договора, заключенного на торгах: «Так, впервые в российском законодательстве был установлен запрет осуществления уступки прав требования и перевода долга по договору, заключенному на торгах, а также введена обязанность победителя торгов лично исполнить обязательства по данному договору».

Более того, Министерство финансов РФ настаивает на ограничении уступки прав требования по государственному контракту. Так, в письме Минфина России от 21.07.2017 № 09-04-04/46799 «О санкционировании оплаты денежных обязательств по договору цессии» разъясняется, что из содержания положений ст. 24 и 103 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ст. 38, п. 3 ст. 219 Бюджетного кодекса РФ следует, что личность поставщика (подрядчика, исполнителя) по контракту имеет существенное значение для государственного заказчика, значит, при отсутствии согласия должника на уступку права требования по контракту договор цессии в части уступки права требования по такому контракту противоречит нормам Гражданского кодекса РФ, Бюджетного кодекса РФ и является недействительной (ничтожной) сделкой. Таким образом, любая переуступка права требования по государственным контрактам, по мнению Минфина России, в настоящее время противоречит бюджетному законодательству Российской Федерации.

Однако арбитражная практика предлагает совсем иную трактовку.

Недопустимо «смешивать договор с самим договорным обязательством». Функционально цессия «обеспечивает юридическую возможность изменения состава участников обязательственного правоотношения при сохранении в неизменности его предмета и содержания».

О возможности уступки денежного требования к заказчику указано в определении Верховного Суда РФ от 20.04.2017 по делу № 307-ЭС16-19959. Как разъяснено в п. 17 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017, уступка поставщиком (подрядчиком, исполнителем) третьему лицу права требования к заказчику об исполнении денежного обязательства не противоречит законодательству Российской Федерации [3]. В конкретном примере поставщик уступил обществу право требования уплаты задолженности по государственному контракту на поставку товаров к заказчику. В связи с тем, что заказчик, уведомленный о факте уступки, не оплатил задолженность, общество обратилось в арбитражный суд с иском. Заказчик против удовлетворения требования возражал, ссылаясь на ничтожность цессии в связи с недопустимостью уступки прав по государственным (муниципальным) контрактам третьим лицам. Верховный Суд РФ указал, что введенное п. 7 ст. 448 ГК РФ требование об исполнении договора лично победителем торгов означает запрет на передачу им возникающих из соответствующих договоров прав и обязанностей при выполнении работ, оказании услуг, поставке и получении имущества, в том числе во временное пользование. Обязанность личного исполнения государственного (муниципального) контракта обусловлена необходимостью обеспечения принципов открытости, прозрачности и сохранения конкуренции при проведении закупок. Данное правило согласуется с требованиями ч. 5 ст. 95 Закона о контрактной системе, согласно которой при исполнении контракта не допускается перемена поставщика (подрядчика, исполнителя). Вместе с тем в результате подписания договора цессии не производится замена стороны договора – поставщика (подрядчика, исполнителя), а лишь переходит право требования оплаты начисленной задолженности. При этом заказчик сохраняет право на выдвижение возражений в соответствии со ст. 386 ГК РФ [4]. Предусмотренный п. 7 ст. 448 ГК РФ запрет не может быть распространен на уступку победителем торгов денежного требования, поскольку при исполнении заказчиком обязанности по уплате денежных средств личность кредитора не имеет существенного значения для должника.

Вместе с тем заказчик может обезопасить себя, исключив возможность цессии по требованиям, вытекающим из государственного (муниципального) контракта, на стадии разработки проекта контракта при подготовке закупочной документации.

В то же самое время согласно п. 3 ст. 388 ГК РФ соглашение между должником и кредитором об ограничении или запрете уступки требования по денежному обязательству не лишает силы такую уступку и не может служить основанием для расторжения договора, из которого возникло это требование, но кредитор (цедент) не освобождается от ответственности перед должником за данное нарушение соглашения.

Таким образом, условие государственного (муниципального) контракта о запрете цессии по денежному обязательству к заказчику полностью уступку прав требования платы за товар (работу, услугу) исключить не может, но может повлечь ответственность цедента за нарушение данного запрета, например в форме возмещения заказчику убытков.

В. А. Белов, анализируя варианты ответа на вопрос о пределах действия договорного запрета или ограничения уступки требования, выделяет относительный, абсолютный и умеренный варианты такого запрета и приходит к выводу, что с 01.07.2014 в Российской Федерации используется относительная теория договорного ограничения уступки требования: «ни одна уступка не может быть оспорена только на том основании, что она совершена вопреки договорному запрету или ограничению, исключая случаи недобросовестности цессионария» [5, с. 112].

Кроме того, как разъяснено в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», если цедент и цессионарий, совершая уступку вопреки договорному запрету, действовали с намерением причинить вред должнику, такая уступка может быть признана недействительной (ст. 10 и 168 ГК РФ).

Заметим, что при получении заказчиком уведомления о цессии денежного обязательства поставщиком третьему лицу основания для заключения дополнительных соглашений к контракту между заказчиком и поставщиком отсутствуют, поскольку «цессия не изменяет условия контракта и обязательства сторон после переуступки.

Исполнитель контракта не меняется – он по-прежнему несет гарантийные обязательства и отвечает за нарушение условий контракта».

Момент перехода прав требования к новому кредитору формально не связан с датой и временем уведомления должника об уступке прав требования. Однако для должника (в рассматриваемом случае – заказчика) «уведомление определяет лицо, которому должно быть произведено исполнение обязательства, с тем, чтобы такое исполнение освободило должника от ответственности».

Следует отметить, что в целях преодоления противоречивых трактовок о возможности уступки денежного требования к заказчику по государственному контракту в Гражданский кодекс РФ внесены изменения. Так, с 01.06.2018 – с учетом ст. 1 и 9 Федерального закона от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты» – п. 7 ст. 448 ГК РФ изложен в следующей редакции: «Если в соответствии с законом заключение договора возможно только путем проведения торгов, победитель торгов не вправе уступать права (за исключением требований по денежному обязательству) и осуществлять перевод долга по обязательствам, возникшим из заключенного на торгах договора. Обязательства по такому договору должны быть исполнены победителем торгов лично, если иное не установлено законом». Таким образом, требования по денежному обязательству указаны в качестве исключения из общего правила, т. е. в отношении денежного обязательства возможна уступка прав требований и победителем торгов, заключающим контракт с заказчиком.

Список библиографических ссылок

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

2. Степанова Е. Е. Контрактная система в сфере закупок: опыт цивилистического исследования: монография. СПб.: Гамма, 2018. 228 с.

3. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 12.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Белов В. А. Изменения и дополнения положений Гражданского кодекса РФ о перемене лиц в обязательстве (общий обзор и комментарий) // Закон. 2014. № 9. С. 112–127.

© Осадченко Э. О., 2019

* * *

Т. Л. Пагава

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Правовое регулирование специальных способов защиты имущественных прав граждан

Исследуя субъективное гражданское право, должно обратить особое внимание на один из его элементов – право на защиту, предусматривающее наличие вероятности использования компетентным субъектом мер воздействия, направленных на восстановление нарушенного права и предупреждение действий, посягающих на него. Защита прав в цивилистике и правоприменительной практике рассматривается как совокупность способов ее защиты. Поскольку общие способы защиты четко предусмотрены в ст. 12 Гражданского кодекса РФ [1], то специальные способы можно определить, исследовав отношения, которые подлежат защите. Так, к вещно-правовым специальным мерам защиты имущественных прав следует отнести:

- 1) виндикационный иск;
- 2) негаторный иск.

Виндикационные иски занимают исключительное место в классификации вещно-правовых способов защиты имущественных субъективных прав граждан ввиду того, что им присуща предупредительно-воспитательная функция при предоставлении неприкосновенности для любых разновидностей собственности от неправомерного присвоения. При подаче такого рода иска следует учитывать некоторые обстоятельства. Ярким примером подобных обстоятельств выступает требование, в соответствии с которым собственник должен быть лишен фактического обладания своей вещью, которая изъята из его владения. Другим обстоятельством, при котором возможно подать такой иск, выступает ситуация, когда указанная вещь сохранилась в натуре и в данный момент находится в фактическом обладании иного лица [2].

Действующее законодательство не употребляет термин «негаторный иск». Указанный термин следует употреблять при защите имущества от ограничений в пользовании и распоряжении им. В случае подачи указанного иска возникают четкие предпосылки его использования, это: негативная для собственника ситуация, при которой он не имеет возможности реализовать право пользования и распоряжение указанной вещью. Отличие негаторного иска от виндикационного заключается в том, что негаторный иск предъявляется собственником к лицу, которое своими незаконными действиями создает проблемы в естественном пользовании и распоряжении указанным предметом.

Основой негаторного иска выступают: 1) факты конкретной ситуации, которые собственник указывает в своих претензиях; 2) нарушенное право истца или юридическая оценка поведения лица, посягающего на субъективное право истца [3, с. 32]. Предметом указанного иска выступает претензия к конкретному лицу прекратить или восстановить нарушенное субъективное право.

Среди обязательственно-правовых специальных мер защиты имущественных прав необходимо отметить: 1) иски о возмещении убытков при неисполнении или ненадлежащем исполнении контракта; 2) иски о возврате имущества, переданного в пользование по контракту; 3) иски о возврате неосновательно полученного или сбереженного имущества.

Первый способ защиты включает в себя не только возмещение убытков в чистом виде, но и взыскание неустойки и компенсацию морального вреда.

Что касается второго способа защиты, основанием обращения к такой мере защиты выступает наличие заключенного договора о предоставлении вещи в собственность либо неисполнение возложенной обязанности возвратить принадлежащие собственнику вещи после окончания срока действия контракта. В качестве примера можно привести договоры аренды или безвозмездного пользования. ГК РФ четко предусматривает, что при возврате имущества вещь следует возвратить в том же виде, в каком лицо приняло ее, принимая во внимание нормальный износ [4].

Третьим обязательно-правовым способом выступает иск о возврате неосновательно полученного или сбереженного имущества. Примером неосновательного обогащения выступает обстоятельство, при котором собственник одной из комнат в коммунальной квартире уплатил за своего соседа коммунальные услуги в случае, когда он не имел возможности сделать это сам (к примеру, нахождение в отпуске). В данной ситуации собственник, который оплатил расходы за коммунальные услуги, понес ущерб, поскольку отдавал свое имущество, а сосед неосновательно обогатился за счет иного лица.

Права наследования также являются разновидностью имущественных прав. При анализе части III ГК РФ среди специальных мер защиты наследственных прав следует отметить:

1. Признание недостойным наследником.
2. Восстановление срока на принятие наследства.
3. Иные меры, направленные на защиту и восстановление нарушенных прав.

В статье 1117 ГК РФ указаны случаи, при которых наследники не вправе наследовать. А воздействие на последнюю волю наследодателя, выраженную в завещании, рассматривается как основание признать такого наследника недостойным.

При исследовании вопроса о восстановлении срока для принятия наследства следует отметить, что наследник вправе принять наследство на протяжении 6 месяцев со дня, когда открылось наследство. Следовательно, наследник обязан совершить одно из действий, предусмотренных в ст. 1153 ГК РФ. Однако жизненные ситуации способны

привести к различным обстоятельствам (к примеру, пропуск срока для принятия наследства).

При защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности необходимо отметить такие специальные меры защиты, как:

- изъятие материального носителя, который считается контрафактным и нарушает исключительные права правообладателя;
- публикация решения суда о выявленном правонарушении с указанием истинного правообладателя; и др.

Первая мера защиты данных прав – это изъятие материального носителя. Этот способ применяется, например, когда лицо изготовило контрафактный промышленный образец. В таком случае на основании решения суда данный материальный носитель может быть признан контрафактным и подлежит изъятию.

Другой способ защиты вышеназванных прав – это требование о публикации решения суда, в котором прописывается информация о выявленном нарушении с указанием истинного правообладателя. Эта мера также применяется и при защите личных неимущественных прав. Так как требование о публикации подобного решения предъявляется к лицу, нарушившему исключительное право, данная публикация выполняется за счет правонарушителя.

Подводя итог, следует отметить, что отнесение данных способов защиты имущественных прав граждан к специальным обусловлено их исключительным применением в конкретных видах имущественных отношений, в отличие от общих способов, которые могут применяться при защите прав в любых правоотношениях.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Российская газета. 1994. № 238–239.
2. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 14.02.2018 № 33-992/2018. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.10.2018).

3. Тыртычная С. А. Гражданско-правовая защита имущественных прав собственника (вещно-правовой аспект). М.: ЭкООнис, 2010. 70 с.

4. Grandars.ru. URL: <http://www.grandars.ru> (дата обращения: 07.10.2018).

© Пагава Т. Л., 2019

* * *

Д. А. Перегудова
Волгоградская академия МВД России

Ответственность за пользование чужими денежными средствами и имуществом в сфере неосновательного обогащения

Обязательства вследствие неосновательного обогащения являются одним из видов внедоговорных обязательств, предусмотренных действующим гражданским законодательством Российской Федерации.

В соответствии со ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации неосновательным обогащением является обогащение в случаях, когда лицо без установленных законом и иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество за счет другого лица [1].

Задачей института неосновательного обогащения является защита имущественных прав и интересов граждан и организаций. Тем самым отмечаются черты сходства этого правового института с другими охранительными нормами гражданского права. По способу защиты интересов потерпевшего они схожи, с одной стороны, с ответственностью за пользование чужими денежными средствами, с другой – с обязательствами вследствие пользования чужим имуществом. Как и в институте неосновательного обогащения, ответственность за пользование чужими денежными средствами и имуществом позволяет утверждать, что поведение лица является недобросовестным.

Несмотря на то, что в нормах, регулирующих институт неосновательного обогащения в России, понятие недобросовестности не употребляется, в п. 4 ст. 1 ГК РФ сказано, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Данная норма распространяется на все положения ГК РФ и в том числе на институт неосновательного обогащения.

По поводу категории «недобросовестности» в научной литературе существует устоявшаяся точка зрения, поддержанная в свое время такими авторами, как И. Б. Новицкий и М. М. Агарков [2, с. 56; 3, с. 94]. Недобросовестным является действие лица, для совершения которого отсутствуют правовые основания.

То же самое можно сказать в отношении ст. 1102 ГК РФ, где под недобросовестностью понимается получение гражданином излишнего имущества или денежных сумм, предоставленных в качестве средства к существованию, при осознании им того, что правовые основания для их получения отсутствуют.

Думается, что выражение «извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» можно и надо считать синонимом понятия неосновательного обогащения. Там, где есть недобросовестность поведения, мы должны видеть неосновательность обогащения и незаконность преимуществ [4, с. 160–161].

Исходя из этого, следует отметить, что наиболее важными признаками неосновательного обогащения можно считать: обогащение за счет другого лица, незаконность и бесосновательность владения имуществом потерпевшего, приобретение выгод или преимуществ вследствие незаконного использования имущества, а также недобросовестность приобретателя.

Стоит заметить, что недобросовестность присутствует как при неосновательном обогащении, так и при взыскании доходов, полученных от использования чужих денег или чужого имущества. В первом и втором случаях приобретатель извлекает преимущества с помощью недобросовестности.

В соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации лицо, неосновательно обогатившееся, обязано возратить потерпевшему незаконно приобретенное или сбереженное имущество. Анализируя природу и характер этого правоотношения, можно заметить, что последствия неосновательного обогащения и ответственность, возникающая вследствие незаконного приобре-

тения и сбережения имущества, схожа с ответственностью за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) и имуществом, например договор аренды (ст. 606 ГК РФ).

Выгоду, которую получает субъект за счет использования чужих денежных средств и чужого имущества, должен был бы получить собственник имущества или кредитор, чьи деньги или имущество удерживал должник. При неосновательном обогащении предполагается, что тот, кто удерживает или приобретает чужую вещь, признает себя собственником, а при взыскании доходов за использование чужих денег денежные средства не могут считаться и не считаются собственностью того, кто пользуется ими. Данное предположение основано на том, что при неосновательном обогащении приобретателем может быть любое лицо, а в случае использования чужих денежных средств и чужого имущества только конкретное лицо, установленное договором.

Объекты обязательств вследствие неосновательного обогащения отличаются от объектов других правоотношений тем, что круг их более обширен и включает в себя как вещи, так и иное имущество, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. К объектам договора аренды относятся: земельные участки, обособленные природные объекты, предприятия, имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, которые не теряют своих натуральных свойств в процессе их использования. При использовании чужих денежных средств объектами могут являться только денежные средства.

Сущностный анализ возникающих отношений показывает, что обогащение за счет другого лица происходит во всех трех случаях. Разница лишь в наименовании субъектов правоотношений. Субъектами неосновательного обогащения являются приобретатель и потерпевший, при использовании чужих денежных средств – кредитор и должник. Субъекты договора аренды – арендодатель и арендатор.

Признак незаконности и бесосновательности владения имуществом потерпевшего состоит из трех основных элементов: приобретение, сбережение и удержание. Основания приобретения имущества могут отсутствовать изначально, а могут отпасть в дальнейшем.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.01.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 56–57.
3. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 6.
4. Филиппов П. М. Современное толкование обязательств вследствие неосновательного обогащения (Глава 60 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Алтайский юридический вестник, 2017. № 1. С. 160–161.

© Перегудова Д. А., 2019

* * *

О. В. Плешакова

Правовое управление
ГУ МВД России по Волгоградской области

Актуальные проблемы исследования, доказывания и возмещения морального и материального ущерба, причиненного в результате преступных посягательств на сотрудников полиции

В процессе преступных посягательств в отношении сотрудников ОВД помимо телесных повреждений самим сотрудникам причиняется еще моральный и материальный (имущественный) вред, исследованию которого в следственной практике уделяется недостаточное внимание.

Так, причинение оскорблениями и другими действиями виновных морального вреда и моральных страданий сотрудникам полиции упоминается лишь в 15,7 % исследованных нами дел. Суды

признавали, что моральный вред причинялся не только вербальными и невербальными оскорблениями, но и такими оскорбляющими действиями, как удары в лицо, сбивание с ног подножкой и другими, указывающими на публичное неуважение и физическое доминирование преступника над представителем государственной власти. Такую судебную и следственную практику нельзя признать удовлетворительной, поскольку моральные страдания причиняются сотруднику при совершении большинства посягательств. К примеру, согласно нашему исследованию оскорблениями сопровождалось 80 % посягательств на сотрудников ОВД.

Невысок и процент исковых требований о компенсации морального вреда сотруднику полиции, в частности они были заявлены и удовлетворены только в 26 % случаев причинения сотруднику морального вреда. Виновные добровольно возместили вред в 16,6 % случаев. В остальных случаях, несмотря на упоминание о причинении морального вреда и страданий, потерпевшие остались без компенсации.

В целях полноты и объективности расследования по уголовному делу следователь в обязательном порядке должен исследовать моральный вред и страдания, причиненные сотруднику полиции. Подобное попустительское отношение к расследованию причинения морального вреда и страданий сотруднику полиции, полученных им при преступных посягательствах, создает атмосферу неуважения к сотрудникам полиции и безнаказанности по отношению к действиям преступника, а также приводит к серьезным процессуальным нарушениям и ущемлению прав виновного на объективное и справедливое разбирательство.

В частности, нами отмечено большое расхождение сумм компенсации морального вреда в делах о применении насилия в отношении сотрудников полиции. Размер компенсированного морального вреда резко варьируется от 5 000 до 150 000 руб. на одного пострадавшего, наиболее часто моральный вред оценивается в 15 000–25 000 руб. Однако в нескольких нижеперечисленных уголовных делах сумма компенсации морального вреда составила 150 000 руб.

Так, инспектор ДПС А., осуществляя патрулирование в составе пешего наряда по ул. Ч. в г. Е., заметил транспортное средство под управлением Агаева А. Ш. о., которое стояло с включенным двигателем в зоне действия дорожного знака 3.27 «Остановка запрещена».

В связи с тем, что в действиях Агаева усматривались признаки совершения административного правонарушения, полицейский подошел к Агаеву и попросил последнего представить документы, подтверждающие право на управление транспортным средством. В ответ на законные требования А. Агаев включил передачу и начал движение по направлению к проезжей части дороги по ул. Ч. в г. Е. В целях предотвращения совершения Агаевым правонарушения А. предпринял попытку остановить автомобиль и заглушить двигатель, для чего левой рукой взялся за руль, а правой попытался извлечь ключ из замка зажигания. Агаев, подняв стекло левой передней двери автомобиля, зажал обе руки А. в области предплечий, причинив ему физическую боль. Далее Агаев, не отвечая на законные требования А. остановить транспортное средство, двигаясь у дома № 15А по ул. Ч. в г. Е., опустив стекло левой передней двери автомобиля, освободил руки А., вследствие чего последний упал на проезжую часть дороги, получив телесные повреждения.

В другом случае возмещение 150 000 руб. в качестве морального ущерба двум потерпевшим было зафиксировано за оскорбление и сопротивление сотрудникам полиции при большом скоплении людей.

Т. В. В., находясь в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте, в ответ на законные требования одетого в форменное обмундирование участкового уполномоченного полиции К. А. Г. прекратить совершать административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, публично, в присутствии Ц. А. Е., К. О. О., К. В. И., в неприличной форме, высказывая в адрес К. А. Г. нецензурные выражения, оскорбил его, унижая тем самым честь и достоинство последнего как представителя власти, игнорируя замечания, сделанные ему К. А. Г., которыми последний предупредил подсудимого о том, что он находится при исполнении своих должностных обязанностей. После чего Т. В. В. в ответ на законные действия представителя власти – инспектора ДПС И. В. С. по административному задержанию Т. В. В., умышленно нанес И. В. С. не менее двух ударов правой ногой в область правого голеностопного сустава, чем причинил ему физическую боль и телесное повреждение, не являющееся опасным для жизни.

Очевидно, это связано с особой судебной оценкой общественной опасности и цинизма совершенного преступления.

Как нами было установлено, сумма, взысканная в качестве компенсации морального вреда, зависит не столько от моральных страданий, причиненных сотруднику, сколько от особой дерзости и резонансности преступления. По сути, большие суммы компенсации морального ущерба применяются судами как дополнительное наказание за преступление, что противоречит компенсационной природе указанного процессуального института. Сложившаяся произвольная судебная практика во многом стала возможной благодаря малоисследованности причиненного морального вреда во время предварительного расследования. В протоколах допроса не отражаются суть моральных страданий и внутренние переживания потерпевшего по их поводу, ни по одному из дел не приобщены медицинские документы или заключение психологической экспертизы, подтверждающие сильное душевное волнение потерпевшего, ухудшение состояния здоровья, обвинительные заключения содержат только перечень лиц, которым был причинен моральный и иные виды вреда.

На недостаточное исследование морального вреда, нанесенного преступлением, указывает и количество принесенных личных и публичных извинений в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, подобная форма заглаживания вины выявлена в 19 % случаев, в то время как нанесение морального вреда фигурировало всего в 15,7 % случаев.

Материальный (имущественный) ущерб был причинен в 8,9 % случаев. Из них в 23,5 % преступлений материальный ущерб был причинен женщинами (напомним, что согласно нашему исследованию женщины совершают 15,7 % посягательств на сотрудников полиции), что делает данный способ совершения преступления характерным для них. Это объясняется большей аффективностью поведения женщин в стрессовых ситуациях, более продолжительным временем конфликта женщин с полицейскими и их небольшими физическими возможностями нанести телесный вред сотрудникам полиции, отсюда происходит перенесение их усилий на более легко повреждаемые предметы, ассоциирующиеся с полицией, – как правило, на форменную одежду.

Ущерб нередко причиняется сотрудникам полиции и их имуществу, государству (как собственнику имущества, находящегося в пользовании сотрудников ОВД), иногда владельцам увеселительных заведений, в которых задерживается правонарушитель.

Наиболее часто ущерб причинялся в процессе сопротивления задержанию, при преследовании:

– в 62,7 % случаев в качестве материального ущерба выступили расходы на медицинские исследования и лечение пострадавшего сотрудника полиции;

– 29,5 % – значительные повреждения были причинены форменному обмундированию сотрудника полиции;

– 3,9 % – ущерб был причинен служебному автомобилю (проколы шины, помяли кузов в процессе драки);

– 3,9 % – ущерб был причинен окружающей обстановке. В данных преступлениях агрессия преступников, находящихся в помещениях полиции, была направлена не только на сотрудников, но и на ассоциированные с ними предметы (таблички с фамилиями на дверях, двери, дверные ручки, плакаты с информационными и агитационными материалами). Указанные действия были дополнительно квалифицированы как вандализм.

В большинстве случаев, или в 56,8 %, имущественный вред был возмещен в добровольном порядке.

В судебно-следственной практике нами не выявлено ни одного случая привлечения в качестве потерпевших, для предъявления регрессных требований к преступнику, страховых компаний, осуществляющих обязательное страхование жизни и здоровья сотрудников полиции и выплату им в случае наступления смерти или причинения вреда здоровью и увечий при исполнении служебных обязанностей, а также представителей работодателя – МВД России – в случаях временной утраты трудоспособности сотрудником в результате преступного посягательства. Несмотря на то, что форменное обмундирование является государственным имуществом и передается в собственность сотрудника полиции по окончании срока носки, имущественные требования о компенсации порчи форменного обмундирования предъявлялись только самими сотрудниками полиции, а не представителями работодателя. По одному уголовному делу в качестве потерпевшего был привлечен юрисконсульт отдела полиции.

Так, виновный, находясь в здании ОМВД, будучи в состоянии алкогольного опьянения, сорвал и сломал одну дверь, шесть навесных табличек, четыре дверные ручки, на которые были потрачены денежные средства указанного ОВД, причинив тем самым потерпевшему,

в лице юрисконсульта отдела П., уполномоченного представлять интересы данного ОВД, материальный ущерб на общую сумму 10 955 руб. 93 коп.

Также нами выявлены и другие недостатки следственной работы в части соблюдения государственных интересов. В частности, согласно ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. По 8,7 % исследованных нами уголовных дел судами было вынесено постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим и освобождением виновного от уголовной ответственности, что нельзя признать правомерным, поскольку примирение в виде принесения непубличных извинений и возмещение вреда осуществляется только в отношении пострадавшего сотрудника полиции, но не в отношении государства, понесшего репутационные издержки в результате посягательств на представителей власти. Получается, что неблагоприятные правовые последствия в виде возмещения ущерба и принесения извинений для прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности за преступное посягательство на обычного гражданина ничем не отличаются при посягательстве на представителя власти.

В первую очередь указанная судебная практика стала возможной из-за попустительства прокурорских работников, недолжным образом осуществляющих защиту государственных интересов в судах, во вторую – из-за отсутствия в материалах уголовного дела доказательств, раскрывающих репутационный ущерб, причиненный государству, и факта признания его потерпевшим, в третью – из-за отсутствия правовой регламентации процедуры принесения публичных (а не личных) извинений государству в лице пострадавшего сотрудника полиции или руководителя ОВД, отражаемой в материалах уголовного дела.

Список библиографических ссылок

1. Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 25.05.2017 по уголовному делу № 1-194/2017 в отношении Агаева А. Ш. о. URL: <http://sud-praktika.ru> (дата обращения: 12.05.2018).

2. Приговор Ленинского районного суда Санкт-Петербурга от 20.02.2017 по делу № 1-38/17 в отношении Тянутова В. В. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.05.2018).

3. Приговор Нагатинского районного суда города Москвы от 26.05.2016 по уголовному делу № 1-466/16 в отношении Сыченко С. В. URL: <http://sud-praktika.ru> (дата обращения: 12.05.2018).

© Плешакова О. В., 2019

* * *

Е. В. Пономарева, Ю. Ю. Иноземцева
Уфимский юридический институт МВД России

К вопросу о совершенствовании основных направлений по противодействию исламскому экстремизму в Российской Федерации

В настоящее время одну из глобальных угроз миру и безопасности человечества представляет экстремизм. Проявления экстремистской направленности приобретают все более новые формы и достигают угрожающих масштабов. Экстремизм в различных формах представляет угрозу основам конституционного строя, обеспечению прав и свобод человека и гражданина, предусмотренным Основным законом нашей страны, Конституцией Российской Федерации [1].

Для противодействия исламскому экстремизму в рамках правового поля требуется постоянное совершенствование как международного, так и национального законодательства. В настоящее время Российская Федерация является активной участницей в реализации мер, связанных с противодействием исламскому экстремизму. Так, Президентом России была подписана конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму [2]. Кроме того, следует отметить, что в рамках совершенствования национального законодательства Федеральный закон от 25.06.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» претерпевает периодические изменения и дополнения.

Проведенный анализ действующего законодательства Российской Федерации позволяет говорить о наличии противоречий между нормами Конституции РФ и нормативно-правовых актов, регламентирующих отношения в данной сфере (понятийный аппарат, основные начала, полномочия, отведенные компетентным органам по противодействию экстремизму (в том числе исламскому и др.).

Следует отметить существующие проблемы в судебной практике при регулировании отношений, возникших в данной сфере, а именно в части определения подсудности по уголовным делам о нарушениях антиэкстремистского законодательства Российской Федерации.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о необходимости постоянного совершенствования законодательства, отвечающего современным условиям общества.

Правовая база по противодействию экстремизму включает в себя помимо Федерального закона от 25.06.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и другие нормативные правовые акты:

- Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 28.11.2014 № Пр-2753 [3];

- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [4];

- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [5];

- Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [6];

- Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» [7];

- распоряжение Генеральной прокуратуры РФ № 270/27р, МВД РФ № 1/978, ФСБ РФ № 38 от 16.12.2008 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» [8] и др.

Несмотря на огромное количество существующих действующих нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной сфере, основные положения по противодействию экстремизму отражены в Конституции РФ. Так, в чч. 1, 2 ст. 13 Конституции РФ

говорится о невозможности установления какой-либо идеологии, придании ей статуса обязательности и государственности. Таким образом, на территории Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Часть 5 ст. 13 Конституции РФ свидетельствует о наличии запрета на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Необходимо отметить, что в нормах Конституции РФ закреплён запрет на ограничение прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ). Также в ч. 2 ст. 29 Конституции РФ говорится о недопущении пропаганды или агитации, возбуждающей социальную, расовую, национальную, религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, языкового или религиозного превосходства [9, с. 25].

Таким образом, анализ представленных норм Конституции РФ позволяет определить понятийный аппарат, а также организационную систему противодействия экстремизму в России. При этом в части, касающейся понятийного аппарата, следует отметить, что Федеральный закон от 25.06.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не закрепляет самостоятельного определения основного понятия «экстремизм».

Следует отметить, что законодатель уравнивает понятие «экстремистская деятельность» с правовой категорией «экстремизм», тем самым не раскрывая сущность и значение данного общественного явления, а лишь перечисляя формы его проявления [10, с. 176].

Наряду с отсутствием определения «экстремизм» в Федеральном законе № 144-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» неоднозначно определены и понятия «экстремистская организация», «экстремистская литература», поскольку законодатель ссылается на понятие «экстремистская деятельность», отождествляя его с понятием «экстремизм».

Продолжая сравнительно-правовой анализ норм Конституции РФ с действующим законодательством, а именно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ и ст. 4 Федерального закона № 144-ФЗ «О противодействии

экстремистской деятельности», целесообразно отметить коллизию норм, которая заключается в том, что согласно Конституции РФ каждый человек и (или) гражданин имеет право на защиту своих прав и свобод, используя все способы, не запрещенные законом. Тогда как в Федеральном законе от 25.06.2002 № 114-ФЗ определено, что субъектами, осуществляющими противодействие экстремизму, являются только государственные органы. Исходя из вышеизложенного, определение законодателем субъектов в сфере противодействия экстремизму выглядит сомнительно.

Таким образом, в результате проведенного сравнительно-правового анализа норм действующего законодательства основным направлением по противодействию исламскому экстремизму в Российской Федерации, требующим совершенствования, является устранение существующих коллизий в нормативно-правовых актах, которые противоречат основным принципам, закрепленным в Конституции РФ.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. URL: <https://www.google.ru> (дата обращения: 10.09.2018).

3. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 28.11.2014 № Пр-2753). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

6. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

7. О политических партиях: федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

8. О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма: распоряжение Генеральной прокуратуры РФ № 270/27р, МВД РФ № 1/978, ФСБ РФ № 38 от 16.12.2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Понкин И. В. Проблемы государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности: учеб. пособие. М.: Берлин: Директ-Медиа. 2014.

10. Исследования и экспертиза экстремистских материалов / под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: СибАГС, 2015.

© Пономарева Е. В., Иноземцева Ю. Ю., 2019

* * *

М. Ю. Попов

Волгоградская академия МВД России

Структура статуса личности. Место и роль правосубъектности

Момент возникновения государства как основного института политической власти неизвестен никому. На основе существующих данных, полученных археологическим путем и путем анализа древних текстов и преданий о моменте зарождения первых институтов государственной власти, о конкретном времени появления государств в различных частях света можно лишь выдвигать гипотезы. Но при этом формально-логическое моделирование той ситуации позволяет сделать вывод, что одновременно с появлением первых зачатков государственности появились и нормы государственного права. И это бесспорно, потому как проблемы организации и осуществления политической власти всегда находились в центре внимания любого мало-мальски организованного общества [1]. Которое, в свою очередь, после появления разделения труда и института собственности

перестало быть однородным и всегда наполнено противоречиями и разновекторными интересами.

Во все эпохи при формировании или реформировании государственной власти организаторы и исполнители должны были ответить на ряд коренных вопросов:

1. Кому власть принадлежит? То есть вопрос источника власти.

2. Как внешне она выглядит? То есть вопросы формы правления и государственного устройства.

3. Как она формируется? То есть вопросы способа прихода к власти и правопреемственности.

4. Каковы пределы притязаний власти и общества к личности? То есть вопросы определения границ государственных, личных и корпоративных интересов членов общества, границ личной свободы.

Все эти вопросы имели, имеют и будут иметь очень острый социально-политический характер, именно поэтому сам по себе институт государственной власти без четких норм-правил, регулирующих разрешение данных проблем, существовать не может в принципе. На разных стадиях человеческого бытия эти нормы государственного права имели разную форму внешнего выражения и фиксации, разную социально-политическую и юридическую природу, но суть их от этого не менялась. Как не менялось и то обстоятельство, что все они находятся в очень тесном взаимодействии и взаимозависимости. И именно они с появлением такой отрасли, как конституционное право, составили основы конституционного строя как краеугольный камень национальной правовой системы и особый объект организационно-правовой защиты со стороны государства.

Особое место в системе этих норм занимает группа правил, определяющих границы властных притязаний в адрес личности и социальных групп. Уникальность этих норм определяется тем обстоятельством, что качественное переосмысление места и роли личности в системе общественных отношений, а потом этой группы норм в системе правоотношений привело к эволюции государственного права в XVIII–XX вв. к праву конституционному. То есть к появлению нового политико-правового явления, оказавшего, в свою очередь, существенное влияние на весь ход последовавшей двухвековой истории человечества.

Место и роль личности в системе правоотношений есть один из коренных объектов исследования в науке конституционного права,

и создается впечатление, что после принятия на основе выверенных научных доктрин Конституции РФ в 1993 г. и последующей детальной регламентации статуса человека и гражданина в России проблем не осталось. Но между тем «дьявол кроется в мелочах». И в некоторых вопросах понимания и применения отдельных научно-правовых категорий присутствует неопределенность, порождающая существенные проблемы.

Такой проблемой нам представляется понимание структуры конституционно-правового статуса личности и места и роли в системе правоотношений отдельных его элементов. В частности, правосубъектности.

Статус личности является сложной социально-правовой категорией, зависящей от множества факторов, оказывающих существенное влияние на его возникновение и эволюцию. Гражданство, возраст, социальное положение и личные способности, случаи непреодолимой силы (например, получение статуса вынужденного переселенца или беженца вследствие межнационального или межконфессионального конфликта или попадание под удар стихийного бедствия с полной утратой имущества и правоустанавливающих документов), появление и развитие дополнительных профессиональных прав и обязанностей и т. д. Статус личности, если смотреть на это явление с количественной и качественной стороны объема и сущности норм, есть величина переменная. Эта группа норм находится в постоянной динамике. Какие-то права и обязанности и виды ответственности появляются, какие-то со временем или деяниями личности исчезают.

Однако есть та часть норм, которая на протяжении всей жизни остается неизменной, и именно она составляет ядро правового статуса личности. Это конституционно-правовой статус человека и гражданина. Эта часть статуса носит абсолютный характер, и данная группа норм неотчуждаема от личности. Даже если личность часть норм не реализует или не может реализовать по разным причинам (возраст, например, или собственное нежелание).

Исторически структура конституционно-правового статуса личности складывалась тысячелетиями. Так, по мнению А. Г. Бережнова, уже в Древнем Риме все свободные люди обладали либо статусом гражданина, либо плебея (простого человека). Граждане Рима обладали полным комплексом социально-политических прав и обязанностей. Плебеи же имели ограниченные права и обязанности [2].

В той или иной степени данное разграничение на граждан и неграждан существует и поныне. Такое правовое разделение, безусловно, имеет под собой достаточно существенные социально-политические основания [3]. Именно поэтому, по мнению ряда авторов, структура конституционно-правового статуса личности представляет собой совокупность следующих элементов:

1. Гражданство.
2. Правосубъектность.
3. Принципы правового положения личности.
4. Конституционные права, свободы и обязанности.
5. Гарантии конституционных прав и свобод.
6. Правовое положение иностранцев, лиц без гражданства, беженцев и вынужденных переселенцев [4].

Реализация практически всех указанных элементов конституционно-правового статуса личности на практике так или иначе взаимосвязана с институтом гражданства как особой системой политико-правовых отношений человека и государства. Как было подмечено выше, уже Древние разделяли статус гражданина и статус человека. Гражданство в итоге провело существенное разграничение в комплексе прав и обязанностей, а следовательно, в качестве жизни. Существенная связь гражданства с иными элементами конституционно-правового статуса личности прослеживается, в частности, и в таком разделе этого статуса, как правосубъектность. Категория насколько простая, настолько и сложная. Простая, исходя из определения. К примеру. Правосубъектность как правоспособность [4]. Иные авторы ограничивают правоспособность от дееспособности [5, с. 31]. Третьи – определяют правосубъектность как совокупность правовых возможностей [6, с. 312]. Что, в общем, не лишено логики. Большинство указанных авторов всю правосубъектность подразделяют на общую и специальную. При этом общая правоспособность в большей степени неразрывно связана с институтом гражданства. Хотя и принадлежит каждому человеку, находящемуся на территории Российской Федерации. Но именно Конституция РФ в ч. 2 ст. 6 дает определение правоспособности. «Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации» [7, с. 5]. Практически все авторы сходятся во мнении, что правосубъектность в отрыве от правового статуса не существует. При этом данная

связь носит конкретизированный, отраслевой характер [8, с. 162]. Таким образом, оказывается, что авторы работы под редакцией проф. М. Н. Марченко правы, определяя правосубъектность как систему возможностей по реализации закрепленных в законодательстве прав и исполнения обязанностей.

Именно поэтому объектом правового ограничения, налагаемого на личность, могут выступать не только конкретные права и свободы, но и правовые возможности, т. е. элементы уже, собственно, правосубъектности. Так, лишение судом права занимать государственные должности выступает основанием для отказа в регистрации лица в качестве кандидата на выборах в представительный или иной орган государственной власти. При этом законным образом блокируется возможность лица, но не его право. То есть ограничивается правосубъектность, но не право. Сами граждане своими действиями также могут существенно ограничить себя в конституционной правосубъектности. В частности, приобретение иного гражданства, даже и с сохранением российского, влечет за собой утрату возможности реализации права на государственную или муниципальную службу (при условии отсутствия соответствующего международного договора с государством, гражданство которого лицом было приобретено).

Тем не менее ограничение или лишение права на реализацию какого-либо права – явление достаточно редкое. Наиболее часто встречаемые ограничения в конституционной правосубъектности – это ограничения возрастного, медицинского или правового характера (для лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние и отбывающих наказание в виде лишения свободы) [7, ч. 3 ст. 32]. При этом, мы повторяем, самого права, например избирать и быть избранным, как основного вида права на участие в делах государства никто не лишает. Да и не вправе лишить.

Поскольку данную статью будут, вероятно, читать и не юристы, то, следуя общим правилам, необходимо дать определение правосубъектности. Правосубъектность – это взятые в совокупности дееспособность и правоспособность. Приведенное выше конституционно-правовое определение правоспособности для неспециалиста носит преимущественно оценочный характер и потому требует уточнения. Наиболее убедительным выглядит определение, данное в Гражданском кодексе РФ (ст. 17): «Правоспособность – это способность

иметь гражданские права и нести обязанности. Она признается в равной мере за всеми гражданами. Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью» [9]. Краткое и емкое определение, казалось бы, не оставляет места для вопросов. Но... По поводу моментов возникновения и прекращения правоспособности есть некоторые замечания. Представляется, что такие жесткие временные рамки возникновения и прекращения правоспособности не совсем сходятся с практикой жизни, в условиях которой отдельные аспекты правоспособности (в частности: в области наследственного права; вопросов отцовства и материнства в брачно-семейных отношениях; фамилии, имени, отчества гражданина; гражданства лица и ряда иных областей правоотношений) фактически возникают до момента физиологического рождения и продолжают существовать после смерти гражданина. Данное замечание носит исключительно дискуссионный характер [10, с. 170]. Но вместе с тем представляется, что с развитием медицины, в частности разделов генетики и реанимации, данные вопросы будут приобретать все большую актуальность.

Не меньший интерес в структуре конституционной правосубъектности вызывает институт дееспособности. Статья 60 Конституции России устанавливает, что гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет. Тем не менее более полное определение дееспособности содержится в Гражданском кодексе РФ, где в соответствии со ст. 21 дееспособность – это способность лица своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности. И далее: гражданская дееспособность возникает в полном объеме с восемнадцатилетнего возраста.

Конституционная и иная дееспособность гражданина существенно зависит от понимания в обществе места и роли личности с различными свойствами. Значительное влияние на понимание сути дееспособности оказывает вид правовой культуры, эпоха, общий уклад жизни и т. д. Еще относительно недавно (100–150 лет назад) на содержание дееспособности оказывали существенное влияние, помимо возраста, такие факторы, как сословная принадлежность, пол, имущественное положение, национальность и вероисповедание лица [11]. Сегодня основным условием конституционной и иной дееспособности лица выступает только возраст. При этом само

понятие дееспособности имеет сложный характер ввиду его многоуровневой структуры и существенным образом зависит от социально-политической характеристики лица. Именно поэтому наука выделяет такие виды дееспособности, как: гражданско-правовую, административно-правовую, конституционно-правовую, уголовно-правовую и т. д. И во всех видах дееспособности важнейшим ее элементом выступает возраст.

Именно возраст является основным видом ценза¹, позволяющего в полной или усеченной мере реализовать человеку и гражданину свои права и соблюдать (исполнять) обязанности. При этом понимание сущности возрастных ограничений в условиях разных правовых культур и практик имеет значительные различия.

Так, если в условиях общероссийского культурно-политического и правового пространства возрастное ограничение есть органичное и гуманистическое желание государства и общества удержать от преждевременного взросления еще не окрепшую физиологически и психически личность, то в условиях западной культуры ультралиберального направления возрастное ограничение – это «дискриминационная политика государств и организаций по отношению к людям по причине их принадлежности к определенной возрастной группе, в основе которой лежат положения о физической и умственной неравноценности лиц, чей паспортный возраст не соответствует установленным национальным законодательством или господствующей религией нормам» [12].

Таким образом. В середине 60 гг. прошлого столетия в большинстве западных стран были приняты законы, которыми возраст совершеннолетия был снижен с 21 года до 18 лет. В Швейцарии совершеннолетним считается лицо, достигшее 20 лет. В Британии в соответствии с законодательством о реформе брачно-семейных норм 1969 г. лицо становится совершеннолетним с первого дня восемнадцатилетия. В США в зависимости от законодательства штата возраст совершеннолетия колеблется в промежутке между 18 и 21 годами.

Недееспособность несовершеннолетних может быть полной или ограниченной. В разных странах объем дееспособности несовершеннолетних различен.

¹ Ценз – необходимая количественная достаточность чего-либо для обретения права на что-либо.

Во Франции правовой статус несовершеннолетних устанавливается многочисленными фрагментарными положениями Гражданского кодекса. До достижения 18 лет лицо определяют как недееспособное и управление его имуществом осуществляют родители, как законные представители, или опека, в случае их смерти. Во Франции гражданское законодательство весьма детально регулирует вопросы управления имуществом несовершеннолетних.

В Германии возрастной зазор ограниченной дееспособности составляет период от 7 до 18 лет. В этом возрастном зазоре несовершеннолетний может осуществлять сделки под контролем своего законного представителя, при этом целый ряд сделок несовершеннолетний может осуществлять сам. К таким сделкам относятся:

- 1) сделки, несущие лицу «правовую выгоду»;
- 2) сделки в пределах сумм, данных несовершеннолетнему на «карманные расходы»;
- 3) сделки, заключенные для обеспечения дальнейшей работы предприятия, на управление которым несовершеннолетний заранее получил согласие своего законного представителя.

В Британии до достижения 18-летнего возраста лицо является ограниченно дееспособным. Нормы, устанавливающие уровень дееспособности несовершеннолетнего, были сформулированы прецедентным правом и лишь в незначительной степени были обобщены статутом 1874 г. о правовом положении несовершеннолетних [13, с. 235–270].

Конституционная дееспособность в Российской Федерации берет свое начало в ст. 60 Конституции РФ с 18 лет. Именно в этом возрасте гражданин получает право на участие в делах государства, в первую очередь посредством права избирать и права на равный доступ к государственной службе (ст. 32 Конституции РФ). Но это лишь часть конституционной дееспособности. Следующими этапами возрастания объема конституционной дееспособности следует считать: 21 год – возраст права участвовать в качестве кандидата в выборах в представительные органы государственной власти и местного самоуправления; 25 лет – возраст для кандидата на пост судьи; 30 лет – возраст права участвовать в качестве кандидата на выборах главы субъекта Федерации и возраст возможности наделения полномочиями члена Совета Федерации; 35 лет – возраст участия в качестве кандидата на выборах Президента страны; 40 лет – возраст

для кандидата на пост судьи Конституционного Суда РФ. Таким образом, возраст ограниченной конституционной дееспособности наступает в 18 лет. Возраст полной конституционной дееспособности составляет 40 лет.

Итак, Конституция РФ установила достаточно жестко нижний уровень полной общей дееспособности и начальный уровень конституционной дееспособности граждан в возрасте 18 лет. Казалось бы, что законодательство России полностью соответствует данному возрастному ограничению дееспособности.

К примеру, в соответствии с этим положением Конституции РФ в Законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» определено, что на службу вправе поступать граждане не моложе 18 лет, способные по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел (чч. 1 и 2 ст. 17) [14]. Но при этом «в образовательные организации высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме вправе поступать в том числе граждане, не достигшие возраста 18 лет» (ч. 2 ст. 17).

Итак, не все граждане, не достигшие возраста начальной конституционной дееспособности, по своим личным качествам способны отвечать квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатам на службу в органы внутренних дел. В этих условиях при приеме на службу возможны существенные ошибки и издержки, поскольку оценка способности или неспособности кандидата носит в значительной своей части субъективный характер. При всем том, что отдельные одаренные дети оканчивают школу и формально имеют право поступить в подобное учебное заведение и в 16, и даже в 14 лет. Ошибки при отборе кандидатов в таких случаях при приеме на службу неизбежны просто в силу закона больших чисел в лице количества соискателей на службу.

Следует также учесть принципы справедливости и равноправия. В части 3 ст. 76 того же закона зафиксировано, что участие курсантов, слушателей, адъюнктов образовательных учреждений высшего образования системы МВД России в мероприятиях по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка и выполнение ими других обязанностей, свойственных органам внутренних дел, в целом входят в их подготовку, но к участию в таких

мероприятиях и выполнению указанных обязанностей не допускаются курсанты и слушатели, не достигшие возраста 18 лет. При этом их, указанных лиц, не исполняющих основные служебные обязанности сотрудника, приводят к Присяге, они получают соответствующие общим стандартам объемы денежного и вещевого довольствия, пакет социальных гарантий и отсчет срока начала службы с момента поступления.

Представляется, что указанные нормы Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» в части возрастных исключений для кандидатов на службу в органы внутренних дел прямо противоречат п. 2 ст. 6, п. 4 ст. 32 и ст. 60 Конституции РФ и подлежат отмене или пересмотру. В этих условиях пересмотру следует подвергнуть саму систему прохождения обучения (с уточнением основных позиций правового положения) указанных лиц в системе образовательных учреждений МВД России. Может быть есть смысл обратиться к позднесоветскому опыту приема кандидатов на службу в учебные заведения МВД России?

Список библиографических ссылок

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1985.
2. Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991.
3. Попов М. Ю. Гражданство как элемент социально-политической основы конституционного государства в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 40–45.
4. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник, М., 2003; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М., 2018.
5. Витрук Н. В. Основные теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979.
6. Теория государства и права / под ред. проф. М. Н. Марченко. М., 2005.
7. Конституция Российской Федерации. М., 2015.

8. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. СПб., 2004.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (ред. от 18.04.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Попов В. В. Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема конвенционального ограничения множественности правовых смыслов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 169–173.

11. Алексеев А. П. Ценности в конституционном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 30–35.

12. URL:<https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.05.2018).

13. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 2012.

14. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Попов М. Ю., 2019

* * *

Ю. В. Ренникова
Волгоградская академия МВД России

Особенности участия несовершеннолетнего в гражданском процессе

Законодательство Российской Федерации определило категорию «несовершеннолетние» не так всесторонне и полно, как это требуется для должного правового регулирования. Но разберем не пробелы в праве относительно этого субъекта гражданско-процессуальных отношений, а ту нормативную базу, которая твердо функционирует на сегодняшний день.

Для полного раскрытия этого аспекта гражданско-процессуальных отношений необходимо рассмотреть следующие вопросы: 1) участие несовершеннолетних в различных возрастных рамках; 2) гражданско-процессуальная дееспособность различных групп лиц; 3) участие

законных представителей в реализации прав и законных интересов;
4) психические особенности данной группы лиц, отличия от взрослых субъектов гражданских правоотношений.

В рамках первых двух вопросов отметим следующие возрастные категории относительно гражданско-процессуальной дееспособности согласно ст. 37 ГПК РФ:

№	Возрастные категории
1.	Граждане, достигшие возраста 18 лет и уже в силу этого приобретшие полную процессуальную дееспособность. Однако законодатель к данной категории относит и несовершеннолетних, не достигших возраста 18 лет, при этом оговаривая в ч. 2 ст. 37 ГПК РФ, что данное право они приобретают со времени вступления в брак или объявления их полностью дееспособными (эмансипированными)
2.	Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, а также совершеннолетние граждане, ограниченные в дееспособности в установленном законом порядке. В соответствии с ч. 3 ст. 37 ГПК РФ права и законные интересы этой категории граждан защищают в суде их законные представители в лице родителей, усыновителей, попечителей. Однако участие в процессе самих несовершеннолетних или граждан, признанных ограниченно дееспособными, обязательно
3.	Несовершеннолетние граждане в возрасте от 14 до 18 лет, которые обладают в определенных случаях в силу прямого указания на это закона полной гражданской процессуальной дееспособностью. Специфика правил ч. 4 ст. 37 ГПК РФ состоит в том, что данные правила применяются лишь в случаях рассмотрения судом дел
4.	Несовершеннолетние, не достигшие возраста 14 лет. Данная категория лиц, как и граждане, признанные недееспособными, не обладают гражданской процессуальной дееспособностью, т. е. правом на самостоятельную защиту своих прав и интересов. В соответствии с ч. 5 ст. 37 ГПК РФ права и законные интересы указанных лиц защищают в суде их законные представители – родители, усыновители, опекуны, попечители или иные лица, которым данное право предоставлено федеральным законодательством

Таким образом, несовершеннолетний может стать участником гражданского процесса – при этом он либо принимает самостоятельное участие в качестве одной из сторон (истец, ответчик или

заявитель), либо выступает участником судебного процесса при защите его прав, свобод и интересов законными представителями.

Отдельно следует указать на возможность участия несовершеннолетнего в гражданском процессе в качестве третьего лица, однако такое участие допускается при наличии у несовершеннолетнего в полном объеме гражданской процессуальной дееспособности. В данном случае мы также говорим о самостоятельном участии несовершеннолетнего в гражданском процессе. Исходя из ч. 1 ст. 69 ГПК РФ, в которой указывается, что свидетелем может быть любое лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, относящиеся к делу, несовершеннолетний в гражданском судопроизводстве может выступать в качестве свидетеля.

При рассмотрении третьего вопроса хочется отметить, кто может быть законным представителем. Согласно ст. 52 ГПК РФ законными представителями могут быть:

- родители;
- усыновители;
- опекуны;
- попечители;
- иные лица.

В качестве иных лиц могут выступать: администрация детского дома, органы опеки и попечительства. Процессуальное положение законных представителей определено таким институтом гражданского процессуального права, как представительство, закрепленное в гл. 5 ГПК РФ. Законные представители действуют в процессе от имени несовершеннолетнего и в его интересах, создавая для него права и обязанности. Однако, учитывая особый статус несовершеннолетнего лица, законодатель устанавливает определенные ограничения в действиях законного представителя. В пример можно взять требования ст. 37 ГК РФ «Распоряжение имуществом подопечного». Исходя из этого, суд не вправе принимать отказ законного представителя от иска или признание им иска по имущественному спору, стороной которого является несовершеннолетний, находящийся под опекой или попечительством, если на это в рассматриваемом судом деле нет согласия органа опеки и попечительства.

Законные представители могут поручать ведение дел другому лицу, избранному ими в качестве представителя. В таком случае будет иметь место договорное представительство. Круг полномочий,

передаваемых представителю, определяет законный представитель. Он может наделить представителя как общими, так и специальными полномочиями, оговоренными в ст. 54 ГПК РФ.

Переходя к заключительному вопросу, хочется начать со следующего. Психическая особенность – это индивидуальные черты психической деятельности конкретного человека, особенности его психического состояния, его межличностных и личностно-социальных отношений, которые позволяют описывать и прогнозировать его поведение, направление и динамику психического развития.

Всем известно, что несовершеннолетние – лица с неустойчивой, развивающейся психикой. В связи с этим в таком процессуальном действии, как допрос, обязательно присутствие педагога. Для несовершеннолетних, которым больше 14 лет, педагог приглашается по усмотрению суда. В качестве педагога может быть допущен не только учитель, но и воспитатель дошкольного образовательного учреждения. Основным требованием для допуска в заседание является наличие специального педагогического образования и опыта работы с детьми. Задача педагогического работника в гражданском деле – предотвратить отрицательное воздействие на ребенка, а также, при необходимости, объяснить суду особенности его поведения во время дачи показаний. Педагог, по сути, является специалистом, участие которого в суде регулируется ст. 188 ГПК РФ.

Кроме того, в редких случаях из зала заседания судья способен удалить любое участвующее в заседании лицо на время допроса ребенка, в том числе и представителя одной из сторон. Например, в случае если есть сведения о причинении участником разбирательства насилия или оказании другого негативного влияния на допрашиваемого. По тем же причинам из зала может быть удален кто-либо из присутствующих, не являющихся участником судопроизводства.

Что касается свидетеля, которому еще не исполнилось 16 лет, то данное лицо непосредственно после допроса освобождается от последующего участия и присутствия в судебном заседании. Лишь в единичных случаях, обусловленных нуждами в повторном допросе, суд может принять решение об оставлении несовершеннолетнего в зале при продолжении разбирательства.

© Репникова Ю. В., 2019

* * *

Противодействие незаконному предпринимательству в современной России

Предпринимательская деятельность – одна из возможностей граждан реализовать конституционные право на свободу экономической деятельности и право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 8, 34 Конституции РФ). Однако там, где есть право, возможно и злоупотребление им. Примером последнего служит и незаконная предпринимательская деятельность.

Данные статистики за январь-ноябрь 2018 г. следующие: в общей массе выявленных преступлений экономические составляют 33 %, среди которых доля незаконного предпринимательства – 1 %. Стоит отметить, что в числе выявленных фактов незаконного предпринимательства 98 % составляют деяния, причинившие крупный ущерб либо сопряженные с извлечением дохода в крупном размере, что еще раз позволяет обратиться к вопросу о мерах противодействия незаконной предпринимательской деятельности. Разговор о противодействии невозможен без понимания сущности явления, которому необходимо противостоять, что побуждает обратиться к самому определению понятия «незаконная предпринимательская деятельность».

Справедливости ради отметим, что в законодательстве такое определение отсутствует и попытка объяснить его лежит в плоскости анализа понятия «предпринимательская деятельность», приведенного в гражданском законодательстве (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Рассмотрению сущности понятия «предпринимательская деятельность» посвящен ряд работ, которые раскрывают его через совокупность признаков, присущих предпринимательской деятельности [1]. Один из признаков предпринимательской деятельности, придающей ей законный характер, именуется легитимационным. Речь в данном случае идет о наличии регистрации субъекта предпринимательской деятельности в установленном законом порядке [2].

Таким образом, отсутствие формального признака, под которым подразумевается наличие регистрации в установленном порядке,

делает предпринимательскую деятельность незаконной и, как отмечает И. В. Охтин [3], отсутствие факта государственной регистрации при определении статуса законности предпринимательской деятельности нашло свое отражение в административном (ст. 14.1 КоАП РФ) и уголовном (ст. 171 УК РФ) праве.

Анализ норм законодательства позволяет высказать однозначное мнение, что *незаконная предпринимательская деятельность* – это действия, обладающие всеми признаками предпринимательской деятельности [4], совершаемые с нарушением установленного порядка регистрации, либо в отсутствие лицензии (если таковая необходима), либо с грубым нарушением лицензионных требований и условий.

В целях недопущения различных толкований понятий «нарушение» или «грубое нарушение» определение данных понятий устанавливается Правительством РФ в отношении каждого конкретного лицензируемого вида деятельности. Дополнительные объяснения по вопросу трактовки данного понятия давались и Верховным Судом РФ [4].

Определения даны, составы определены, практика обобщена и проанализирована высшими судебными инстанциями. Так ли все однозначно на практике? Предпримем попытку анализа.

Например, при регистрации действует презумпция добросовестности заявителя, которая предполагает, что заявитель предоставляет на момент регистрации достоверные сведения в соответствии с законодательством. Однако на момент регистрации субъекта в качестве индивидуального предпринимателя ему было запрещено заниматься определенным видом деятельности, но база данных дисквалифицированных лиц не содержала такой информации в силу технической ошибки. Другой пример: в соответствующем государственном реестре содержится запись о ликвидации юридического лица или прекращении деятельности физического лица в качестве индивидуального предпринимателя по инициативе государственного органа или органа местного самоуправления (ст. 61 ГК РФ или ст. 21.1 Закона № 129-ФЗ), а субъект, в отношении которого вынесены такие записи о принудительном прекращении предпринимательской деятельности, не уведомлен. Будет ли его деятельность признана незаконной? Есть ли в его действиях умысел?

Пример действий, совершаемых в нарушение требований законодательства, приводит и А. В. Попов [5], отмечая, что заинтересованное лицо может обратиться в регистрирующий орган со всеми

необходимыми документами, начав осуществлять предпринимательскую деятельность еще до внесения регистрирующим органом в соответствующий реестр записи о создании юридического лица или регистрации индивидуального предпринимателя. Можно ли указанное лицо привлечь к ответственности по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, учитывая, что рассматриваемое противоправное деяние носит длящийся характер и действия, направленные на придание предпринимательству законного характера, лицом совершены?

Или ситуация, в которой индивидуальный предприниматель хранил алкоголь, т. е. фактически осуществлял лицензируемый вид деятельности, разрешение на осуществление которого ему выдано быть не может. И если в этом примере Высший Арбитражный Суд РФ дал свои разъяснения, определив, что независимо от предусмотренной законодательством возможности индивидуальный предприниматель в случае с хранением алкогольной продукции крепостью свыше 28 % будет привлечен к ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ [6], то вопрос с регистрацией индивидуального предпринимателя в случае его дисквалификации или принудительного запрета деятельности остается открытым.

Отдельно стоит обратить внимание на состав, предусмотренный ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ. С позиции юридической техники все предельно понятно: к ответственности по указанной статье можно привлечь субъекта, осуществляющего деятельность без разрешения (лицензии), если таковое обязательно. Однако на практике возникает вопрос: что понимать под осуществлением деятельности? Можно ли расценивать рекламирование отдельных услуг, подлежащих лицензированию, как осуществление деятельности? Судебная практика предлагает квалифицировать рекламу как осуществление деятельности, подлежащей лицензированию, независимо от доказанности факта ее осуществления [7], расценивая включение лицензируемых видов деятельности в перечень оказываемых услуг как предложение заключить договор (т. е. как оферту по смыслу ст. 435 ГК РФ).

Спорным остается вопрос и с привлечением граждан к уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность, если деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере (ст. 171 УК РФ).

Квалифицирующий признак, подтверждающий большую общественную опасность – причинение крупного ущерба либо извлечение дохода в крупном размере, также вызывает нарекания. Это касается, в частности, извлечения крупного дохода субъектом. По смысловой нагрузке доход – квалифицирующий признак, т. е. состав материальный. Указанное обстоятельство ставит под сомнение конструкцию определения «предпринимательская деятельность», сущность которой – извлечение прибыли посредством получения дохода и его использования.

Проведенное исследование позволяет высказать предположение, что возможность совершенствования мер противодействия незаконному предпринимательству кроется не только и не столько в увеличении размера ответственности (что тоже имеет место в действительности), сколько в правоприменительной практике, которая должна получить закрепление на законодательном уровне. Так, для противодействия незаконному предпринимательству необходимо:

- уточнить содержание термина «систематичность» (а именно – определить временные промежутки, когда должны быть совершены действия, что облегчит доказывание факта совершения противоправного деяния);

- определить порядок извещения заинтересованных субъектов о принудительном прекращении их деятельности по инициативе госорганов;

- проработать механизм взаимодействия лицензирующих органов и органов местного самоуправления при проведении проверок по поступающей информации, содержащей сведения о потенциальных нарушениях законодательства;

- установить «оборотные» штрафы за незаконную предпринимательскую деятельность, что позволит соизмерять размер ответственности с размером дохода за определенный период.

Список библиографических ссылок

1. Кабышев О. А. Предпринимательский риск. Правовые вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2017. Доступ из справ.-правовой системы

«КонсультантПлюс»; Чорновол Е. П., Головизнин А. В. Нормативно-правовые, доктринальные и правоприменительные признаки предпринимательской деятельности // Право и экономика. 2016. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Охтин И. В. Незаконная предпринимательская деятельность. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 (ред. от 09.02.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Попов А. В. К вопросу о составе административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 14.1 КоАП РФ (незаконное предпринимательство) // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2. С. 212–221.

6. О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.07.2014 № 47. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.11.2015 № Ф10-4063/2015 по делу № А64-731/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Ростов Д. В., 2019

* * *

**Особенности отношений
участия и управления частных лиц
в деятельности коммерческих организаций**

Рассматривая отношения участия и управления в деятельности юридических лиц, в частности коммерческих организаций, необходимо обратить внимание на некоторые нормы отдельных отраслей права, позволяющие отразить специфику деятельности организации и особенности ответственности участников – юридических лиц (коммерческих организаций). Например, в нормах гражданского права, а именно в ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 71 Закона «Об акционерных обществах» и ст. 44 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» речь идет об ответственности органов управления – юридических лиц, которые причиняют своими действиями (бездействием) ущерб в виде убытков. Что касается уголовного законодательства, то в нем содержатся нормы, касающиеся ответственности за намеренное поведение лица, направленное на сокрытие информации, содержащей финансово-хозяйственную деятельность организации, а также на предоставление заведомо неполной или ложной информации о деятельности юридического лица, тем самым причиняющего своими действиями крупный ущерб как гражданам, так и самой организации или государству в целом (ст. 185.1 УК РФ). Рассмотрев особенности административной ответственности в сфере участия и управления коммерческой организацией (хозяйственным обществом), следует отметить, что она наступает вследствие установления препятствий в осуществлении органами управления своих полномочий по управлению обществом (ст. 15.20 КоАП РФ). Также считаем необходимым проанализировать и нормы трудового права, в которых особенность ответственности заключается в умышленно ненадлежащем исполнении своих должностных (трудовых) обязанностей руководителем (ст. 192 ТК РФ).

Продолжая анализировать пределы юридической ответственности участников юридических лиц, рассмотрим такую организационно-правовую форму существования юридического лица, как хозяйственное общество. Нельзя не отметить, что прослеживается проблема отсутствия должного внимания к специфике ответственности участников данной организации, отвечающих по обязательствам своим имуществом, и это не может не отражаться в материалах судебной практики (п. 1 ст. 56 ГК РФ, п. 1 ст. 3 Закона «Об акционерных обществах», п. 1 ст. 3 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Одним из принципов гражданско-правовой ответственности является обязанность лица (участника, учредителя) нести самостоятельную имущественную ответственность в деятельности коммерческой организации. В сведениях финансовой документации, находящейся в налоговом органе, отражается имущество юридического лица, в частности хозяйственного общества, на которое возможно наложить взыскание. Тем самым предполагается, что именно общество несет перед органом управления имущественную ответственность, учитывая момент создания юридического лица путем внесения записи в Единый государственный реестр юридических лиц (п. 2 ст. 51 ГК РФ).

В связи с этим думается, что закрепление четких функций (задач) участия, управления и контроля за деятельностью коммерческих организаций сформирует ясность в круге полномочий контрольных органов юридического лица, именуя последних наблюдательным советом, а не советом директоров. Нельзя не отметить важный момент: тем самым исключается возможность совмещения должностей при управлении коммерческой организацией, например акционерным обществом или обществом с ограниченной ответственностью.

Что касается отношений, складывающихся между двумя организациями (хозяйственными обществами) и между участниками, представляющими исполнительные органы, необходимо внести коррективы, касающиеся ответственности основных (материнских) компаний по долгам дочерних (ст. 105 ГК РФ). При заключении сделки волю основного общества определяет материнская компания, а именно лица, входящие в состав исполнительных органов, акционер или иной участник с заведомо контрольным пакетом акций (долей) и т. п. Целесообразно отметить, что неясная формулировка норм законодательства, регулирующих отношения участия и управления

коммерческих организаций, неизбежно влечет за собой злоупотребление правом в числе множества неразрешимых правовых ситуаций. Например, отсутствие материальной ответственности за действия участника коммерческой организации при причинении вреда в результате злоупотребления правами. В пункте 2 ст. 10 ГК РФ предусмотрен отказ лицу в защите принадлежащего ему права, это является единственным негативным последствием для него после причинения ущерба для юридического лица. Однако мы полагаем, что этого явно недостаточно. Думается, что помимо отказа в защите злоупотребляемого права необходимо предусмотреть и иные негативные последствия шиканы, делающие крайне невыгодным такое поведение.

В отношении специфики ответственности за причиненные убытки перед учредителями в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества полагаем, что основное общество должно нести не только солидарную, но и субсидиарную ответственность по сделкам, заключенным дочерним обществом в интересах основного общества, так как возмещение убытков в период несостоятельности (банкротства) не представляется возможным по причине отсутствия имущества. В ситуации, когда дочернее общество становится несостоятельным (банкротом) по вине основного общества, последнее несет субсидиарную ответственность за причиненные убытки перед кредиторами, что предусмотрено в п. 3 ст. 6 Закона «Об акционерных обществах» касаясь случаев, если основное общество заведомо знало, что его указания дочернему обществу приведут к его несостоятельности (банкротству) (п. 2 ст. 105 ГК РФ).

Согласно п. 2 ст. 105 ГК РФ, п. 3 ст. 6 Закона «Об акционерных обществах» и п. 3 ст. 6 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» по указаниям основного общества для дочернего, которые являются обязательными для последнего, основное общество отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам. Нельзя не отметить, что указания основного общества (товарищества) являются обязательными для дочернего общества только в случае, когда это право предусмотрено в договоре с дочерним обществом или уставе дочернего общества (п. 3 ст. 6 Закона «Об акционерных обществах»). Но, несмотря на то, что уставом указанная ответственность может быть предусмотрена, привлечь к ней основное общество на практике оказывается достаточно трудно.

Если рассмотреть отношения двух хозяйственных обществ как основного и дочернего, опираясь на положения части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, при заключении определенной сделки, необходимо отметить, что решение по сделке определяет основное общество (товарищество), а принимает дочернее общество, учитывая обязательные указания основного общества. В данном случае требуется пояснение, в каких конкретных случаях это происходит и какова «возможность».

Делая выводы, основанные на анализе судебной практики, отметим, что привлечение к ответственности основного общества является затруднительным, а в случаях, когда это происходит, данные судебные решения обжалуются в судах высшей инстанции. На примере заключения крупных сделок и сделок с заинтересованностью: совершается по решению общего собрания или собрания совета директоров, но не основного общества в зависимости от полномочий органов хозяйствующего субъекта, указанных в уставе. Для этого, думается, нужно прописать в учредительном документе организации, что при заключении договоров основное общество выступает в качестве поручителя по сделкам. Во избежание злоупотреблением своими полномочиями необходимо установить правовые границы правомерности поведения частных лиц в деятельности коммерческих организаций.

Библиографический список

1. Серебрякова, А. В. Законодательство о юридических лицах: перспективы развития / А. В. Серебрякова // Налоговая проверка. – 2009. – № 5. – С. 16–21; № 6. – С. 21–23.
2. Михайлова, А. Н. Правовой статус акционера по законодательству России : дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Михайлова. – Москва, 2006.
3. Телюкина, М. В. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» / М. В. Телюкина. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Тихомиров, М. Ю. Общество с ограниченной ответственностью: организация управления по новым правилам / М. Ю. Тихомиров. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об обществах с ограниченной ответственностью : федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об акционерных обществах : федер. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Ростовцева А. М., 2019

* * *

Д. С. Рудьман

Омская академия МВД России

**Учет пола и возраста ребенка
при разрешении судом вопроса об определении
места жительства несовершеннолетнего
после развода родителей**

Расторжение брака супругов, имеющих несовершеннолетних детей, ставит перед судом ряд важных вопросов, требующих своего разрешения. Одним из таких является вопрос об определении места жительства ребенка после развода родителей. Несмотря на то, что в семейном законодательстве предусмотрена возможность заключения соглашения между супругами, они не всегда к ней прибегают.

В таком случае суд, действуя в интересах ребенка, обязан решить непростую задачу – определить место жительства несовершеннолетнего с одним из родителей. Ситуация осложняется тем, что при рассмотрении данной категории спора в каждом конкретном случае суду необходимо подходить индивидуально, учитывая при этом целый ряд факторов, большинство из которых носят оценочный характер.

В соответствии с п. 3 ст. 65 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) место жительства несовершеннолетнего определяется исходя из его интересов и с обязательным учетом мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет. По верному замечанию А. В. Демкиной, принятие столь важного для ребенка решения вопреки его воле может нанести несовершеннолетнему психологическую травму. Но и безусловное следование мнению ребенка не является правильным. Поэтому в законодательстве и судебной практике выработаны определенные критерии, которые позволяют определить, с кем из родителей оставить ребенка [1, с. 80]. При этом суд принимает во внимание возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (с учетом рода деятельности и режима работы родителей, их материального и семейного положения, имея в виду, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения требований этого родителя), а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей [2].

Учет данных обстоятельств представляется крайне важным. В связи с тем, что большинство из них имеют психологический оттенок, суд вынужден обращаться к помощи специалистов в области психологии, назначая судебно-психологическую экспертизу. В ходе ее проведения устанавливаются личные качества родителей, особенности взаимоотношений между каждым из родителей и ребенком, психологическая совместимость членов семьи и другие аспекты.

При решении вопроса, с кем из родителей оставить ребенка после развода, одним из ключевых факторов является возраст несовершеннолетнего. Не вдаваясь в детали концепций приоритета материнства, а также детоцентризма, не умаляя прав отцов на воспитание

детей, вполне очевидно то, что ребенок в первые годы своей жизни особо нуждается в материнской заботе. И при прочих равных условиях несложно спрогнозировать решение суда, который, очевидно, определит место жительства ребенка с матерью. Однако по мере взросления несовершеннолетнего в случае определения его места жительства ситуация может меняться как в пользу одного родителя, так и в пользу другого. Причем на сегодняшний день наблюдается рост числа судебных споров, в результате которых ребенок остается с отцом [3, с. 3]. Например, во Владимирской области в 2016 г. по 26 делам место жительства ребенка определено с матерью (41 %), по 37 делам – с отцом (59 %) [4, с. 28]. Это вполне нормальная ситуация, учитывая то, что родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (п. 1 ст. 61 СК РФ).

Вместе с тем считаем, что наряду с возрастом ребенка в обязательном порядке необходимо учитывать его пол. При этом данные факторы должны приниматься во внимание в совокупности. В этой части вновь не обойтись без познаний в области психологии и педагогики. Сразу отметим, что в рассматриваемом вопросе никаких закономерностей быть не может. Например, неверно полагать, что место жительства мальчика в возрасте восьми лет в любом случае необходимо определять с отцом, а девочки десяти лет – с матерью и т. д. Данную совокупность следует применять только наряду с другими обстоятельствами, предусмотренными п. 3 ст. 65 СК РФ, с обязательным учетом заключения органа опеки и попечительства, на основании результатов судебно-психологической экспертизы, а также наряду с другими доказательствами по делу.

Так, с точки зрения возрастной психологии и педагогики, если в первые годы своей жизни мальчику нужна преимущественно мать, то начиная с семи лет «проходит поляризация полов» [5, с. 159]. В этот период мальчик начинает превращаться в мужчину и, чтобы стать им в будущем, он «должен познать себя в мире мужчин» [5, с. 189]. Безусловно, присутствие рядом отца и его положительный пример в данном возрасте является очень важным для формирования и развития у мальчика качеств, которые пригодятся ему во взрослой жизни. Напротив, девочки в возрасте от семи до двенадцати лет «обсуждают моды, ведение хозяйства, сближаются с матерью» [5, с. 160].

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что наряду с закрепленными в законодательстве обстоятельствами при решении судом вопроса об определении места жительства несовершеннолетнего после развода родителей также следует учитывать пол ребенка в неразрывной связи с его возрастом, поэтому требуется внести изменения в абз. 2 п. 3 ст. 65 СК РФ, дополнив его указанием на пол. На наш взгляд, данная мера будет способствовать не только вынесению законного и обоснованного решения судом, но и прежде всего созданию наилучших условий для развития и воспитания ребенка.

Список библиографических ссылок

1. Демкина А. В. Споры о детях: место жительства ребенка и порядок осуществления родительских прав // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 76–84.

2. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

3. Колоколов Н. А. Определение места жительства ребенка: судебная практика. Статья 1. Требования к родителям // Мировой судья. 2013. № 4. С. 2–5.

4. Якушев П. А. Учет возраста и пола ребенка при определении его места жительства при раздельном проживании родителей // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 28–31.

5. Ильина Н. А., Хорсанд Д. В. Растить ребенка. Как? СПб., 2010. 400 с.

© Рудьман Д. С., 2019

* * *

Лицензирование предпринимательской деятельности как элемент социализации частного права

Статья 34 Конституции Российской Федерации [1] устанавливает, что граждане свободно определяют сферу своей деятельности, сами решают, каким образом и чем заниматься, по своему усмотрению реализуют свои способности и принадлежащее им имущество.

Развивая идеи, заложенные в Конституции РФ, законодатель в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) формулирует правило, в соответствии с которым являющиеся участниками гражданско-правовых имущественных и личных неимущественных отношений граждане и юридические лица приобретают и осуществляют принадлежащие им гражданские права своей волей и в своем интересе. Законодатель предоставляет физическим и юридическим лицам свободу в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора, подчеркивая при этом, что такая свобода может быть ограничена только нормами федерального закона, причем не произвольно, а в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороноспособности и безопасности государства.

Одной из форм свободной реализации способностей и талантов людей является их участие в предпринимательской деятельности. Раскрывая в ст. 2 ГК РФ суть предпринимательства как самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, законодатель предоставляет возможность физическим лицам (т. е. гражданам, людям) заниматься предпринимательской деятельностью как без образования юридического лица (путем приобретения статуса индивидуального предпринимателя), так и посредством создания юридических лиц (прежде всего – коммерческих организаций).

Осуществление предпринимательской деятельности считается правомерным только после того, как индивидуальный предприниматель или организация пройдут процедуру государственной регистрации. основополагающим нормативным правовым актом, регламентирующим процедуры государственной регистрации индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, является Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 № 129-ФЗ [3].

По общему правилу регистрация индивидуальных предпринимателей и юридических лиц возложена на налоговые органы. Именно они ведут Единый государственный реестр юридических лиц и осуществляют регистрацию индивидуальных предпринимателей. Конструкция государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей предназначена прежде всего для того, чтобы зафиксировать специфику их правового статуса, отличного от статуса гражданина-потребителя, который не является профессиональным участником имущественных отношений, основанных на равенстве участников, их имущественной самостоятельности и автономии воли.

Признание гражданина индивидуальным предпринимателем или фиксация статуса юридического лица никак не ограничивает их возможности к самореализации, но приводят к тому, что данные участники экономических отношений при осуществлении хозяйственной деятельности несут ответственность на началах риска. В соответствии с правилом, сформулированным законодателем в п. 3 ст. 401 ГК РФ, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, в том числе и в сфере сельскохозяйственного производства, при нарушении обязательства несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, под которой законодатель понимает чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства. Это в полной мере отвечает понятиям справедливости и добросовестности. Распространение на предпринимателя, нарушившего свое обязательство, презумпции виновности является своего рода предостережением: если ты профессиональный участник рыночных отношений, то должен соответствующим образом просчитывать все последствия своей деятельности. Оправдания по принципу «не рассчитал», «не подумал», «понадеялся на контрагента» и прочее для предпринимателя не являются основанием для освобождения от ответственности

за причиненный его деятельностью вред, а осуществление предпринимательской деятельности без соответствующей регистрации образует состав административного или уголовного правонарушения.

Помимо установления правила об обязательной государственной регистрации индивидуальных предпринимателей и юридических лиц для отдельных видов деятельности, сопряженных с повышенной опасностью для окружающих, предусмотрен юридический механизм лицензирования. Центральным нормативным актом, регламентирующим вопросы лицензирования отдельных видов деятельности, является Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ [4].

Суть лицензирования заключается в том, что если вы собираетесь заниматься такими видами деятельности, которые представляют потенциальную опасность для здоровья граждан, экологии или сопряжены с другими факторами повышенного риска, то вы должны доказать свое соответствие тем требованиям, которые свидетельствуют о высокой профессиональной подготовленности лиц, осуществляющих рискованные и потенциально опасные хозяйственные операции. Интересы общества, необходимость обеспечения общественной безопасности обуславливают необходимость повышенного контроля за осуществлением такой деятельности. Несомненно, что потенциально опасную деятельность в безопасном режиме могут осуществлять только лица, обладающие соответствующим образованием, компетентностью, имущественной базой и пр.

Процедуры лицензирования отдельных видов деятельности являются своего рода ограничением частного произвола и направлены на согласование интересов отдельного индивида и общества в целом. Желание предпринимателя получить прибыль любой ценой должно ограничиваться недопустимостью причинения вреда другим лицам и общественным интересам. На наш взгляд, такой феномен ограничения частного усмотрения обуславливается тенденцией социализации частного права, суть которой заключается в необходимости поиска взаимоприемлемых компромиссов между интересами индивида и общества в целом [5, с. 138; 6, с. 67].

Предпринимательская деятельность нередко сопряжена с использованием технологий, направленных на повышение производительности труда. Это касается как использования техники и агрегатов, так и химических удобрений, термической обработки собранной

продукции и пр. По большому счету все элеваторы, машинотехнические станции, склады удобрений, ирригационные сооружения (в том числе плотины и водохранилища) и прочее можно отнести к источникам повышенной опасности (подтверждение тому – прорыв плотины в Крымске в 2012 г., пожар на Томиловском элеваторе в Самарской области в 1987 г., длящийся более двух лет).

Несомненно, что требует особого контроля промышленное молоко-товарное и овощеводческое производство, осуществление действий по консервированию плодов и продукции сельского хозяйства. К сожалению, в современной правоприменительной практике в изобилии имеются примеры нарушения технологий приготовления продукции, неумеренного использования пестицидов для повышения урожайности, переход на выращивание генномодифицированных сортов растений, использование в рамках мясного товарного производства несертифицированных в Российской Федерации стимуляторов роста животных, биологически активных добавок и пр. Думается, что только использование юридического механизма лицензирования отдельных видов деятельности, имеющих повышенную опасность для здоровья и благополучия населения, экологии и пр., позволит обеспечить должный уровень безопасности (в том числе и в продовольственной сфере [7, с. 48]), избежать жертв среди населения, предотвратить причинение материального ущерба экологии и экономике нашего региона и страны в целом.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О лицензировании отдельных видов деятельности: федер. закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Садков А. Н. Ограничение свободы договора как элемент социализации норм частного права // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Волгоград, 23 октября 2015 г. / редкол.: А. Н. Садков [и др.]. Вып. 8. Электрон. дан. (6,1 Мб). Волгоград: ВА МВД России, 2016. С. 137–141.

6. Котельников Н. В, Садков А. Н., Мородумов Р. Н. Свободное использование объектов интеллектуальных прав // Вестник Волгоградской академии МВД России: науч.-метод. журн. Волгоград: ВА МВД России, 2018. № 3 (46). С. 66–72.

7. Филиппов П. М., Дронова О. Б. Правовые режимы оборота пищевых продуктов в Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России: науч.-метод. журн. Волгоград: ВА МВД России, 2016. Вып. 1 (36). С. 48–51.

© Садков А. Н., 2019

* * *

В. А. Садков
Волгоградская академия МВД России

Актуальные проблемы нормативно-правового регулирования оборота цифровых валют в Российской Федерации

Анализируя современные тенденции в денежно-кредитной сфере, можно прийти к выводу, что сегодня происходит увеличение количества операций по безналичным денежным расчетам и снижение количества расчетов наличными деньгами. Безналичные расчеты все более востребованы как на профессиональном, так и на бытовом уровне. Необходимое программное обеспечение и доступ в сеть Internet позволяют совершать платежи и денежные переводы практически в любые точки мира, при этом их доступность обуславливает множественность проводимых операций.

Однако в связи с увеличением количества операций посредством безналичных расчетов возникает рост злоупотреблений в сфере безналичного денежного оборота. Этому явлению способствует

то, что в оборот вводятся новые для пользователей способы и формы безналичных расчетов и далеко не все участники денежного оборота ориентируются в принципах работы систем электронных платежей типа «Сбербанк-онлайн», QIWI, Webmoney, Perfect Money, хотя активно ими пользуются.

Одной из форм безналичных расчетов следует считать расчет посредством использования криптовалют. При этом важно отметить, что в настоящее время в России оборот криптовалюты никак не регулируется [1, с. 65].

Под криптовалютой понимают электронные платежные средства, учет которых происходит децентрализованно согласно установленным между пользователями электронных сетей внутренним соглашениям (правилам, протоколам), без какого-либо администрирования с возможностью просмотра всех транзакций, совершаемых любым участником соглашения (системы) [2, с. 147].

Учет операций с криптовалютами реализуется на основе протокола blockchain (цепочки блоков). Blockchain является специфическим способом расчетов контрольных сумм блока транзакций, используемых в компьютерной сети для подтверждения корректности обмена данными. По протоколу blockchain каждый последующий блок данных уже содержит контрольную сумму предыдущего блока, что предопределяет отсутствие риска потери блока данных. В соответствии с принятым всеми участниками компьютерно-сетевыми взаимодействиями протоколом на компьютерном диске каждого участника системы хранится копия общей базы транзакций, элементы которой синхронизируются между собой во время формирования очередного блока.

Следует отметить, что сегодня наиболее распространенной криптовалютой в мире следует считать Bitcoin. Система Bitcoin представляет собой полностью децентрализованную сеть без единого административного управления. Это пиринговая система электронной наличности, использующая для расчетов виртуальную (цифровую) валюту. Для обналачивания Bitcoin используются специальные площадки.

Следует помнить, что цифровую валюту можно использовать только там, где ее готовы принимать. Столкнувшись с новым и непонятным криптовалютным рынком, во многих странах регуляторы не предпринимали каких-либо действий, направленных на урегулирование данного сегмента общественных отношений, и просто

наблюдали, когда оборот в сфере использования криптовалюты приблизится к зоне риска. При этом анализ информационных обзоров оборота криптовалюты в различных странах свидетельствует, что сегодня в мировом сообществе единых стандартов в регулировании оборота цифровых валют нет. Национальные центральные банки в этой сфере используют различные методы регулирования, от формального разрешения и применения общих принципов регулирования в сфере цифровых платежей (включая рекомендации для индустрии о возможных рисках, исследования в данной области и пр.) до полного запрета такой деятельности. Нередко национальные регуляторы практикуют установление регулятивных запретов или установление налога на операции с криптовалютами, что в конечном счете приводит к невыгодному (неэффективному) их использованию в платежной индустрии. В ряде стран был введен налог на добавленную стоимость (далее – НДС) (или налог с продаж) на операции с криптовалютой, как на операции с бартером [3, с. 22], что выступило серьезным сдерживающим фактором, существенно ограничивающим оборот криптовалют.

Однако в октябре 2015 г. Европейский суд вынес решение о недопустимости неприменения НДС к операциям с криптовалютой, что ознаменовало смягчение регулятивного режима оборота криптовалют в Европейском союзе. Такое смягчение регулятивного оборота криптовалюты стало практиковаться после заявления правительства Японии о допустимости использования Bitcoin в коммерческом обороте.

Процесс расчетов с использованием криптовалюты происходит быстро, удобно и дешево. Контрагентам нет необходимости для проведения взаиморасчетов открывать банковские счета. Именно по этой причине эксперты изучают возможности использования цифровых валют как инструмента оплаты.

Однако, помимо положительных моментов, касающихся использования криптовалюты, следует помнить, что по большому счету криптовалюта – это материально не подкрепленный виртуальный цифровой денежный суррогат. В настоящее время механизмы защиты прав потребителей при использовании криптовалюты только разрабатываются. Сегодня достаточно высока вероятность использования криптовалют для преступных целей, что обуславливается отсутствием эффективного контроля над законностью проводимых транзакций.

Думается, что цифровые валюты являются весьма неоднозначным по эффективности финансовым инструментом, однако в реальности использование криптовалюты в мировом масштабе неуклонно растет. Мы полагаем, что разработка эффективных правовых механизмов, опосредующих оборот криптовалюты в Российской Федерации, является одной из важнейших перспективных задач, стоящих перед современным российским законодателем.

Список библиографических ссылок

1. Савинский С. П. Криптовалюты и их нормативно-правовое регулирование в КНР // Деньги и кредит. 2017. № 7. С. 65–67.
2. Садков В. А. Проблематика нормативно-правового регулирования оборота цифровых валют в Российской Федерации // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. науч. тр. Всероссий. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 27 октября 2017 г. Волгоград: ВА МВД России, 2018. Вып. 10. С. 146–148.
3. Кузнецов В. А., Якубов А. В. О подходах в международном регулировании криптовалют (Bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях // Деньги и кредит. 2016. № 3. С. 20–29.

© Садков В. А., 2019

* * *

Д. Ш. Сам

Барнаульский юридический институт МВД России

Ограничение свободы родителей в выборе имени как инструмент защиты детства

Идея поиска и формирования эффективной системы социального взаимодействия насчитывает период, сравнимый со сроком существования человечества. Но в современных условиях вопрос идентификации личности вышел на новый уровень, выступив, с одной стороны, институтом идентификации конкретного человека, а с другой –

проявлением его личности и, как ни странно, свободой волеизъявления его родителей. В древности говорили «Nomen est omen» (лат.), или «Имя определяет судьбу». Как отметил американский психолог Эрик Берн: «Имена, которыми одаривают младенца родители, часто отражают желание видеть его в будущем тем или иным» [1, с. 62]. Большое значение имени придают традиционные семьи. Здесь в имя вплетаются части: «хан» – хозяин, «алтын» – золото, «бек» – господин и т. п. Например, имя «Султанбек» содержит двойную презентацию силы (правитель+господин). Считается, что почтенный род должен обладать и соответствующей фамилией. Так, имя автора данной статьи в переводе с тувинского языка означает «блестящий», «повелитель, руководитель».

В советском прошлом России имена также были весьма символичны: Вилена (В. И. Ленин), Даздраперма (да здравствует Первая мая), Ким (Коммунистический интернационал молодежи). Несколько иной подход в западной цивилизации, где имя – исключительно вопрос индивидуализации и первоначальное значение имен либо утеряно, либо деформировано. Так, ст. 8 Конвенции о правах ребенка провозглашает обязанность государства уважать право ребенка на сохранение *индивидуализации* с помощью имени.

Но все ли здесь гладко и не вступает ли эта свобода родителей в противоречие со свободой и законными интересами самого ребенка? Возможно ли здесь вмешательство государства, политика которого по определению направлена на расширение социальных связей индивида и имеет целью всестороннее развитие, формирование свободной личности? Хватит ли здесь только защиты?

Попытаемся ответить на поставленные вопросы начиная с последнего. При понимании защиты наибольшее распространение получил деликтно-хронологический подход, подразумевающий применение мер защиты уже после факта нарушения прав. Очевидно, что здесь он неприменим, так как в большинстве случаев придется ждать 14-летия для смены имени! Значит, нужно реализовывать именно охрану интересов ребенка, не давая даже шансов исковеркать его *omen* (судьбу).

Действительно, исследования показывают, что дети с редкими именами по сравнению со сверстниками имеют значительные трудности в социализации, повышенные шансы стать аутсайдерами в коллективе, а значит: низкую самооценку, стрессы, конфликты –

и не хотелось бы даже прогнозировать, чем это может закончиться, дети – весьма жестокие создания, особенно когда встречают кого-то непохожего на других. Более того, использование социальных сетей может создать проблемы в будущем, когда ребенок повзрослеет [2, с. 84].

До недавнего времени инструментов такой охраны «права на имя» практически не было. Конечно, в отдельных, наиболее резонансных случаях вступался суд, но таких дел – единицы. Известен случай, когда суд запретил регистрацию в органах ЗАГС имени «БОЧ рВФ 260602», означающего не что иное, как «биологический объект рода Ворониных-Фроловых с датой рождения 26.06.2002». При этом родители, что называется, «встали в позу» и ребенок несколько лет жил без имени и документов, пока метрику и паспорт ему не выдала международная организация «Всемирное Правительство Граждан Мира», что тоже выступает определенного рода фикцией.

На самом деле существует широкая международная практика ограничения таких неадекватных имен. Наиболее часто приводится конкретный список, например, в Новой Зеландии. Более импонирует нам подход Республики Беларусь, где нормы семейного кодекса запрещают использовать имена, которые противоречат нормам морали и национальным традициям. Тем более, что имя ребенка в России – всегда больше, чем просто индивидуализация, это элемент его социализации [3, с. 75].

В России данный вопрос был частично разрешен 21.04.2017. Государственной Думой РФ был принят Федеральный закон № 94-ФЗ «О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона „Об актах гражданского состояния“», где указано: «...при выборе родителями имени ребенка не допускается использование... цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов... либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы». При этом фамилия ребенка должна исходить от фамилии (фамилий) родителей.

Разобравшись с несуразным именем «БОЧ рВФ 260602», оценим допустимость употребления таких имен, как «Аббадон», «Вельзевул», «Хоббит» и пр. Они могут существенно осложнить жизнь ребенку.

С другой стороны, формально становятся запрещены такие имена, как «Орхан» (верховный полководец), «Бек» (князь), «Бектуган» (родственник князя), «Октай» (судья) и еще несколько десятков имен! И это только у народов тюркской группы. А как быть еще с более чем сотней национальностей со своими традициями? Здесь опыт Республики Беларусь более приемлем.

В связи со сказанным мы предлагаем изложить п. 2 ст. 58 ГК РФ в следующей редакции: «Имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальном обычае. При выборе родителями имени ребенка не допускается использование в его имени цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака „дефис“, или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы, *если иное не основано на национальной традиции. Не допускается использовать имена, которые противоречат нормам морали и общепринятым национальным традициям*».

Список библиографических ссылок

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: ЭКСМО, 2003. 168 с.
2. Чесноков А. А. Некоторые проблемы реализации информационных прав граждан РФ // Гражданское общество и правовое государство. 2013. Т. 1. С. 82–84.
3. Семейное право: учебник / Р. Н. Кузнецов [и др.]. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2016. 220 с.

© Сат Д. Ш., 2019

* * *

**Правовой статус лица,
замещающего должность руководителя
аффилированного акционерного общества:
уголовно-правовой и гражданско-правовой аспекты**

Сущность частного права всегда оттеняется назначением публичного права. Гражданское право в деятельности сотрудников полиции и в правоохранительной сфере в целом имеет огромное значение, так как предоставляет частноправовые основы для квалификации того или иного правонарушения, особенно в уголовно-правовой реальности.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы, исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия) (постановления от 27.05.2003 № 9-П, 27.05.2008 № 8-П, 13.07.2010 № 15-П и др.). Тем самым в уголовно-правовых отношениях обеспечивается реализация принципов справедливости (преамбула Конституции Российской Федерации, ст. 6 УК РФ) и равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации, ст. 4 УК РФ) [1].

В свою очередь из текста примечания 1 к ст. 285 УК РФ следует, что должностными лицами в статьях гл. 30 УК РФ признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям,

а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Иными словами, в примечании 1 к ст. 285 УК РФ речь идет о субъектах частного права – акционерных обществах, но которые могут напрямую влиять на хозяйственные и иные интересы государства или местного самоуправления. В настоящий достаточно сложный период такого рода корреляции относятся к области национальной безопасности, и поэтому меры ответственности, применяемые к руководителям коммерческих организаций (прежде всего в отношении акционерных обществ), должны быть такими же, как и в отношении должностных лиц.

Легальное определение «контрольный пакет акций» законодательством не предусмотрено. Вместе с тем в теории и практике хозяйственных отношений под контрольным пакетом акций понимается определенное количество обычных акций, принадлежащих одному акционеру и составляющих более 50 % от общего числа всех обыкновенных акций (50 % и 1 акция либо более 1 акции), что предоставляет данному акционеру большинство голосов и легально закрепляет приоритетность мнения данного акционера при голосовании относительно того или иного вопроса.

На основании ст. 32 Закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ акционеры – владельцы привилегированных акций общества не имеют права голоса на общем собрании акционеров, если иное не установлено Законом № 208-ФЗ. Исключениями являются случаи, когда интересы акционеров с привилегированными акциями затрагиваются напрямую: при разделении, выделении, иной реорганизации или ликвидации акционерного общества, при решении вопросов о публичности или непубличности акционерного общества, а также при обращении в Банк России по поводу обязанности раскрытия или предоставления информации о ценных бумагах. Кроме того, уставом непубличного акционерного общества могут быть предусмотрены и иные случаи предоставления права голоса владельцам привилегированных акций в соответствии с п. 6 ст. 32 Закона № 208-ФЗ.

Например, принадлежащие АО «Концерн «Центральный научно-исследовательский институт «Электроприбор» 38 380 обыкновенных акций составляют 50,6667 % от общего числа обыкновенных акций и являются контрольным пакетом акций, позволяющим осуществлять управление АО АПЗ «Ротор» как дочерним по отношению

к АО «Концерн «Центральный научно-исследовательский институт «Электроприбор» акционерным обществом согласно Уставу АО АПЗ «Ротор», несмотря на то, что в этом же документе АО АПЗ «Ротор» по отношению к АО «Концерн «Центральный научно-исследовательский институт «Электроприбор» является зависимым юридическим лицом [2].

Иными словами, владельцем более 50 % простых акций АО АПЗ «Ротор» является АО «Концерн «Центральный научно-исследовательский институт «Электроприбор», который в свою очередь принадлежит Российской Федерации. На практике достаточно часто контрольные пакеты акций в соответствующих акционерных обществах принадлежат другим юридическим лицам, имеющим прямую связь с публичными образованиями. Однако руководитель АО АПЗ «Ротор» по смыслу примечания 1 к ст. 285 УК РФ должностным лицом не является.

Вместе с тем решения, принимаемые генеральным директором подобного акционерного общества, имеют прямое отношение к федеральным государственным интересам вплоть до полного противоречия.

Также необходимо констатировать, что в соответствии с нормами Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [3] должность генерального директора зависимого или дочернего акционерного общества при наличии государственных или иных публичных интересов ни к государственной, ни к государственной гражданской, ни к военной либо иной службе не относится.

По мнению автора, к руководителю рассматриваемых аффилированных акционерных обществ возможно применить ст. 201 или ст. 201.1 УК РФ, если речь идет о выполнении обязательства, связанного с оборонным заказом. Но при всем при том как должностные лица такая категория генеральных директоров рассматриваться не будет.

Таким образом, лицо, замещающее должность генерального директора зависимого или дочернего акционерного общества, акции которого Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям напрямую не принадлежат, должностным лицом не является, а нормы статей гл. 30 УК РФ к нему неприменимы. Его незаконные действия возможно квалифицировать

лишь по ч. 3 ст. 160 УК РФ или по ст. 201 УК РФ, а в случае выполнения оборонного заказа также возможно применение ст. 201.1 УК РФ, исходя из деталей развития ситуации.

Резюмируя, необходимо констатировать, что в правоприменительной практике полноценно функционируют аффилированные акционерные общества, находящиеся в абсолютной либо в относительной зависимости от публичных образований. Правовой статус руководителей акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям (абсолютно зависимые акционерные общества) не вызывает сомнений. Однако вопрос о правовом статусе руководителей акционерных обществ, находящихся в относительной зависимости от публичных образований, по причине наличия контрольного пакета акций у абсолютно зависимых от публичных образований акционерных обществ вызывает вопрос у правоохранительных органов ввиду недостаточной определенности такового. В качестве предложения представляется целесообразным руководителей зависимых и дочерних акционерных обществ, аффилированных с акционерными обществами, контрольный пакет акций которых принадлежит публичным образованиям, рассматривать в качестве должностных лиц путем прямого указания в законе в целях упорядочивания отношений по привлечению виновных к ответственности за совершение должностных правонарушений (преступлений).

Список библиографических ссылок

1. Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1096-О. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.05.2018).
2. Устав АО АПЗ «Ротор» // Официальный сайт АПЗ «Ротор». URL: <http://apzrotor.ru> (дата обращения: 25.05.2018).
3. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.05.2018).

© Странцов А. А., 2019

* * *

Проблемы применения законодательных норм о производственных кооперативах

На протяжении последних трех лет, начиная с 2016 г., политика Президента страны и Министерства финансов России ориентирована на повышение собираемости доходов в бюджет через увеличение налоговой нагрузки. Немалую роль в налоговых отчислениях предпринимателей составляют зарплатные налоги.

В поисках различных способов оптимизации налогообложения представители бизнеса стали активно проводить трансформацию действующих хозяйственных обществ в иные организационно-правовые формы путем регистрации новых компаний. Многие предприниматели для легализации «серой» заработной платы и получения экономической выгоды при уплате страховых взносов обратились к такой конструкции юридического лица, как производственный кооператив.

Кооперативное движение зародилось в Российской империи в 1865 г., когда было создано ссудо-сберегательное товарищество в селе Рождественском Дороватской волости Ветлужского уезда Костромской губернии. По числу кооперативов и членов в них Россия в начале XX века заняла первое место в мире. В большей части развивались потребительские, производственные, кредитные и сельскохозяйственные кооперативы. Во времена СССР ввиду повсеместного жесткого государственного регулирования деятельность производственных и кредитных артелей была не актуальна, а вершиной развития сельскохозяйственной кооперации изображались колхозы. В конце 80 гг. на фоне ослабления государственного контроля кооперативы стали основной организационно-правовой формой легализованной предпринимательской деятельности в СССР. 26 мая 1988 г. был принят Закон СССР «О кооперации в СССР», разрешивший кооперативам заниматься любыми не запрещенными законом видами деятельности, в том числе и торговлей [1].

В современной России с середины 90 гг. прошлого столетия четко прослеживается политика государственной поддержки кооперации.

Нормы о регулировании отношений кооператоров содержатся в Гражданском кодексе РФ и федеральных законах об отдельных видах кооперативов.

Статья 106.1 Гражданского кодекса РФ определяет, что производственным кооперативом (артелью) признается добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности (производство, переработка, сбыт промышленной, сельскохозяйственной и иной продукции, выполнение работ, торговля, бытовое обслуживание, оказание других услуг), основанной на их личном трудовом и ином участии и объединении его членами (участниками) имущественных паевых взносов [2].

Важнейшими принципами построения взаимодействия пайщиков в кооперативе являются самоуправление и равноправие его членов независимо от размера пая. Это в полной мере отражено в положениях Федерального закона от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах». Данный нормативный акт регламентирует порядок образования, реорганизации и ликвидации производственного кооператива, права и обязанности его пайщиков, правовой режим имущества компании, управление, регулирование трудовых отношений. Закон состоит из 29 статей. Для сравнения: в Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» содержится 59 статей.

Стремление современных предпринимателей облечь свой бизнес в форму производственного кооператива вызвано не только возможностями получения налоговых преференций, но и преимуществами от использования положения члена трудового коллектива, обладающего равными со всеми пайщиками правами и заинтересованного в качестве и скорости получения результата от хозяйственной деятельности компании. Такое положение членов кооператива на практике действительно имеет положительный эффект в виде увеличения роста производительности труда.

В документе «Проект основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов», размещенном на сайте Министерства финансов РФ 11.07.2018 среди прочих стратегических приоритизаций расходов бюджета, названа деятельность, направленная на увеличение темпов роста производительности труда [3].

Практическое применение положений Федерального закона «О производственных кооперативах» на примере строительной организации, существующей в данной организационно-правовой форме, подтверждает необходимость внесения корректировок в данный нормативный акт.

Как установлено ст. 1 Закона № 41-ФЗ, участие членов производственного кооператива может быть основано на паевом, личном трудовом и ином участии пайщика.

Далее вышеназванный Закон не содержит какой-либо расшифровки или критериев, указывающих на то, в чем может заключаться иное участие пайщика в деятельности кооператива. Ряд действующих на территории Российской Федерации производственных кооперативов интерпретирует иное участие члена кооператива как возможность внесения пайщиком имущества, необходимого для хозяйственной деятельности компании. По результатам использования имущества в производственной деятельности за какой-то определенный период пайщику начисляется соответствующая оплата. В качестве нормативного обоснования возможности проведения подобных финансовых операций с таким использованием иного участия пайщика компании используют положения устава, которые, по сути, не основаны на положениях Федерального закона № 41-ФЗ.

Некоторые кооператоры закрепляют в уставе другой подход к данному вопросу. В учредительном документе прописывается, что любое участие пайщика в хозяйственной деятельности производственного кооператива через предоставление для этого имущества признается оплатой паевого взноса и за использование такого имущества выплачиваются дивиденды.

Существование на практике двух совершенно разных подходов к трактованию законодательства возникло вследствие неоднозначности нормативного регулирования обозначенного вопроса. Учитывая, что на сегодняшний день законодатель не давал никаких официальных разъяснений относительно такой ситуации, а правоприменительная практика в виде судебных решений по таким спорам отсутствует, вопрос представляется актуальным.

Таким образом, во избежание неясностей в применении положений Федерального закона «О производственных кооперативах» считаем целесообразной и важной необходимостью внести в него изменения в части указания критериев такой формы участия пайщиков, как «иное участие».

Положениями п. 2 ст. 8 Закона № 41-ФЗ установлено, что при вступлении в производственный кооператив пайщик обязан оплатить паевой взнос. В дальнейшем член кооператива получает дивиденды на оплаченный им пай.

Положениями указанной выше статьи также установлено, что пайщиком может быть оплачен дополнительный взнос в паевой фонд кооператива. Закон не разграничивает правовое регулирование между основным паевым взносом пайщика и дополнительным.

На практике при распределении прибыли в производственном кооперативе возникает необходимость наличия дополнительных механизмов регулирования начислений. Таким механизмом могло бы быть различное правовое регулирование основного паевого взноса пайщика и дополнительного. Разграничение паев необходимо установить в части правовых последствий по начислению дивидендов. Введение такого разграничения никак не повлияло бы на правовую суть кооперативов, при этом бы существенно увеличило их привлекательность как формы ведения бизнеса.

Статья 10 Федерального закона № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» устанавливает, что паевые взносы членов кооператива образуют паевой фонд. Размер паевого фонда устанавливается уставом кооператива.

Далее в п. 1 ст. 7 указанного закона определено, что пайщик имеет право выйти из производственного кооператива, получив причитающиеся ему выплаты.

В силу п. 4 ст. 9 Закона о кооперативах пайщик имеет право передать свой пай либо его часть другому пайщику кооператива.

Законодательство прямо не устанавливает право пайщика передать свой пай кооперативу.

Таким образом, в настоящее время представляется, что размер паевого фонда кооператива должен быть равен сумме паев, которыми владеют пайщики, и должен быть зафиксирован в уставе компании.

Однако такой подход представляется сложным в исполнении. Если в производственном кооперативе состоит, например, 300 или более пайщиков, состав которых регулярно меняется, тогда устав кооператива нужно менять в части актуализации размера паевого фонда почти каждый месяц, а то и чаще.

Действующие кооперативы решают данный вопрос на свое усмотрение, индивидуально, устанавливая уставом правила формирования паевого фонда.

Паевой фонд кооператива определяет минимальный размер имущества кооператива, гарантирующего интересы его кредиторов (п. 3 ст. 10 Закона № 41-ФЗ).

В связи с изложенным представляется, что вопросы возможности и порядка передачи паев пайщиками производственному кооперативу должны быть обязательно отрегулированы на уровне федерального законодательства.

Перечисленные выше проблемы применения действующей редакции Федерального закона «О производственных кооперативах» являются только малой долей задач, с которыми ежедневно сталкиваются современные кооператоры. Однако, наблюдая за российскими предпринимателями, которые с упорством и оптимизмом преодолевают все имеющиеся препятствия, видится, что в скором времени большая доля малого бизнеса будет существовать в форме производственных кооперативов. Остается только полагать, что законодатель обратит внимание на данную тенденцию и приведет указанный Федеральный закон в соответствие с существующими потребностями предпринимателей.

Список библиографических ссылок

1. Кооператив. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 03.10.2018).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 248.

3. Проект основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов: проект документа. URL: <https://www.minfin.ru> (дата обращения: 03.10.2018).

© Строкина М. В., 2019

* * *

Правовое регулирование электронных средств платежей

Государственная программа России «Информационное общество (2011–2020 годы)» [1] предусматривает взаимодействие традиционных институтов банковского, гражданского и финансового права с новыми информационными технологиями, где участниками этих отношений выступают не только специализированные участники рынка, но и простые граждане, для которых одним из наиболее востребованных является применение электронных средств платежей (далее – ЭСП).

Внедрение платежной карты «Мир» – одно из направлений развития и расширения сферы применения ЭСП [2]. В соответствии с законодательством субъекты предпринимательской деятельности, выручка которых от реализации товаров (работ, услуг) за предшествующий календарный год превышает 40 млн руб., обязаны использовать национальные платежные инструменты [3, ст. 16.1]. Исключением из этого правила является отсутствие доступа к подвижной радиотелефонной связи и (или) Интернету.

За неисполнение продавцами (исполнителями) указанных обязанностей предусмотрена административная ответственность. Подтвердить данный тезис можно на примере материалов судебной практики. Так, правовая позиция Девятого арбитражного апелляционного суда сводится к тому, что вопрос о наличии у потребителя банковской карты национальной платежной системы «Мир» (эмиссия которых началась 15.12.2015) имеет существенное значение для установления наличия в деянии субъекта предпринимательской деятельности состава правонарушения, так как непредоставление продавцами (исполнителями) возможности потребителям оплаты товаров (работ, услуг) безналичным расчетом по картам международных платежных систем Visa и MasterCard не является нарушением законодательства Российской Федерации [4].

Система электронных кошельков – самое распространенное средство платежа в России. По данным исследования РосИндекс, в Российской Федерации действует четыре крупных ЭСП: Visa

QIWI Wallet, Yandex Money, PayPal и WebMoney Transfer (далее – WebMoney) [5].

Пользователи указанных платежных систем сталкиваются с блокировкой своих электронных кошельков независимо от того, персонифицирован владелец кошелька или нет. Применение блокировок определено законодательством [6, п. 1.1 ст. 7]. При совершении операции с денежными средствами, превышающими установленный лимит, проводится идентификация клиента.

Платежные системы обосновывают данное поведение тем, что блокировка производится в связи с возникшими сомнениями в том, что денежные средства используются именно пользователем. Анализ судебной практики, связанный с защитой прав и законных интересов пользователей электронных кошельков, показывает, что блокировка электронных кошельков признается правомерной, так как пользователи не представляют доказательства, свидетельствующие об обратном [7]. При этом во избежание умножения споров с физическими лицами желательно предусмотреть возможность снятия заблокированных денежных средств при личном обращении получателя (физического лица) и предоставлении документов, позволяющих его идентифицировать.

Другой проблемой является наследование электронных платежных счетов, так как на законодательном уровне данный вопрос пока не урегулирован. Как отмечает Е. А. Кириллова, «в платежных системах, равно как и в других интернет-сервисах, отсутствует процедура верификации, что в дальнейшем не позволяет идентифицировать владельца (наследодателя) и затрудняет переход к наследникам электронного счета» [8]. Следует отметить, что в некоторых случаях пользователь использует при регистрации онлайн-кошелька свои персональные данные (Ф. И. О., дату рождения, город), на основании которых в случае необходимости можно будет осуществить свои законные наследственные права. Так, в системе WebMoney пользователи получают индивидуальный номер (WMID). Между пользователями электронной платежной системы осуществляется обмен имущественными правами, которые они впоследствии могут предъявить к представителям ЭСП, чтобы осуществить обмен титульных знаков на наличные денежные средства.

Однако в теории и практике отсутствует единый подход к определению основных понятий и природы используемых виртуальных

денежных инструментов в вопросах правового регулирования наследования электронных платежных счетов [9]. Виртуальные денежные единицы, используемые в ЭСП, называют электронными деньгами, цифровой наличностью, prepaid-продуктами, хранимой стоимостью и многими другими понятиями. Обозначенная ситуация приводит к затруднению в определении наследственного имущества, так как с точки зрения правового регулирования это совершенно разные объекты. М. В. Телюкина утверждает, что при электронных платежных счетах используются виртуальные денежные единицы. К данным отношениям применимы положения обязательственного права. Поэтому электронные денежные счета должны входить в состав наследства как права, вытекающие из договоров, заключенных наследодателем [10].

В платежной индустрии разработаны технологические решения, способствующие защите денежных потоков от противоправных посягательств. Однако наблюдается некоторый прирост числа несанкционированных транзакций, осуществленных посредством сети Интернет, а также средств мобильной связи. Следует согласиться с С. В. Бажановым, который предлагает переработать положения ст. 9 Закона № 161-ФЗ и ряда норм других законодательных актов в целях формирования реально работающей системы остановки и возврата платежей. Для этого Банку России в масштабах национальной платежной системы следует нормативно урегулировать такое понятие, как запрос отмены перевода. Подобные запросы должны быть стандартными и производиться в режиме реального времени, обрабатываясь всеми участниками рынка переводов [11].

Таким образом, внесение изменений в правовое регулирование института использования ЭСП обеспечит эффективное правоприменение и решение вопросов денежного обращения.

Список библиографических ссылок

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014, с изм. и доп. от 17.02.2018 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2159.

2. Стратегия развития национальной платежной системы // Вестник Банка России. 2013. № 19. С. 31–34.

3. О внесении изменений в статью 16.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «О национальной платежной системе»: федер. закон от 01.05.2017 № 88-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 18. Ст. 2665.

4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2017 № 09АП-9557/2017 по делу № А40-228429/16. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2018).

5. Индикаторы пользования электронными платежными системами по данным регулярного исследования РосИндекс. URL: <http://www.ipsos-comcon.ru> (дата обращения: 10.10.2018).

6. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 07.08.2001, с изм. и доп. от 18.04.2018 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

7. Решение Головинского районного суда г. Москвы от 21.05.2014 по делу № 2-1660/2014; Решение Люберецкого городского суда Московской области от 22.01.2015 по делу № 2-594/2015. URL: <http://www.caselook.ru> (дата обращения: 12.10.2018).

8. Кириллова Е. А. Проблемы наследования электронных платежных счетов // Наследственное право. 2017. № 3. С. 28–31.

9. Шевчук М. В. Правовая природа электронных денежных средств // Юрист. 2012. № 12. С. 30–34.

10. Телюкина М. В. Глава 65. Наследование отдельных видов имущества // Законодательство и экономика. 2012. № 11. С. 18–30.

11. Бажанов С. В. Регистрация и использование электронных средств платежа // Право и экономика. 2018. № 1. С. 64–71.

© Фазлиева Л. К., 2019

* * *

Баланс интересов как основание распределения рисков гражданско-правовой ответственности

Необходимость распределения рисков гражданско-правовой ответственности становится актуальной для всех участников гражданского оборота. Учет баланса интересов участников гражданских правоотношений приобретает первостепенное значение, в том числе и в вопросах распределения риска несения негативных последствий. Преобладающая в современных правовых порядках идея так называемой дистрибутивной и корректирующей справедливости подразумевает, что тот, кто извлекает выгоды от деятельности, которая создает риск причинения вреда, должен нести бремя ответственности за нее. Рассмотрим основные проблемы, возникающие в случаях законного и договорного перераспределения рисков ответственности.

В контексте законного перераспределения рисков гражданско-правовой ответственности используется концепция дистрибутивной справедливости. В ее основе лежит принцип законодательного распределения мер гражданско-правовой ответственности. При этом сама дистрибутивная справедливость обуславливается максимальной защитой интересов пострадавшей стороны.

Классическим примером «включения» дистрибутивной справедливости выступает субсидиарная ответственность. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 399 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), если основной должник отказывается удовлетворять требования кредитора или в разумный срок не отвечает на это требование, то оно предъявляется лицу, которое несет субсидиарную ответственность. Так, риск распределения ответственности может ложиться на поручителя при обеспечении исполнения обязательства (ст. 363 ГК РФ); на хозяйственное товарищество или общество в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного (п. 2 ст. 67.3 ГК РФ); на участников полного товарищества (п. 1 ст. 75 ГК РФ); на членов крестьянского (фермерского) хозяйства (п. 4 ст. 86.1 ГК РФ) и производственного (ст. 106.1 ГК РФ) и потребительского (ст. 123.3 ГК РФ) кооператива; на собственника учреждения (п. 3 ст. 123.21

ГК РФ) или казенного предприятия (п. 6 ст. 113 ГК РФ) в предусмотренных случаях; на законного представителя при причинении вреда несовершеннолетними от 14 до 18 лет и в других случаях, предусмотренных законом. Ответственность юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником, также относится к случаям, когда законом обязанность возмещения возлагается на лицо, не являющееся непосредственным причинителем вреда.

Указанные примеры законодательного перераспределения рисков гражданско-правовой ответственности носят так называемый первичный характер. Закон может предусмотреть вторичные и последующие условия такого перераспределения рисков с учетом баланса интересов. Например, при причинении вреда жизни и здоровью потерпевшего, если опекун умер либо не имеет достаточных средств для возмещения вреда, а причинитель обладает такими средствами, то суд может принять решение о возмещении вреда полностью или в части за счет причинителя (п. 3 ст. 1076 ГК РФ). Аналогичные правила содержатся в положениях о гражданско-правовой ответственности малолетних (абз. 2 п. 4 ст. 1073 ГК РФ), граждан, не способных понимать значения своих действий (абз. 2 п. 1 ст. 1078 ГК РФ). При таких обстоятельствах суд, учитывая имущественное положение потерпевшего и причинителя, имеет право перераспределить ответственность. Риск таких негативных последствий может переходить на указанную категорию лиц.

В гражданском законодательстве содержатся иные нормы, а также юридические конструкции, позволяющие на законодательном уровне перераспределить риски гражданско-правовой ответственности. В частности, при общем правиле ответственности причинителя вреда в состоянии крайней необходимости, при определенных обстоятельствах суд имеет право возложить обязанность по возмещению вреда на третье лицо, в интересах которого действовал причинитель (ст. 1067 ГК РФ). Юридические конструкции права регресса (ст. 1081 ГК РФ) и суброгации (ст. 965 ГК РФ) также позволяют влиять на риски перераспределения гражданско-правовой ответственности к непосредственному причинителю вреда.

Случаи законодательного применения мер строгой (*strict liability*) гражданско-правовой ответственности (независимо от вины) также строятся по принципу «баланса интересов», где «тот, кто извлекает пользу либо получает прибыль от осуществления данных видов

деятельности, должен нести и бремя от ее осуществления» [1, с. 87], в том числе и посредством наступления соответствующих негативных последствий. Подразумевается, что лицо, которое несет повышенную юридическую ответственность, является более сильной стороной и автоматически берет на себя риск ответственности, даже в том случае, когда по общему правилу оно и не должно нести эту ответственность.

К случаям строгой (внедоговорной) гражданско-правовой ответственности по действующему гражданскому законодательству следует отнести:

1. Причинение вреда при осуществлении предпринимательской деятельности. Риск угрозы причинения вреда в сфере осуществления предпринимательства выше, чем в «обычном» гражданском обороте и обусловлен характером и спецификой самой деятельности. Соответственно, уязвимость нарушения субъективных прав контрагентов-предпринимателей в обязательственных отношениях обеспечивается за счет предъявления повышенных требований к их осмотрительности и заботливости.

Частным случаем причинения вреда в предпринимательской деятельности выступает возможность причинения вреда вследствие недостатков товара, работ и услуг. С позиции теории «баланса интересов» такая ответственность выступает как своеобразная компенсация потребителю «экономического неравенства», выраженного в отклонении товарно-денежных отношений, опосредуемых обязательствами предпринимателей, с одной стороны, и потребителей результатов их деятельности – с другой. Риски возможного причинения вреда вследствие недостатков товаров, работ и услуг ложатся на более сильную сторону в таких отношениях.

2. Причинение вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, уже по своей юридической природе свидетельствует о высокой степени угрозы безопасности для субъектов правоотношений. В связи с эксплуатацией источника повышенной опасности риск причинения вреда возрастает, поэтому закон (ст. 1079 ГК РФ) предъявляет к их владельцам повышенные требования внимательности и осмотрительности.

Обратимся к сфере договорных отношений участников гражданского оборота в контексте концепции распределения рисков гражданско-правовой ответственности.

В договорных отношениях гражданско-правовая ответственность определяется императивными нормами в отношении к конкретному обязательству и соглашению сторон, исходя из диспозитивных нормативных предписаний. Иными словами, риски гражданско-правовой ответственности за нарушение договора определяются законом или самими участниками соглашения.

В основе договорного распределения рисков гражданско-правовой ответственности лежит доктрина корректирующей справедливости, где акцентируется внимание на взаимодействии кредитора и должника как частных субъектах обязательства. Риски ответственности возлагаются, в своем большинстве, либо на сами стороны обязательства, либо на третье лицо, принимающее такой риск (например, в рамках страхования). Однако, как верно отмечает Д. В. Лубягина, при отсутствии соглашения либо признании договора по каким-либо причинам недействительным ни законодательство, ни судебная практика в большинстве своем ни в коей мере не предлагают способа его распределения» [2, с. 55].

Механизмы правового воздействия на стороны недействительного (незаключенного) договора также должны учитывать баланс интересов участников отношений. Одним из таких элементов выступает механизм возмещения потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств (ст. 406.1 ГК РФ). Указывается, что при осуществлении предпринимательской деятельности стороны могут определить в условиях соглашения необходимость возмещения потерь, не связанных с его нарушением. Вместе с этим, как верно отмечает Е. Е. Богданова, «обширный круг обстоятельств, на случай наступления которых допускается установление обязанности по возмещению потерь, порождает вопрос о допустимости заключения соглашений по возмещению потерь, которые будут лишать или ограничивать возможность самой защиты прав» [3]. Безусловно, в таких ситуациях необходимо остро ставить вопрос о злоупотреблении правом при распределении рисков гражданско-правовой ответственности.

Иначе обстоит дело с распределением рисков при неисполнении или ненадлежащем исполнении договора. Принцип баланса интересов при распределении рисков гражданско-правовой ответственности сторонами договорного обязательства, безусловно, учитывается. По общему правилу должник возмещает кредитору

убытки, возникшие в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Более того, согласно абз. 2 ст. 393 ГК РФ, если стороны договора предусмотрели иные способы защиты нарушенных прав, право на возмещение убытков у кредитора сохраняется. Это обстоятельство свидетельствует, что даже в случаях, когда стороны перераспределяют риски ответственности путем введения дополнительных мер защиты, базовое правило о возмещении убытков должником сохраняется.

Дополнительным стимулом возложенного риска гражданско-правовой ответственности при прекращении договора может служить введенная в ГК РФ ст. 393.3 «Возмещение убытков при прекращении договора». Согласно этой норме в случае прекращения договора ввиду его нарушения кредитор при заключении нового аналогичного соглашения вправе потребовать убытки в виде разницы между существовавшей и текущей ценой на предмет договора. Такого рода гарантия позволяет стороне распределить риск ответственности должника между заключенным с ним соглашением и вновь возникшим обязательством.

Что касается конкретных договорных конструкций, следует указать, что положения о распределении рисков гражданско-правовой ответственности могут быть применены практически к любому договору, порождающему «не только обязательственные, вещные и интеллектуальные, но и секундарные права» [4, с. 367]. При этом акцент на распределение рисков ответственности между сторонами договора может быть установлен, исходя из концепции законодательной защиты слабой стороны договора (потребителя, вкладчика, миноритарного акционера) либо их взаимным соглашением. В судебной практике нередко указывается на необходимость перераспределения бремени несения рисков ответственности в отношении сильной стороны договорных отношений. Рассмотрим пример.

Н. обратился в суд с иском к ООО «1001 Тур», ООО «Панорама Тур» о защите прав потребителей, обосновывая свои требования тем, что 03.02.2017 между истцом и ООО «1001 Тур» был заключен договор реализации туристского продукта. Общая цена продукта составила 224 000 руб., которая была оплачена истцом в полном объеме. На сайте Федерального агентства по туризму Министерства культуры РФ 11.08.2017 была опубликована информация о наличии угрозы безопасности здоровью туристов в Турецкой Республике

в связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией, из-за чего истец отказался от поездки. 18.08.2017 истец обратился к ответчикам с требованиями о возврате денежных средств, однако денежные средства, оплаченные по договору истцу, не были возвращены. Туроператором являлся ООО «Панорама Тур». В связи с неисполнением своих обязательств истец просил расторгнуть договор о реализации туристского продукта от 03.02.2017, заключенный между истцом и ответчиком ООО «1001 Тур», взыскать солидарно с ООО «Панорама Тур» и ООО «1001 Тур» уплаченные по договору денежные средства в сумме 224 000 руб., неустойку за нарушение сроков возврата денежных средств в сумме 224 000 руб., компенсацию морального вреда в размере 30 000 руб., расходы по оплате услуг представителя в сумме 35 000 руб., штраф в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей».

Суд удовлетворил требования истца и указал, что туроператоры являются основными участниками туристского бизнеса, так как именно туроператоры занимаются формированием туристского продукта, несут ответственность за предоставление туристских услуг туристу. Данное правовое регулирование направлено на защиту интересов граждан – заказчиков услуг в сфере туризма как экономически более слабой стороны в данных правоотношениях [5]. Такая позиция суда подтверждает обоснованность возложения риска гражданско-правовой ответственности на сильную сторону отношений.

Таким образом, распределение рисков гражданско-правовой ответственности выступает действенным механизмом установления дистрибутивной и корректирующей справедливости в рамках учета «баланса интересов» участников гражданских правоотношений. Как верно отмечено, «основная задача гражданского права в вопросах риска – это не определение его границ, а выявление и правильное регулирование его последствий в целях недопущения чрезмерного „перегружения“ ими одной из сторон обязательства» [6]. Только посредством четкого законодательного и (или) договорного установления рисков гражданско-правовой ответственности возможно добиться устойчивости, сбалансированности и стабильности гражданского оборота.

Список библиографических ссылок

1. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие / отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Егорова. М., 2017. 376 с.
2. Лубягина Д. В. Риск в гражданском праве: монография. М., 2017. 64 с.
3. Богданова Е. Е. Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы // *Lex russica*. 2017. № 5. С. 24–37.
4. Гражданское право: учебник. В 2 т. / под общ. ред. М. В. Карпычева, А. М. Хужина. М., 2017. Т. 1. 400 с.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.09.2018 по делу № 33-36007/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Болобонова М. О. Понятие гражданско-правового риска // *Право и экономика*. 2016. № 10. С. 13–20.

© Хужин А. М., 2019

* * *

С. Б. Цветков

Волгоградский институт бизнеса

Обеспечительный платеж, оформленный заключением договора эскроу

Как известно, смысл конструкции обеспечительного платежа (п. 1 ст. 381.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ) состоит в том, что одна из сторон денежного обязательства, в том числе которое, возможно, возникнет в будущем, в обеспечение его исполнения вносит в пользу кредитора вперед определенную сумму на своеобразный (целевой) депозит. В дальнейшем названная сумма (или ее часть) может быть кредитором зачтена в счет суммы

денежного обязательства лица, внесшего такой платеж (если такое действительно возникнет).

Денежные средства по обеспечительному платежу могут быть еще до исполнения договора перечислены на счет кредитора или вручены ему. Например, это практикуется при предоставлении движимого имущества в прокат, когда такой предварительный платеж направлен на обеспечение погашения возможного ущерба в случае порчи или гибели арендованной вещи, для обеспечения требования арендодателя по арендной плате при возникновении задолженности у арендатора [1], при обеспечении возможных требований о возмещении убытков или уплате неустойки. Справедливо отмечается, что обеспечительный платеж может вноситься в счет возможных обязательств по возмещению потерь, возникших в случае определенных в договоре обстоятельств (ст. 406.1 ГК РФ), или в качестве платы за отказ от исполнения предпринимательского договора или за его изменение (п. 3 ст. 310 ГК РФ) [2].

Вместе с тем современный гражданский оборот требует применения новых экономико-правовых механизмов. Конструкция внесения (перечисления, вручения) суммы обеспечительного платежа непосредственно кредитору до исполнения договора не всегда выгодна должнику, поскольку создает опасность для него несвоевременного возврата ее в случае надлежащего исполнения им денежного обязательства, например: а) в сделках с недвижимостью, когда кредитор настаивает на значительной сумме обеспечительного платежа; б) если обеспечительный платеж засчитывается в качестве оплаты за последние периоды поставки, аренды, возмездного оказания услуг, заключительные этапы выполнения работ и т. д. (у сторон на завершающей стадии договорных отношений могут возникать встречные спорные требования). Должник в таких случаях является фактически слабой стороной обязательства. Кроме того, возникает проблема защиты прав лица, внесшего обеспечительный платеж, в заключенном двустороннем договоре, когда не совпадают сроки его исполнения сторонами. То есть важно соблюсти справедливость, несмотря на очевидно субъективный характер этой нравственной категории. Вариантом, который, очевидно, удовлетворит обе стороны соглашения, является размещение денежных средств по обеспечительному платежу у третьего лица на условиях договора условного депонирования (эскроу) (гл. 47.1 ГК РФ). Подобная сделка носит, таким образом,

зависимый, производный от основного денежного обязательства, характер.

Эскроу-агент действует как независимое от сторон, не имеющее интерес в обеспечительном платеже, но одновременно доверительное лицо с равными обязанностями по отношению к обеим сторонам, имеющим интерес в обеспечительном платеже.

В таком договоре стороны должны предусмотреть в качестве объективно-существенных условий: 1) его предмет: деятельность эскроу-агента по принятию имущества на депонирование, сохранению этого имущества и передаче его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований; 2) перечень названных оснований (юридических фактов: действий сторон и (или) третьих лиц, событий, включая наступление или истечение срока).

Срок действия такого договора обуславливается сроком исполнения основного обязательства, но не более пяти лет (абз. 2 п. 1 ст. 926.1 ГК РФ), при этом берутся во внимание и специально конкретизируются при заключении сделки основания, сроки и порядок возможного возврата суммы обеспечительного платежа: а) основания, указанные в п. 2 ст. 381.1 ГК РФ; б) возможность возврата названной суммы позже даты прекращения основных договорных отношений, когда определенные денежные обязательства возникнут и (или) будут идентифицированы (например, выявление скрытого ущерба в имуществе после его возврата из аренды).

В литературе сформулирована точка зрения: «Обеспечительный платеж в чем-то похож на эскроу (условное депонирование), но в отличие от последнего тут стороны обходятся без привлечения третьего лица: „депозит“ передается в руки самого кредитора» [2]. По мнению автора, во-первых, здесь имеет место смешение понятий: обеспечительный платеж – способ обеспечения исполнения обязательств, а эскроу – договорное обязательство; во-вторых, ст. 381.1 ГК РФ регламентирует не обязательную передачу суммы депозита «в руки самого кредитора» (хотя это не исключено и распространено на практике), а внесение денежной суммы «в пользу другой стороны».

Итак, предлагается правовая конструкция, при которой эскроу (условное депонирование) выступает механизмом осуществления обеспечительного платежа.

Строго следуя норме п. 1 ст. 926.1 ГК РФ, предметом договора условного депонирования выступает передача на депонирование имущества в целях исполнения в дальнейшем по его передаче другому лицу. То есть речь идет не об обеспечении исполнения обязательства, а уже об исполнении обязательства при возникновении указанных в договоре оснований. Однако думается, что такая конструкция (обеспечительный платеж путем заключения договора эскроу) будет представлять собой способ обеспечения исполнения обязательства на основании договора (п. 1 ст. 329 ГК РФ). Кроме того, его целесообразно закрепить в законе, а именно дополнить абз. 1 ч. 1 ст. 926.1 ГК РФ после слова «(бенефициару),» словами «или в целях обеспечения исполнения обязательства депонента перед бенефициаром».

Важно для сторон, что договор эскроу, в котором передача на депонирование денежных средств обеспечительного платежа выступает предметом сделки, может быть безвозмездным, если это предусмотреть непосредственно в самом договоре (п. 1 ст. 926.2 ГК РФ). На практике это может иметь место, например, в ситуации, когда эскроу-агент состоит в личных отношениях с обоими участниками обеспеченной возмездной сделки. В этом видится преимущество предлагаемой конструкции для сторон основного договора перед аккредитивом. Как известно, непременным участником аккредитивного правоотношения является банк, который, будучи коммерческой организацией, требует всегда оплаты своих услуг.

Для бенефициара актуально, что обращение взыскания на сумму обеспечительного платежа, ее арест или принятие в отношении ее обеспечительных мер по долгам эскроу-агента либо депонента не допускается (п. 1 ст. 926.7 ГК РФ).

Договор эскроу по общему правилу подлежит нотариальному удостоверению, что приводит при его заключении к дополнительным расходам сторон. Однако это действительно целесообразно при значительной стоимости объекта основной сделки, а в остальных случаях названной разновидности письменной формы можно избежать при депонировании безналичных денежных средств.

При регулировании отношений, основанных на договоре эскроу, достаточно широко распространена диспозитивность (в отличие от передачи долга в депозит нотариуса) [3]. Например, кредитор по основному денежному обязательству, руководствуясь правилом п. 3

ст. 310 ГК РФ, вправе настоять на включении в договор эскроу субъективно-существенного условия, в соответствии с которым в случае одностороннего отказа от исполнения обязательства по основному договору стороны, внесшей обеспечительный платеж, его сумма передается кредитору в качестве обусловленной платы за такой отказ.

Кроме того, рассмотренная схема целесообразна в целях обеспечения исполнения обязательства, основанного на предварительном договоре: если основной договор не будет заключен по вине стороны, внесшей обеспечительный платеж, то этот платеж остается у другой стороны; при незаключении основного договора по вине контрагента стороны, внесшей платеж, последняя вправе требовать его возврата [4].

Вправе ли эскроу-агент производить зачет своих однородных требований за счет суммы обеспечительного платежа? Очевидно, да, но только с момента, когда определится юридическая судьба объекта сделки: 1) он может осуществить зачет своих требований к кредитору (бенефициару) при возникновении обязанности передать последнему обеспечительный платеж (п. 1 ч. 1 ст. 926.1 ГК РФ); 2) либо осуществить зачет своих требований к должнику (депоненту), если указанные в договоре эскроу основания передачи имущества бенефициару в течение срока действия названного договора не возникают.

Список библиографических ссылок

1. Постановление Арбитражного суда Московской области от 10.11.2014 по делу № А40-134924/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Договорное и обязательственное право (общая часть): поста-тейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42–46 и 47.1 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Цветков С. Б., 2019

* * *

А. А. Чесноков

Барнаульский юридический институт МВД России

К вопросу о правовой ценности требования публичной достоверности реестров

Сегодня все важнейшие информационные ресурсы государства сосредоточены в базах данных. В условиях развития новых форм взаимодействия между государством и гражданским обществом органы публичной власти, граждане и организации вынуждены постоянно обращаться к официальной информации. Поэтому с ее достоверностью напрямую связано правовое качество жизни общества.

В первую очередь это касается различного рода реестров (оговоримся, что кадастровые системы учета мы не рассматриваем, так как они носят скорее технический характер). Само это понятие происходит от латинского *regestum* – «список», «перечень» и представляет собой официальную форму систематизации сведений, от которых зависят права и обязанности значительного круга лиц.

В российском законодательстве упоминается более 40 видов различных реестров. Наибольшее внимание и правовую регламентацию получили публичные реестры, при этом их эффективность, как, впрочем, и иных видов реестров, обусловлена реализацией принципа внесения (публичности) и принципа публичной достоверности (беспоротности).

Публичность означает необходимость фиксации всех учитываемых событий и действий, а также открытость для неограниченного количества членов общества и проявляется в наиболее важных правоотношениях.

Очевидно, что, используя сведения из официальных реестров, граждане должны быть уверены в их действительности и правовой надежности. Поэтому государство должно принять все необходимые меры, для того чтобы гарантировать своим гражданам правовую защищенность от преднамеренных или случайных нарушений их прав, связанных с недостоверностью полученной информации.

Принцип публичной достоверности применим не только к реестрам, но и к иным явлениям, например ценной бумаге, где, как отмечает М. М. Агарков, «публичная достоверность исключает возможность возражений, основанных на отношениях, не получивших выражения в тексте бумаги» [1, с. 201]. В любом случае декларирование публичной достоверности по отношению к информационным ресурсам означает принятие государством обязательств по формированию правовых и организационных гарантий ее полноценной реализации.

Экономическая суть принципа публичной достоверности проявляется в снижении до приемлемого уровня рисков участников нескольких последовательных правоотношений. Между должником и первым кредитором обычно все предельно прозрачно, все риски известны заранее. Последующие кредиторы уже не могут располагать необходимым объемом информации, которой они могут доверять. Публичная достоверность не только защищает участников сделки, но и повышает рыночную ценность ее объекта, что хорошо проявляется по отношению к имущественным реестрам.

Сегодня все чаще приходится констатировать, что без реализации принципа публичной достоверности существующие в России публичные реестры теряют смысл, а цель обеспечения устойчивости общественных отношений и гражданского оборота не достигается.

Поэтому уже в 2009 г. указанное правило было включено в Концепцию развития гражданского законодательства в Российской Федерации, а именно обозначены принципы: проверки законности оснований регистрации, публичности реестра, презумпции его достоверности [2].

Логичным следствием было введение в Гражданский кодекс РФ ст. 8.1 «Государственная регистрация прав на имущество», которая значительно укрепила гражданский оборот, введя некоторую защиту для лица, совершившего сделку и полагавшегося на публичную информацию. При этом такое лицо должно сохранять зарегистрированные за ним права в том виде, в каком эти права уже были записаны в реестр.

Обновились и иные законодательные правила, ранее сформулированные в практике высших судов. Так, в п. 7.3 Федерального закона «Об организованных торгах» [3], введенном 18.07.2018, указано на недопустимость истребования у добросовестного приобретателя имущества, приобретенного на организованных торгах. Статья 51 ГК РФ была дополнена положениями, гарантирующими правовую определенность пользователям, добросовестно полагающимся на данные единого государственного реестра юридических лиц, позже законодатель уточнил формулировки ст. 433 ГК РФ, обозначив в виде цели регистрации сделки оглашение ее правовых последствий для третьих лиц и т. д.

Возникает вопрос – явилось ли введение ст. 8.1 ГК РФ полноценным закреплением принципа публичной достоверности в частном праве? На наш взгляд, в ней скорее предпринята попытка сформулировать правила ведения имущественных реестров. Кроме того, Е. А. Нахова говорит о закреплении доказательственной фикции отсутствия добросовестности лица, обратившегося за регистрацией права на имущество в тот момент, когда в отношении этого имущества в государственном реестре содержалась отметка о соответствующем притязании в случае спора с лицом, по требованию или заявлению которого была внесена эта отметка [4]. Поэтому, даже если ст. 8.1 ГК РФ и закрепила принцип публичной достоверности для имущественных реестров, то лишь с учетом системного толкования положений п. 2 ст. 223 и ст. 302 ГК РФ.

К сожалению, в публичных отраслях права значение публичной достоверности несколько размыто. Это даже звучит как каламбур. Сегодня проверка по реестрам еще не дает гарантии статуса добросовестного приобретателя. Взять хотя бы «гениальный» институт «неосмотрительность в выборе контрагента», изобретенный судебной практикой по налоговым делам и явно противоречащий отраслевому принципу добросовестности налогоплательщика и позволяющий взыскать неуплаченный налог с контрагентов, не представивших доказательств отсутствия грубой неосторожности в выборе делового партнера.

Приходится констатировать и отсутствие общей правовой регламентации реестров, правила ведения которых определяются конкретными отраслями права и ведомствами. Принятие же единых требований и принципов позволит не только установить открытость,

но и создать возможность формирования единого информационного ресурса или оператора, например в рамках портала государственных услуг. Поэтому мы выступаем за принятие, например, закона «О публичных реестрах», который был бы важным шагом реализации публичной достоверности для правовой системы в целом.

Недостаток же публичной достоверности часто выливается в различные злоупотребления. Например, достаточный резонанс в г. Барнауле получила неудавшаяся попытка рейдерского захвата отеля «Александр Хаус» (ООО «Алтэкс»). Следствие установило, что в 2014 г. М. предоставил в налоговую подложные документы, в том числе договор купли-продажи долей, заверенный нотариусом. На их основании внесли изменения в ЕГРЮЛ и учредительные документы «Алтэкса». В результате М. приобрел права на его активы – отель «Александр Хаус» и земельный участок стоимостью более 66 млн руб. Затем он попытался перевести объекты недвижимости в собственность подконтрольной ему фирмы. Но это не удалось – документы из Росреестра изъяли правоохранительные органы [5].

Таким образом, дальнейшая реализация публичной достоверности создаст предпосылки стабилизации имущественного оборота, повысит рыночную стоимость отдельных объектов, снизив риски и транзакционные издержки.

Список библиографических ссылок

1. Агарков М. М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М.: БЕК, 1994. 336 с.

2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009). М., 2009. С. 32.

3. Об организованных торгах: федер. закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Нахова Е. А. Вопросы доказательственного права в судебной практике в цивилистическом процессе // Юстиция. 2016. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. По материалам сайта СУ СК по Алтайскому краю. URL: <http://altai-krai.sledcom.ru> (дата обращения: 28.07.2018).

6. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

7. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014–2019 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 28.06.2013 № 1101-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3634.

© Чесноков А. А., 2019

* * *

Т. И. Ширяева

Волгоградская академия МВД России

Реабилитация как основание возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного расследования

Одной из основных задач правовой системы государства является создание условий, обеспечивающих гарантии соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан. Граждане, незаконно подвергнутые уголовному преследованию, нуждаются в устранении его последствий, которые могут выразиться как в имущественном и моральном, так и в иных видах вреда. Исходя из этого, вопрос о возможности восстановления таких нарушенных прав и законных интересов видится достаточно актуальным.

По данным статистических отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первом полугодии 2018 г. в Российской Федерации было оправдано 1 044 тыс. человек, помимо этого судами различных уровней прекращено 95 538 тыс. уголовных дел, из них по реабилитирующим основаниям – 1 120 тыс. [1].

Следует отметить, что вопрос об ответственности государства за деятельность своих органов и должностных лиц не находит однозначного разрешения в отечественной юриспруденции. Не является исключением и сфера уголовного судопроизводства. В условиях

построения в России правового государства, признания Конституцией РФ в качестве высшей ценности прав и свобод человека и гражданина, провозглашения обязанности государства не только обеспечивать, но и защищать их, в том числе и от незаконного и необоснованного ограничения, рассмотрение вопросов реабилитации лица, незаконно подвергнутого уголовному преследованию, представляет существенный научный и практический интерес.

Уголовно-процессуальная деятельность имеет публичный характер, что предполагает публичную ответственность государства перед своими гражданами. Активная позиция общества выражается в заинтересованности в привлечении лиц, преступивших закон, к уголовной ответственности и характеризуется в противоположном аспекте правоприменительной деятельности – недопустимости привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц. Баланс данных разнонаправленных интересов нашел законодательное выражение в назначении уголовного судопроизводства – защита прав лиц, потерпевших вред от преступления, с одной стороны, и защита лиц от незаконного и необоснованного обвинения, равно как и отказ от него с последующей реабилитацией, – с другой.

Институт реабилитации носит комплексный характер и включает в себя совокупность действий, направленных на максимально быстрое и полное восстановление прав лица, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию. Соответственно, данная процедура приобретает не меньшую значимость, чем привлечение к уголовной ответственности и назначение лицу, совершившему преступление, справедливого наказания. Учитывая изложенное, важно не только уяснение уголовно-процессуального смысла реабилитации, но и анализ гражданско-правовых аспектов реализации данного межотраслевого правового института, в частности рассмотрение его как основания для возникновения гражданско-правовых отношений, связанных с осуществлением защиты нарушенных действиями государственных органов прав лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию.

УПК РФ 2001 г. законодательно впервые в истории российского уголовно-процессуального права закрепил понятие реабилитации, которая представляет собой согласно п. 34 ст. 5 «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного

ему вреда». Основные положения процесса реабилитации отражены в гл. 18 УПК РФ, раскрывающей также отдельные вопросы, связанные с возмещением причиненного вреда.

В уголовном процессе реабилитацию можно отождествлять с особой формой, которая воплощает в себе как правоотношения, так и деятельность участников уголовного судопроизводства, которая обеспечивает решение задач не только публичного, но и частного характера и связана с восстановлением чести, достоинства, должностного положения в случаях незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности, восстановлением как моральных, так и имущественных последствий [2, с. 24]. То есть реабилитация представляет собой и решение правомочного органа о признании права лица, незаконно подвергнутого уголовному преследованию, на восстановление его нарушенных прав, т. е. констатирующее незаконность применения мер уголовно-процессуального принуждения, и институт непосредственного восстановления нарушенных прав.

Реабилитацию принято понимать как восстановление прежней хорошей репутации или в прежних правах [3, с. 669], обеспечить которое возможно только посредством комплексного правового регулирования, указывающего на возможность и порядок восстановления нарушенных в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования прав. Целостность данного института объясняется его воплощением не только в уголовно-процессуальных, но и в иных, в частности гражданско-правовых, нормах.

Рассматриваемое право может возникнуть у лица как в судебных, так и в досудебных стадиях производства по уголовному делу. В досудебном производстве признание права на реабилитацию связывается исключительно с вынесением решения уполномоченными лицами о прекращении уголовного преследования, что может найти выражение в том числе и в прекращении уголовного дела. В судебном же производстве последствия в виде признания права на реабилитацию могут возникнуть не только в связи с прекращением деятельности, связанной с изобличением лица в совершении преступления, но и в результате вынесения оправдательного приговора в отношении конкретного субъекта. Обозначенные решения могут быть вынесены судами первой, апелляционной, кассационной, надзорной инстанций как при рассмотрении уголовного дела по существу, так и при осуществлении ведомственного контроля.

Изучая нормы, регулирующие досудебное производство, следует отметить, что законодатель говорит о прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2, 5, 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. е. такое решение может быть принято только в стадии предварительного расследования, в качестве участников которой могут выступать подозреваемый и обвиняемый.

На орган дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа возлагается обязанность по признанию права на реабилитацию в случаях вынесения решения о прекращении незаконного или необоснованного уголовного преследования. Решения, принятые об оправдании лица, в отношении которого прекращается уголовное дело, полностью или частично выражены в ч. 2 ст. 133 УПК РФ. В соответствии со ст. 134 УПК РФ это указывается в резолютивной части приговора, определения, а также постановления. После того как вынесено постановление уполномоченным органом, ведущим досудебное производство, в обязательном порядке направляется извещение с разъяснениями регламентированных ст. 133, 135, 136, 138, 139 УПК РФ возможностей по возмещению вреда, обусловленного незаконным уголовным преследованием. В решении обязательно указывается, какой именно вред был причинен лицу в результате незаконного уголовного преследования и в чем он выразился.

Таким образом, под материальным (фактическим) основанием реабилитации следует понимать вред, причиненный лицу действиями государственных органов, а под процессуальным (правовым) – акт уполномоченного должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, о прекращении деятельности по изобличению данного лица в совершении конкретного преступления по реабилитирующим основаниям (постановление о прекращении уголовного преследования или уголовного дела). В решении должностных лиц при этом должно найти выражение признание в установленном законом порядке факта причинения вреда в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования; незаконного применения мер процессуального принуждения (причинно-следственная связь).

Согласно ч. 1 ст. 133 УПК РФ вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя,

следователя, прокурора и суда. Представляется, что таким образом законодатель реализовал конституционные установления об обязанности государства (в лице своих органов) обеспечивать защиту прав и свобод лиц, в том числе вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Возмещение реабилитированному вреда в полном объеме предполагает, что компенсации подлежат как материальный, так и моральный ущерб, гражданин должен быть восстановлен в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Все это должно быть обеспечено соответствующими должностными лицами без каких-либо дополнительных условий или ограничений.

Статья 1070 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что ущерб, причиненный в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, возмещается за счет казны Российской Федерации или казны ее субъекта, а также казны муниципального образования (в случаях, предусмотренных законом).

Согласно ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы. В соответствии с ч. 1 ст. 242.2 Бюджетного кодекса РФ обязанность по исполнению судебных актов по искам о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов Российской Федерации или их должностных лиц, за счет казны государства возложена на Министерство финансов РФ.

Обязательным условием реализации права на восстановление нарушенных незаконным или необоснованным уголовным преследованием прав является обращение лица, чьи права нарушены, или его представителя в суд с требованием об этом. Порядок заявления и рассмотрения требований реабилитируемого о восстановлении его прав, нарушенных незаконным уголовным преследованием, регламентируется нормами различных отраслей права – уголовно-процессуального, гражданского, гражданского процессуального, финансового, налогового и др. С учетом комплексного подхода в рамках данного процесса могут быть выделены следующие этапы:

1) признание права на реабилитацию (уголовно-процессуальное законодательство);

2) уведомление реабилитируемого о наличии права на реабилитацию (уголовно-процессуальное законодательство);

3) обращение реабилитированного с требованием о возмещении вреда (законодательство, регулирующее уголовно-процессуальные, гражданские, гражданско-процессуальные, налоговые, иные общественные отношения, требующие восстановления в результате реабилитации);

4) определение размера причиненного вреда и разрешение требования судьей (законодательство, регулирующее уголовно-процессуальные, гражданские, гражданско-процессуальные, налоговые, иные общественные отношения, требующие восстановления в результате реабилитации);

5) реальное возмещение вреда (законодательство, регулирующее уголовно-процессуальные, гражданские, гражданско-процессуальные, налоговые, иные общественные отношения, подлежащие восстановлению в результате реабилитации).

Таким образом, в отношениях, связанных с процессом реабилитации, можно объединить обозначенные этапы в две группы: а) осуществляемые в условиях монорегулирования – нормами уголовно-процессуального права (первый и второй этапы); б) осуществляемые в условиях полирегулирования – нормами нескольких отраслей права (третий, четвертый и пятый этапы).

Закономерным представляется вывод, что действующее правовое регулирование процесса реабилитации имеет комплексный характер и включает в себя нормы как процессуального, так и материального права. При этом разрозненное законодательное регулирование реабилитации нормами различных отраслей права не может быть признано оптимальным, поскольку затрудняет лицу, не имеющему специальных познаний в правовой сфере, доступ к механизмам восстановления нарушенных необоснованным уголовным преследованием прав в полной мере. При этом необходимым видится совершенствование действующего законодательства в части регламентации процесса реабилитации, в том числе посредством принятия законодательными органами федерального уровня специального нормативного правового акта, регулирующего и гарантирующего создание действенного механизма реализации рассматриваемого права лицом, необоснованно подвергнутым уголовному преследованию.

Список библиографических ссылок

1. Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 6 месяцев 2018 г. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 15.12.2018).

2. Орлова А. А. К вопросу о концептуализации понятия «реабилитация» в уголовном процессе России // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 10. С. 24–25.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1991. 917 с.

© Ширяева Т. И., 2019

* * *

А. В. Шпак, Н. В. Пономарева

Ростовский юридический институт МВД России

Современное состояние законности в сфере земельных правоотношений

Законность – многоплановое понятие, имеющее отдельное значение для каждой сферы общественной жизни. Чаще всего законность воспринимается в качестве общеправового принципа, обязывающего к исполнению и соблюдению правовых норм государственных должностных лиц и граждан государства.

Законность может представлять собой метод деятельности субъектов власти и управления в случае, когда она проявляется через конкретное поведение этих лиц. Деятельность участников общественных отношений характеризуется соблюдением и исполнением установленного права, вследствие чего возникает режим общественной жизни.

Содержание законности выражается в соответствии деятельности реальному праву, другими словами – в законосообразности поведения субъектов. Следует отметить, что правоприменительные и правореализующие отношения не являются ее элементами, а характеризуются как носители законности, так как именно в процессе

их реализации возникает свойство юридической правомерности. Понятие «законсообразности» позволяет разграничить законность и процесс реализации права.

Соблюдение принципа законности при регулировании земельных отношений является наиболее важным для состояния современного общества. Земля – основной источник природных ресурсов, незаменимый компонент экономической системы, главный фактор производства. В эффективном использовании земельных ресурсов заинтересованы все сферы общественной жизни, так как благодаря вышеупомянутому процессу создается основа для экономического и социального развития государства.

Актуальность вопроса о состоянии законности в сфере земельных отношений возросла после выступления 09.11.2012 В. В. Путина на заседании Президиума Государственного совета Российской Федерации. Вопросы, которые выставлялись на рассмотрение, касались проблем, связанных с повышением уровня эффективности управления земельными ресурсами в интересах граждан и юридических лиц. «Произвол и коррумпированность чиновников гасит, тормозит полноценное развитие земельных отношений в Российской Федерации, и, как следствие, замедляется продвижение страны в целом», – именно так В. В. Путин охарактеризовал состояния общественного развития.

Итоги заседания существенно повлияли на деятельность надзорных органов и активизировали процессы в данном направлении. Исследователи в области земельных отношений провели анализ показателей выявленных нарушений с предыдущим и последующим годами. Так, по сравнению с 2011 г. в 2012 г. выявлено 104 087 нарушений закона (+16,4 %), в число которых входит 13 476 незаконных правовых актов (+4,2 %), прослеживается 13 058 протестов (+5,1 %). Статистика 2013 г. показывает, что выявлено 94 054 нарушения закона (–9,6 %), в их составе 11 172 незаконных правовых акта (–17,1 %), наблюдается 10 666 протестов (–8,3 %), внесено 16 034 представления (–4,7 %).

Основным направлением было выбрано воздействие на систему мер реагирования: привлечение к юридической ответственности, направление исковых заявлений в судебные органы. Стоит отметить, что повысилась результативность самих органов, в том числе

деятельность прокуратуры усилила свое воздействие в сфере земельных отношений, особое внимание уделяя соответствию целевому назначению земель сельскохозяйственного назначения и их охране.

Обратимся к статистике 2014 г. При проведении анализа нарушений законов их количество достигло 100 696 (+7,1 %). За год было выявлено 11 490 (+2,8 %) случаев использования незаконных правовых актов, процентное соотношение с предыдущим годом в сфере принесенных протестов увеличилось на 4,4 %, а внесенных представлений достигло 6,2 %. В сфере землепользования было выявлено 9 126 нарушений [1].

В 2015 г. законодательство в сфере земельных правоотношений подверглось изменениям. Основным нововведением стало вступление в силу новой редакция гл. XII Земельного кодекса Российской Федерации и Положения о государственном земельном надзоре от 02.01.2015 № 1 [2]. Акты урегулировали наиболее актуальные вопросы, связанные с землей, в частности, обратили свое внимание на государственный земельный надзор. В настоящее время функции осуществления государственного земельного надзора возложены на органы Росреестра, Россельхознадзора и Росприроднадзора.

Осуществление государственного земельного надзора федеральными органами исполнительной власти позволяет реализовать единые принципы правоприменения законодательства Российской Федерации, а за счет исполнения иных функций – оперативно внедрять новые формы осуществления надзорных полномочий, тем самым повышая эффективность контроля и надзора.

За 2015 г. наиболее характерными нарушениями земельного законодательства являлись самовольное занятие земельных участков или использование их без правоустанавливающих документов. Их число достигло 83 % от общего числа выявленных нарушений. На основании изменений, внесенных в 2015 г. в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, следует сделать вывод, что особое значение имеют нарушения, связанные с самовольным занятием лесных участков, и невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв. Согласно изменениям денежные взыскания существенно возросли. Следует учесть, что установление размера административного штрафа в области земельных правонарушений зависит от кадастровой стоимости земельного участка.

При этом штраф, налагаемый на юридических лиц, не может превышать 700 тыс. руб. (ч. 3 ст. 3.5 КоАП РФ) [3].

Штрафы за самовольно занятые и используемые не по целевому назначению участки в 2016 г. составили 9 млн 276 тыс., а в 2015 г. 5 млн 173 тыс. Несмотря на ужесточение ответственности в сфере земельных правонарушений и взимаемых санкций, на практике существующее законодательство не соблюдалось. Субъекты земельных правоотношений продолжают использование чужих земельных территорий, ссылаясь на незнание закона, что не является основанием для освобождения от ответственности.

С учетом надзорной практики к основным нарушениям в сфере земельных правоотношений следует отнести такие, как использование земельного участка при отсутствии соответствующего права, предусмотренного законодательством Российской Федерации. К концу 2016 г. их численность достигла почти 40 % от общего числа нарушений. Вторую главенствующую позицию занимают случаи игнорирования предписаний, нацеленных на устранение правонарушений и приведение территорий земельных участков в надлежащее состояние. Неисполнение требований в срок согласно статистическим данным достигает 27 %. Кроме того, на практике часто встречаются такие правонарушения, как заведомо ложные показания свидетеля и иных лиц (ст. 17.9, 19.26 КоАП РФ), непредставление в государственный орган сведений, необходимых для осуществления его законной деятельности (ст. 19.7 КоАП РФ), невыполнение требований госземинспектора или воспрепятствование осуществлению им служебных обязанностей (ст. 19.4, 19.4.1 КоАП РФ) и т. д.

С учетом показателей состояния законности предыдущих годов в марте 2017 г. была принята Программа профилактики нарушений обязательных требований в сфере государственного земельного надзора [4]. Подобные профилактические мероприятия направлены на обеспечение добросовестного поведения субъектов, а вследствие этого и на предотвращение или минимизирование ущерба охраняемым законом территориям. С введением положения определен дополнительный перечень задач, стоящих перед надзорными органами. Для предупреждения нарушений, выявления и устранения способствующих противозаконности причин законодатель вводит мероприятия, возложенные на Россельхознадзор и его территориальные органы, по надзору:

а) за требованиями о запрете самовольного снятия, перемещения и уничтожения плодородного слоя почвы, а также порчи земель

в результате нарушения правил обращения с пестицидами, агрохимикатами или иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами и отходами производства и потребления;

б) требованиями и обязательными мероприятиями по улучшению земель и охране почв от ветровой, водной эрозии и предотвращению других процессов, ухудшающих качественное состояние земель;

в) требованиями, связанными с обязательным использованием земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [5], для ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности;

г) требованиями в области мелиорации земель, при нарушении которых рассмотрение дел об административных правонарушениях осуществляют органы государственного земельного надзора;

д) предписаниями, выданными должностными лицами Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору и ее территориальными органами в пределах компетенции, по вопросам соблюдения требований земельного законодательства и устранения нарушений в области земельных отношений [2].

Данные профилактические требования способны снизить уровень случаев нарушений действующего законодательства и сформировать единое восприятие требований в сфере земельных правоотношений.

Следует сделать вывод, что мероприятия в сфере земельного надзора основаны на правоприменительной практике в области земельных правоотношений. Таким образом, в настоящее время субъектам необходимо обладать знанием действующего законодательства относительно своих прав и обязанностей, а также активно применять это знание на практике и нести полноценную ответственность за нарушение правил использования земельных участков вне зависимости от того, является ли лицо собственником, землепользователем, арендатором или владельцем. Только в этом случае возможно улучшение состояния законности в сфере земельных правоотношений.

Список библиографических ссылок

1. Об утверждении и введении в действие статистического отчета «Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции и результаты расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности» по форме К и Инструкции по его составлению: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 29.08.2016 № 528. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Положения о государственном земельном надзоре: постановление Правительства РФ от 02.01.2015 № 1 (ред. от 08.09.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 08.03.2015 № 46-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Программы профилактики нарушений обязательных требований в сфере государственного земельного надзора в 2017 году: приказ Россельхознадзора от 27.03.2017 № 294. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: федер. закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 27.06.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Шпак А. В., Пономарева Н. В., 2019

* * *

Т. В. Яловенко

Волгоградская академия МВД России

Актуальные проблемы правового обеспечения качества предоставления бесплатной юридической помощи в России

К основополагающим правам человека относится гарантия судебной защиты нарушенных прав и свобод, закрепленная в ст. 46 Конституции РФ. В международном праве она коррелируется с правом на справедливое судебное разбирательство дела, содержащееся в ст. 6

Конвенции о защите прав человека и основных свобод. С учетом нарастающего массива нормативных правовых актов, усложнения законодательства, а также реализации в процессе судопроизводства принципа состязательности, использование конституционного права на судебную защиту без возможности обращения к услугам профессионального юриста затруднительно. Соответственно, чрезвычайно важным становится наличие эффективного механизма обеспечения права человека на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленного в ст. 48 Конституции РФ [1].

В сфере оказания услуг по предоставлению юридической помощи действуют рыночные механизмы, что часто приводит к тому, что она оказывается недоступной для ряда слоев населения. В итоге такие граждане фактически лишаются возможности защитить в судебном порядке свои нарушенные права и свободы. Установление механизма оказания бесплатной юридической помощи, функционирование которого обеспечивается при финансовой поддержке государства, призвано решить эту проблему. Реализация конституционного положения о возможности оказания квалифицированной юридической помощи бесплатно нормативно обеспечивается Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [2].

Тем не менее существует множество сложностей в оказании бесплатной юридической помощи, а также ее доступности и качестве. Продолжает оставаться проблемой и нехватка юридических консультаций в отдаленных и труднодоступных районах: региональные власти неохотно принимают решения об учреждении юридических консультаций, а также не принимают меры по их должному финансированию. В данной ситуации следует обратить внимание руководителей региональной исполнительной власти на нарушение федерального законодательства в вопросе создания юридических консультаций в местностях, где для этого есть нормативные основания [3, с. 54].

Также на современном этапе отмечается сохраняющийся низкий уровень информирования граждан об их праве на бесплатную юридическую помощь, трудности сбора документов для гражданина в целях подтверждения этого права, значительный объем документов для подтверждения адвокатом факта оказания бесплатной юридической помощи гражданину.

Многие авторы, анализируя вопросы бесплатной юридической помощи, выделяют такую проблематику, как недостаток высшего образования, существенно снижающий качество предоставляемой помощи [4].

Одной из детерминант сложившейся ситуации выступает реформа высшего образования, разделившая на уровни бакалавриат и магистратуру, что повлекло за собой последствия в виде доступности оказания бесплатной юридической помощи лицами, имеющими неоконченное высшее образование, или же лицами, окончившими магистратуру, но при этом обладающими дипломом бакалавра по иной специализации и, как следствие, не имеющими глубоких познаний в необходимой области по причине короткого срока обучения.

Таким образом, проблематика права на высококвалифицированную юридическую помощь является актуальной. Также одной из детерминант выступает обусловленность возмездного оказания юридических услуг, где существенное воздействие оказывают рыночные механизмы, когда некачественная услуга приводит к оттоку потенциальных клиентов [5, с. 15].

В соответствии со ст. 11 Федерального закона № 324-ФЗ создание и формирование общих условий оказания гражданам бесплатной юридической помощи, а также реализация контроля за соблюдением лицами, оказывающими бесплатные юридические услуги, общепризнанных норм профессиональной этики отнесены к полномочиям Министерства юстиции РФ. Тем не менее до настоящего времени отмеченные условия не определены.

По нашему мнению, основным фактором в данной ситуации выступает несовершенство общепринятого подхода к перечню и содержанию любого из предлагаемых критериев качества, которые обязаны являться общими для всех субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь. Кроме того, весомым выступает подход контроля, все без исключения аспекты качества должны быть сформулированы таким образом, чтобы деятельность по оказанию бесплатной помощи по этим критериям могла быть оценена объективно.

Представляется актуальным стимулировать быстрое и продуктивное завершение на федеральном уровне деятельности по разработке соответствующих нормативно-правовых актов и определить общие стандарты оказания бесплатной юридической помощи и требования к ее качеству на всей территории государства. Рациональность разработки нормативных актов на федеральном уровне

является очевидной в условиях потребности организации взаимодействия различных субъектов, реализующих юридическую помощь на территории Российской Федерации.

В отношении качества необходимо разделять: квалификацию субъекта, оказывающего помощь, качество оказываемой помощи, качество программ оказания бесплатной юридической помощи, доступность бесплатной юридической помощи. Разумеется, все вышеназванные составляющие обладают тесной взаимосвязью и в большинстве случаев предопределяют друг друга. Так, в отсутствие доступности невозможно получить помощь, а программы по ее оказанию сложно расценивать как результативные. Квалифицированность специалиста, оказывающего помощь, выступает одним из ключевых требований получения качественной помощи. Тем не менее все указанные элементы являются самостоятельными.

Также считаем важным выделить тот факт, что в ст. 10 Федерального закона от 21.11.2011 № 323 [6] законодательно была разграничена категория качества и доступности, несмотря на то, что в едином перечне выделены требования, нацеленные на их предоставление. Невзирая на то, что медицинская и юридическая помощь по своей сущности предполагают под собой различные сложные механизмы, тем не менее несомненна их схожесть в части значимости для каждого гражданина и конституционной составляющей соответствующих прав.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод об особой значимости изменения законодательства в направлении обеспечения каждого гражданина, независимо от места жительства или иных обстоятельств, возможностью получения бесплатной юридической помощи по любым правовым вопросам. Кроме того, актуальным является формирование механизма взаимодействия участников прежде всего государственной системы бесплатной юридической помощи, которая обеспечивала бы оказание качественной бесплатной юридической помощи.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

3. Васильев А. А. Конституционное право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 201 с.

4. Бесплатная юридическая помощь: политика, практика, образование: альманах экспертного сообщества. СПб., 2017. 236 с.

5. Шереметова Г. С. Право на бесплатную юридическую помощь в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. и доп. от 27.12.2018 № 511-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

7. Соколова Н. В., Машошин Ю. П. Право на бесплатную помощь. Доступность, качество, проблемы // Юридические клиники и СО НКО в системе оказания бесплатной юридической помощи Российской Федерации: история, реальность и стратегия развития: матер. Всерос. конф. с междунар. участием. Шадринск, 2018. С. 42–51.

© Яловенко Т. В., 2019

* * *

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абрамов Олег Анатольевич, начальник кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: oleg-abramov34@rambler.ru.

2. Агибалова Елена Николаевна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук. E-mail: agibalovaen76@mail.ru.

3. Андрющенко Татьяна Ивановна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: m-13913@ya.ru.

4. Алексеева Анна Павловна, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в ОВД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: m-13913@live.com.

5. Анисимов Алексей Павлович, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, доктор юридических наук, профессор. E-mail: m-13913@live.com.

6. Батурина Наталия Игоревна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nataliya_baturina@mail.ru.

7. Батурина Елена Вячеславовна, курсант факультета подготовки следователей Волгоградской академии МВД России. E-mail: elenabaturina@inbox.ru

8. Демичев Алексей Андреевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России. E-mail: aadem@bk.ru.

9. Деревягин Евгений Викторович, старший преподаватель кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России. E-mail: dereviagin2011@yandex.ru.

10. Ершов Олег Геннадьевич, главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: erшов_@gambler.ru.

11. Жуманбек Зарина Кайраткызы, слушатель факультета подготовки иностранных специалистов Волгоградской академии МВД России, младший лейтенант полиции Республики Казахстан. E-mail: zarina.zhumanbek@mail.ru.

12. Ильина Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: M-13913@ya.ru.

13. Илюхина Вера Александровна, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: eva3011@bk.ru.

14. Иноземцева Юлия Юрьевна, курсант факультета подготовки следователей Уфимского юридического института МВД России. E-mail: jinozemtseva93@gmail.com.

15. Истратенков Александр Юриевич, преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России. E-mail: istrat34@mail.ru.

16. Кабанова Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: jul-555@mail.ru.

17. Квасников Евгений Сергеевич, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России. E-mail: evgen1219@mail.ru.

18. Коломейцева Анастасия Григорьевна, старший преподаватель кафедры частного и публичного права Волгоградского гуманитарного института. E-mail: gou_anastasia@mail.ru.

19. Конюх Евгений Александрович, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: djonson0877@yandex.ru.

20. Костюченко Николай Иванович, профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: nikiv1948@gmail.com.

21. Косяченко Владимир Иванович, профессор кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: mvdtspkv@mail.ru.

22. Котельников Николай Васильевич, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nivako26@yandex.ru.

23. Малахова Ксения Валентиновна, преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России. E-mail: malakhova_kv@list.ru.

24. Малютина Оксана Александровна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: maljutinaoa@mail.ru.

25. Мартиросян Марат Гарникович, старший преподаватель кафедры гражданского и международного частного права (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Волгоградского государственного университета. E-mail: magistrorumjuris@mail.ru.

26. Мелихов Александр Викторович, доцент кафедры юриспруденции Волжского гуманитарного института (филиал ВолГУ), кандидат юридических наук. E-mail: Melikhov.alexander2013@yandex.ru.

27. Мелихов Александр Иванович, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: M-13913@ya.ru.

28. Митрофанова Ирина Александровна, аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: advance100@inbox.ru.

29. Мородумов Ринат Негаматуллаевич, доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: rinat978@mail.ru.

30. Нарушкевич Светлана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: narushkevich@yandex.ru.

31. Никитина Галина Анатольевна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России. E-mail: M-13913@ya.ru.

32. Осадченко Эльвира Олеговна, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовой кафедры ЮИЦ РАН) Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: elviraosa@rambler.ru.

33. Пагава Теймураз Леванович, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: teymuraz94@rambler.ru.

34. Пахомов Михаил Евгеньевич, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России. E-mail: rakhomoff.mikhail@yandex.ru.

35. Перегудова Дарья Алексеевна, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России. E-mail: dashaperegudova7@yandex.ru.

36. Плешакова Оксана Владимировна, адъюнкт заочной формы обучения адъюнктуры Волгоградской академии МВД России, начальник отдела правового контроля Правового управления ГУ МВД России по Волгоградской области. E-mail: m-13913@ya.ru.

37. Пономарева Екатерина Владимировна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: k021@mail.ru.

38. Пономарева Наталья Витальевна, стажер по должности старшего преподавателя кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: ponomari2008@yandex.ru.

39. Попов Михаил Юрьевич, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: mic-yurevich1960@yandex.ru.

40. Працко Геннадий Святославович, профессор Донского государственного технического университета, профессор Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор. E-mail: M-13913@ya.ru.

41. Репникова Юлия Валерьевна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: repnikova.iulia@yandex.ru.

42. Ростов Данил Викторович, курсант факультета подготовки оперативного состава подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Нижегородской академии МВД России. E-mail: alfirhuzhin@mail.ru.

43. Ростовцева Анна Михайловна, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России. E-mail: blond-rost@yandex.ru.

44. Рудьман Денис Сергеевич, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: denis-rudman@yandex.ru.

45. Садков Андрей Николаевич, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: andreiasadkov@mail.ru.

46. Садков Виталий Андреевич, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России. E-mail: wrendek@mail.ru.

47. Сат Дозураш Шолбанович, курсант ФПСПиС Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: dozurash.sat@yandex.ru.

48. Станцов Алексей Алексеевич, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: enviniatar@yandex.ru.

49. Строкина Мария Владимировна, ассистент кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, адвокат Волгоградской профсоюзной коллегии адвокатов «СССР». E-mail: jurist-volga@mail.ru.

50. Фазлиева Лилия Канзеловна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат химических наук, доцент. E-mail: LKFaz@mail.ru.

51. Хужин Альфир Мисхатович, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: alfirhuzhin@mail.ru.

52. Цветков Сергей Борисович, и. о. заведующего кафедрой предпринимательского права Волгоградского института бизнеса. E-mail: tsvetkov.1954@mail.ru.

53. Чесноков Алексей Александрович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского ЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: chesnokovaa@mail.ru.

54. Ширяева Татьяна Ивановна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nti25@yandex.ru.

55. Шпак Андрей Викторович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: a161aa161@mail.ru.

56. Яловенко Татьяна Васильевна, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: hodareva.1986@mail.ru.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
г. Волгоград, 26 октября 2018 г.

ВЫПУСК 11

Редактор *Н. Ф. Руденко*
Технический редактор *А. В. Секретева*
Компьютерная верстка *Л. Н. Портышевой*
Дизайн обложки *О. А. Напольских*

При разработке дизайна обложки использовались
материала сайта <https://konturmos.ru>

Волгоградская академия МВД России.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 17.06.2019. Объем 1,4 Мб.

Тираж 10. Заказ 17.